

ПРАВО И ПРАВОСОЗНАНИЕ
В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ
№ 2 – 2018

Донецк 2018

УДК 3401.349" 364":321.329:93/.94(051)
ББК Х062.003+Х519 я5
П685

**ПРАВО И ПРАВОСОЗНАНИЕ
В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ
№ 2 – 2018, Серия ПРАВО**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор - канд. истор. наук, доц. Е.В. Щербинина

Зам. главного редактора – канд. юрид. наук Е.Ю. Красноносков

Ответственный секретарь – Ю.С. Степанова

Члены редколлегии: канд. истор. наук, доцент И.И. Лещенко; канд. юрид. наук Е.А. Матвиенко; канд. истор. наук, доцент Р.Н. Морозов; канд. юрид. наук М.П. Тишаков

*Научный журнал. Выходит один раз в год.
Рекомендовано к печати протоколом заседания кафедры
теории и истории юридического факультета ГОУ ВПО «ДонНУ»
№ 11 от 25.05.2018 г.*

Адрес редакции: к. 225, пр. Ватутина, 1а, г. Донецк, 283050, ДНР
Телефон: 38 (062) 302-09-64
e-mail: julias.stepanova@yandex.ru
kafedratigp7@gmail.com

УДК 3401.349" 364":321.329:93/.94(051)
ББК Х062.003+Х519 я5
П685

© Коллектив авторов, 2018

Зарегистрирован в РИНЦ (Лицензионный договор № 28-01/2018 от 26.01.2018 г.)

Содержание

Болхудере Д.Д. Военный переворот 1962 года в Йемене	5
Бондаренко Ю.Э. Принципы обеспечения деятельности адвокатуры в Донецкой Народной Республике	9
Герасименко Ю.В. К вопросу формирования гражданского общества в период вооруженных конфликтов	14
Головнев В.В. Актуальные вопросы применения международного гуманитарного права в конфликтах немеждународного характера	19
Евтушенко Ю.В. Мародерство во Второй Мировой войне	24
Жигулин А.М. Уголовная политика Донецкой Народной Республики: концептуальный подход	28
Задума Я.Т. Информационная безопасность как составляющая национальной безопасности государства	32
Краснонос Е.Ю. Историко-правовые аспекты формирования полиции	37
Левченко А.И. Международное гуманитарное право – право минувших войн	40
Лещенко И.И. Византийское правосознание в контексте вооруженных конфликтов	45
Матвеев А.Н. Правотворчество в период вооруженного конфликта в Донецкой Народной Республике	50
Матвиенко Е.А. Юридические основы правоохранительной деятельности в Донбассе в 1920-е годы	54
Миргородский А.А. Проблема правосознания в творчестве Ивана Ильина в философско-правовом контексте	59
Нарыжный Н.А. К отказу имплементацией Украиной норм международного права за военные преступления	64
Овинникова Р.В. Уголовно-правовая характеристика деяний, посягающих на честь и достоинство представителя власти по уголовному законодательству Российской Федерации	68
Олейниченко В.В. Специфика правовых отношений, возникающих на основе действия чрезвычайного законодательства	76
Подлесная Н.В. Уголовно-правовая характеристика преступления против неприкосновенности частной жизни	81
Свириденко А.А., Бабичева Н.А. Понятие «Русского мира» в контексте становления государственности Луганской Народной Республики	85

Северилова П.В. К вопросу происхождения концепта «революция»	91
Степанова Ю.С. К вопросу об ограничении права собственности в период вооруженных конфликтов	96
Ткаченко М.М. Формирование правовой культуры и правосознания населения в период войн и вооруженных конфликтов	100
Швайковская В.Н. О правовых формах выражения основных принципов трудового права Донецкой Народной Республики	104
Якубовский Э.Н. Правовой регулирование деятельности судебной системы в условиях становления и развития Донецкой народной Республики	109
РЕЗОЛЮЦИЯ	115

УДК

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1962 ГОДА В ЙЕМЕНЕ

Болхудере Диана Дмитриевна

студентка 2 курс группа В

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

E-mail: dinabolhudere18@gmail.com

Аннотация: в статье рассматриваются военный переворот как революция во время второй половины 20 века (1962), на примере Йемена рассмотрен военный переворот, также в статье дана уголовно-правовая характеристика военного мятежа и насильственному захвату власти и ее удержанию.

Ключевые слова: Военный переворот, мятеж, насильственный захват власти.

Актуальность темы обусловлена тем что, революция на данный момент явление, которое пережило практически каждое государство и является одним из видов смены действующей власти путем внутреннего военного конфликта с участием третьих стран либо без такового. Революция зачастую совершается путем военного переворота, что влечёт за собой повышение уровня криминализации, понижению уровня общественного сознание и является одним из факторов общественно опасного поведения отдельных граждан. Неоднократное нарушение уголовного законодательства во время революционных действий является лишь следствие поведения граждан. Причиной такого поведения служит не способность власти удержанию контроля. На данный момент революционные движения стали набирать обороты и изучив исторический аспект которой позволит более детально изучить механизм революции позволит избежать такого исхода событий, поэтому данной теме следует уделить особое внимание.

Военные перевороты зачастую в истории описываются как революции, революционные движения, революционные перевороты и т.д. Военный переворот являться революцией, так как целью переворота являться смена как власти так смена всего режима, который был в государстве (социальный, культурный, духовный, общественный строй).

Революция — радикальное, коренное, глубокое, качественное изменение, скачок в развитии общества, природы или познания, сопряжённое с открытым разрывом с предыдущим состоянием. Революцию как качественный скачок в развитии, как более быстрые и существенные изменения, отличают и от эволюции (где развитие происходит более медленно), и от реформы (в ходе которой производится изменение какой-либо части системы без затрагивания существующих основ). Различают революции в природе (геологическая), в развитии общества (в том числе экономическом — неолитическая революция, промышленная революция, культурная революция, «зелёная революция», демографическая революция, «революция растущих потребностей») и политическом — социальная революция, политическая революция). [1, С. 245]

Революция как тип общественных движений, имеет ряд причин, объясняющих их появление. Исследователи революционного движения насчитывают пять общих элементов, которые считаются необходимыми:

1. Проблемы в экономической и фискальной сфере. Снижение потока денежных средств в государственную казну и в руки элит обычно приводят к повышению налогообложения или влезанию в кредит, часто несправедливым образом. Отчего способность выплачивать зарплату чиновникам и военным уменьшается, что приводит к росту недовольств и волнений^[4].

2. Отчуждение и сопротивление элит. В элитарных слоях каждый борется за власть и управление. В этой борьбе некоторые элиты могут прийти к мнению, что существует узкий круг из членов этнической или региональных групп, в которую входит правитель и имеет несправедливо больше полномочий, нежели другие. Отчего недовольные элиты могут воспользоваться народным возмущением и вызвать мобилизацию.

3. Революционная мобилизация. Широко распространённое, народное возмущение, подкреплённое поддержкой элит, перерастает в мятеж, который может быть вызван не обязательно нищетой или неравенством, а ощущением потери положения в обществе по причинам, которые неизбежны и в которых нет общественной вины.

4.Идеология. Представляет собой убедительный и разделяемый большинством нарратив борьбы, объединяющий требования населения и элит. Она может принимать разные формы: религиозного движения, национального освобождения и прочее. Революционным идеологиям не обязательно предлагать точный план будущего, эффективнее всего работают расплывчатые или утопические обещания лучшей жизни в сочетании с подробным и эмоционально убедительным изображением невыносимой несправедливости и неизбежных пороков существующего режима.

5.Благоприятная международная обстановка. Успех революции часто зависел от иностранной поддержки в форме отказа поддерживать политику правительства или согласия сотрудничать с оппозиционным лагерем. Так же, как вмешательство иностранной державы интервенцией, направленной на укрепление контрреволюции, приводил к краху многие революционные мятежи[2,С. 345].

Если брать отдельный вид революции как государственный переворот отметим что:

1. Государственному перевороту обязательно сопутствует военное вмешательство, применение оружия, локальные или массовые военные стычки, создание вооружённых подразделений из состава граждан которые борются с силовыми структурами государства;
2. Нарушение законодательства государства (конституционного, уголовного, административного и гражданского). Зачастую военные перевороты изобилуют нарушением уголовного законодательства (расстрелы, убийства, мародёрство, кражи, грабежи ...)

Если обратить внимание на законодательный аспект следует отметить что, непосредственно уголовного наказания за военный переворот не предусмотрено, но законодатель выделяет такие преступления как:

1. Статья 324. Вооруженный мятеж, то есть, организация вооруженного мятежа либо активное участие в нем в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя Донецкой Народной Республики либо нарушения территориальной целостности Донецкой Народной Республики. Наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет, а при наличии отягчающих обстоятельств либо в военное время - смертной казнью с конфискацией имущества[3,ст. 324].

Основным объектом преступного посягательства является конституционный строй, а также ее территориальная целостность. Государство в соответствии с Конституцией обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории. В качестве факультативного объекта выступает здоровье граждан, могущих пострадать в результате вооруженного мятежа.

Объективная сторона состава преступления выражается в совершении одного из следующих деяний:

- а) организация вооруженного мятежа;
- б) активное участие в вооруженном мятеже.

Мятеж - это организованное восстание, вооруженное выступление против власти. Вооруженность означает наличие у участников мятежа оружия, т.е. устройств и предметов, конструктивно предназначенных для поражения живой или иной цели, и реальную возможность его применения. Масштабы вооруженного мятежа, количество его участников могут быть различными и зависят от разнообразных факторов. Организация вооруженного мятежа означает деятельность лица или нескольких лиц по объединению усилий значительного числа людей к вооруженному выступлению против конституционных органов власти, а также действия по руководству мятежом. Такая деятельность может выразиться в разработке плана вооруженного выступления против органов власти, подготовке программных документов, призванных объединить людей к вооруженному выступлению, созданию организационных структур для вооруженных действий, вовлечении в них граждан, действиях по руководству вооруженным мятежом и т.п. В данной форме преступление окончено (составом) в момент совершения организационных действий независимо от того, воплотились ли они в вооруженном мятеже или нет. Активное участие в вооруженном мятеже означает совершение действий по вооруженному захвату власти, оказанию властям вооруженного сопротивления, участию в применении силы к представителям власти, в насильственном, с применением оружия, захвате правительственных помещений, зданий, транспортных узлов и узлов связи и т.п.[4,С. 188].

Вооруженный мятеж следует отличать от массовых беспорядков, которые могут перерасти в него. Массовые беспорядки локальны, вызваны недовольством действиями (бездействием) властей, нарушают общественную безопасность и общественный порядок. Вооруженный мятеж

предполагает организованное выступление против конституционных органов власти с целью их свержения, насильственного изменения конституционного строя или нарушения территориальной целостности.

Субъективная сторона состава преступления выражается в форме прямого умысла. Организатор и активный участник осознают общественно опасный характер своих действий и желают их совершить. Обязательным признаком является специальная цель преступления - свержение, удержание или насильственное изменение конституционного строя либо нарушение территориальной целостности.

Субъектами преступного посягательства выступают граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, достигшие 16 лет, вменяемые. Преступление относится к категории особо тяжких.

2 Статья 323. Насильственный захват власти или насильственное удержание власти. Действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Донецкой Народной Республики, а равно направленные на насильственное изменение конституционного строя Донецкой Народной Республики, наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет, а при наличии отягчающих обстоятельств либо в военное время - смертной казнью с конфискацией имущества[3,ст. 323].

Основным объектом преступного посягательства выступает конституционный строй, т.е. те его основы, в которых закреплены принципы, порядок формирования и функционирования органов государственной власти. Конституция гласит, что носителем суверенитета и единственным источником власти и является ее многонациональный народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Факультативным объектом выступают физическая неприкосновенность, честь и достоинство лиц, могущих пострадать от насильственных действий.

Объективная сторона состава преступления выражается в совершении действий, отличающихся друг от друга по своей направленности:

- а) направленные на насильственный захват власти в нарушение Конституции;
- б) направленные на насильственное удержание власти в нарушение Конституции;
- в) направленные на насильственное изменение конституционного строя.

Диспозиция статьи предусматривает один способ захвата власти и ее удержания, а также изменения конституционного строя - насилие. Под этим термином следует понимать как фактическое использование силы (организация массовых беспорядков, вооруженного мятежа и т.п.), так и психическое воздействие путем угрозы ее применения (предъявление ультиматумов, заявлений, угрозы физической расправы и т.п.). Захват или удержание власти осуществляются в нарушение Конституции. Любой неконституционный путь прихода к власти и ее удержания является незаконным.

Насильственный захват власти - это завладение ею насильственным путем лицами, группировками, организациями, которым власть не принадлежала. Совершаемые действия могут быть различными: от физического устранения лиц, законно осуществляющих властные полномочия, или их принудительной изоляции до блокирования работы органов законодательной, исполнительной и судебной власти.

В данной форме преступление окончено (составом) в момент совершения действий, направленных на насильственный захват власти, независимо от того, привели ли они к фактическому обладанию властью или нет.

Насильственное удержание власти характеризуется некоторыми особенностями. В одном случае оно будет являться этапом, следующим за насильственным захватом власти. В другом случае оно рассматривается как самостоятельное преступление, т.е. насильственное сохранение власти в нарушение Конституции лицами, которым она ранее принадлежала по закону. Действия по насильственному удержанию власти могут выражаться в недопущении вновь избранных лиц к осуществлению управленческо-властных функций, их блокировании, ограничении либо лишении свободы, введении режима чрезвычайного положения, комендантского часа, вводе войск и т.п. [5,С. 222].

В данной форме преступление окончено (составом) в момент совершения действий, направленных на насильственное удержание власти, независимо от того, привели ли они к желаемому результату или нет. Насильственное изменение конституционного строя следует рассматривать как следующий за насильственным захватом или удержанием власти этап. Однако в ряде случаев оно

может образовывать состав самостоятельного преступления. Например, лица, законно находящиеся у власти, изменяют конституционный строй насильственным способом. Действия по насильственному изменению конституционного строя могут выразиться в изменении структуры государственной власти, упразднении одних институтов власти и введении новых, введении в действие новой Конституции, существенно изменяющей конституционный строй, и т.п.

Субъективная сторона состава преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. Виновное лицо осознает общественную опасность совершаемых им действий, направленных на насильственный захват или насильственное удержание власти, а равно на насильственное изменение конституционного строя, и желает их совершить. Цель преступления - насильственный захват или удержание власти либо насильственное изменение конституционного строя. Субъектом преступного посягательства могут быть граждане, иностранные граждане и лица без гражданства, достигшие 16 лет, вменяемые[6,С. 301].

Как исторические пример приведем военный переворот 1962 года в Йемене

Война в Йемене, которую сами йеменцы называют «Революцией 26 сентября», началась в 60-х годах прошлого века и продолжалась до 1967 года, вплоть до поражения Египта, или так называемой «Наксы» 1967 года (шестидневная война 1967 года — прим. ред.).

Война началась, когда сторонники республиканского режима окружили дворец имама Аль-Бадра, в результате чего Мутаваккилийское королевство пало, а имам бежал в Саудовскую Аравию. Однако Великобритания, Саудовская Аравия и Иордания продолжили поддерживать своих сторонников до 1970 года, в то время как Гамаль Абдель Насер выступил в этой войне на стороне республиканцев. Тем самым он рассчитывал заработать очки против Саудовской Аравии, которая, по его мнению, стояла за распадом объединенной республики, созданной Египтом и Сирией. Кроме того, его целью было распространить социализм в арабском регионе и создать в нем проегипетские режимы в соответствии с идеями панарабизма, которые он продвигал.

Йемен был монархическим государством и имел официальное название Йеменское Мутаваккилийское Королевство. Монархия была британской колонией, и когда некоторые эмиры выразили желание присоединиться к Объединенной Арабской Республике, которая была образована между Египтом и Сирией в 1958 году, король Йемена выступил против и изгнал их из страны. После того как в 1961 году Объединенная Арабская Республика распалась, Гамаль Абдель Насер начал ожесточенную войну против короля Йемена в отместку Саудовской Аравии, которая, как он считал, была виновна в провале проекта объединенного государства с Сирией. Кроме того, Насер оказал поддержку маршалу Абдалле Ас-Салялю, который совершил военный переворот против короля Йемена[7,С. 245].

Война началась в 1962 году и продолжалась до 1970 года, то есть длилась восемь лет, хотя основные боевые действия были прекращены уже в 1968 году после поражения Египта в войне годом ранее (событие, известное как «накса» — поражение). Король Йемена покинул страну и нашел убежище в Саудовской Аравии, откуда руководил военными действиями против Египта при совместной поддержке таких стран, как Саудовская Аравия, Иордания и Великобритания.

Египет одержал военную победу в Йемене и способствовал развитию этого государства. Однако если говорить о цене победы, то она была очень высокой — в йеменской войне Египет понес наибольшие потери за всю современную историю страны. Египетская армия была полностью истощена, было убито почти 26 тысяч солдат, вследствие чего Йемен стали называть Вьетнамом. Что касается финансовых затрат Египта на войну, то они составили 40 миллионов египетских фунтов[8,С. 333].

Как итог по всей работе отметим что:

1. Революция — радикальное, коренное, глубокое, качественное изменение, скачок в развитии общества, природы или познания, сопряжённое с открытым разрывом с предыдущим состоянием. Революцию как качественный скачок в развитии, как более быстрые и существенные изменения, отличают и от эволюции (где развитие происходит более медленно), и от реформы (в ходе которой производится изменение какой-либо части системы без затрагивания существующих основ).
2. Мятеж - это организованное восстание, вооруженное выступление против власти. Вооруженность означает наличие у участников мятежа оружия, т.е. устройств и предметов, конструктивно предназначенных для поражения живой или иной цели, и реальную возможность его применения.
3. Насильственный захват власти или насильственное удержание — власти- это действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в

нарушение Конституции Донецкой Народной Республики, а равно направленные на насильственное изменение конституционного строя Донецкой Народной Республики

4. Любая военная переворот сам по себе является преступлением, которое нарушает конституционные нормы и нормы уголовного законодательства.

Список использованной литературы:

1. Бриллиантова А.В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2010. – 1232 с.
2. Сверчков, В.В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебное пособие / В. В. Сверчков. - М.: Москва: Юрайт, 2011. – 594 с.
3. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]: Утвержден Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19 августа 2014 г. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokume..> – Дата обращения: 08.04.2017. – Загл. с экрана.
4. Жалинский, А.Э. Практикум по уголовному праву / А.Э. Жалинский. - М.: Городец, 2017. - 865 с.
5. Грошев А.В. Актуальные проблемы уголовного права. Учебник / А.В. Грошев, В.И.Петрухин и др. - М.: Проспект, 2016. - 560 с.
6. Блинников А. В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / А. В. Блинников и др. - М.: Москва: Проспект, 2011. – 1232 с.
7. Трунов Н.Р. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Н.Р. Трунов — М.: Юристъ, 2011. – 678 с.
8. Таганцев Н.С. Соловьева Уголовное право. Общая и Особенная части: учебное пособие / Н.С. Таганцев – Москва: Юрайт, 2011. – 894 с.

УДК: 347.965(477.6)"2014/..."

Бондаренко Юлия Эдуардовна
Студентка 2 курса Магистратуры Юридического факультета ГОУ ВПО
«Донецкий национальный университет», г. Донецк
yulya.bondarenko@inbox.ru

ПРИНЦИПЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТУРЫ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Резюме. В данной статье изучены принципы обеспечения деятельности адвокатуры Донецкой Народной Республики, их взаимосвязь, характеристика каждого из принципов. Проведён анализ основных принципов организации и деятельности адвокатуры.

Ключевые слова: обеспечение деятельности адвокатуры, принципы деятельности адвокатуры.

Summary. This article examines the principles of advocacy of the Donetsk people's Republic, their relationship, the characteristics of each of the principles. The analysis of the basic principles of the organization and activity of the bar.

Keywords: provision of activity of advocacy, principles of activity of advocacy.

В связи со становлением Донецкой Народной Республики организация деятельности института адвокатуры приобретает особое значение.

Так, постановлением Народного Совета Донецкой Народной Республики №I-92П-НС от 20 марта 2015 года принят Закон «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», который определяет правовые основы организации и деятельности адвокатуры, осуществления адвокатской деятельности в Донецкой Народной Республике.

Адвокатской деятельностью является независимая профессиональная деятельность адвоката при осуществлении защиты, представительства и предоставления других видов юридической помощи в целях защиты прав, свобод и интересов клиентов. Адвокатская

деятельность не является предпринимательской. На адвокатов не распространяются нормы гражданского, налогового и иных видов законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность физических лиц. Не является адвокатской деятельностью юридическая помощь, оказываемая: работниками юридических служб юридических лиц, а также работниками органов государственной власти и органов местного самоуправления; - участниками и работниками организаций, физическими лицами - предпринимателями, оказывающих юридические услуги; - нотариусами, патентными поверенными, за исключением случаев, когда в качестве патентного поверенного выступает адвокат, либо другими лицами, которые законом специально уполномочены на ведение своей профессиональной деятельности.

Адвокатура Донецкой Народной Республики это негосударственный, независимый, самоуправляемый институт, который осуществляет защиту, представительство и предоставление иных видов юридической помощи на профессиональной основе, а также самостоятельно решает вопросы организации и деятельности адвокатуры. Адвокатуру Донецкой Народной Республики составляют все адвокаты Донецкой Народной Республики, которые имеют право осуществлять адвокатскую деятельность. С целью обеспечения надлежащего осуществления адвокатской деятельности, соблюдения гарантий адвокатской деятельности, защиты профессиональных прав адвокатов, обеспечения высокого профессионального уровня адвокатов и решения вопросов дисциплинарной ответственности адвокатов в Донецкой Народной Республике действует адвокатское самоуправление [1].

Смыслом и целью существования адвокатуры, как института профессиональной защиты и представительства, является оказание юридической помощи всем, кто в таковой нуждается. Пожалуй, только применительно к адвокатуре, и ни к одной другой организации, цели и задачи ставит само гражданское общество. Ни на одну другую организацию, не являющуюся государственной, сегодня не возлагаются столь важные государственные функции. Залогом успешной адвокатской деятельности является демократия, законность, соблюдение прав человека, уважение его индивидуальной свободы, чести и достоинства.

Видами адвокатской деятельности являются, в частности: предоставление правовой информации, консультаций и разъяснений по правовым вопросам, правовое сопровождение деятельности юридических и физических лиц, органов государственной власти, органов местного самоуправления, государства; составление заявлений, жалоб, процессуальных и других документов правового характера; защита прав, свобод и интересов подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного, лица, в отношении которого пред- полагается применение принудительных мер медицинского или воспитательного характера или решается вопрос об их применении в уголовном производстве, лица, в отношении которого рассматривается вопрос о выдаче иностранному государству (экстрадиции), лица, привлекаемого к административной ответственности при рассмотрении дела об административных правонарушениях; предоставление правовой помощи свидетелю в уголовном производстве; представительство интересов потерпевшего при рассмотрении дела об административных правонарушениях, прав и обязанностей потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика в уголовном производстве; б) представительство интересов физических и юридических лиц в судах при осуществлении всех видов судопроизводства независимо от стадии, а также в иных государственных органах, перед физическими и юридическими лицами; представительство интересов физических и юридических лиц, государства, органов государственной власти, органов местного самоуправления в зарубежных, международных судебных органах, если иное не установлено законодательством иностранных государств, уставными документами между- народных судебных органов и других международных организаций или международными договорами; предоставление правовой помощи при исполнении и отбывании уголовных наказаний.

Перечень видов адвокатской деятельности не является исчерпывающим. Адвокат вправе осуществлять иные виды адвокатской деятельности (как по разовым поручениям, так и на долгосрочной основе) не запрещенные законами Донецкой Народной Республики.

Исследование нормативно-правового регулирования организации и деятельности адвокатуры показывает, что нормативно-правовая база регулирования деятельности адвокатуры в последнее время претерпевает существенные изменения.

Деятельность адвокатов Донецкой Народной Республики является независимой от органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных и служебных лиц.

В институте адвокатуры кроме понятия адвокатской деятельности важное место занимают основные руководящие принципы организации и деятельности адвокатуры.

Принципы права представляют собой основные идеи, исходные положения или ведущие начала процесса его формирования, развития и функционирования.

Адвокатура Донецкой Народной Республики осуществляет свою деятельность на следующих принципах: верховенства права; законности; свободы и независимости адвокатов при осуществлении своей профессиональной деятельности; процессуального равноправия адвокатов; конфиденциальности (соблюдение адвокатской тайны); недопустимости осуществления деятельности при наличии конфликта интересов; использования всех не запрещенных законодательством средств и способов защиты прав, свобод и интересов клиента [1].

Наиболее важным и универсальным принципом в деятельности адвокатуры является принцип законности, который проявляется в строгом следовании требованиям закона, что является обязательным условием деятельности адвоката и адвокатуры. Это означает, что адвокат призван защищать подлинные (а не мнимые) права лица, не любые его интересы, а только законные. Средства и методы защиты должны быть основаны на законе. Адвокат не вправе в интересах клиента представлять правоохранительным органам подложные документы, сфальсифицированные доказательства, воздействовать на свидетелей и потерпевших, дабы склонить их к отступлению от правды и даче ложных показаний и т.п. [2].

Принцип законности применительно к адвокатской деятельности отображен в ст. 7 Закона Донецкой Народной Республики «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», которая устанавливает, что законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре основывается на Конституции Донецкой Народной Республики и состоит из настоящего Закона, других законов, а также принимаемых в соответствии с ними нормативными правовыми актами Главы Донецкой Народной Республики, Правительства Донецкой Народной Республики, актов органов адвокатского самоуправления, регулирующих указанную деятельность, международных договоров Донецкой Народной Республики, с учетом общепризнанных принципов и норм международного права.

Это значит, что адвокат самостоятелен в выборе правовой позиции и средств защиты при неизменном условии: не вредить клиенту, всегда оставаться защитником его законных интересов.

Поэтому и существует соглашение сторон, в котором клиенту необходимо пояснить его права и обязанности, свои права и обязанности и получить его согласие на ведение дела согласно выбранной по делу позиции.

С принципом законности граничит принцип адвокатской этики. Адвокат обязан выполнять Кодекс профессиональной этики адвоката, который разрабатывается и утверждается Конференцией адвокатов Донецкой Народной Республики и который устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности.

Этические нормы касаются различных вопросов адвокатской деятельности: конфиденциальности отношений доверителя и адвоката, вопроса выплаты гонорара, другие вопросы взаимоотношений с клиентами и др.

Принцип конфиденциальности позволяет клиенту раскрыть перед адвокатом все самые сокровенные детали своего дела и вселяет уверенность, что все, что он выложит перед своим поверенным, останется под надежной защитой закона. Если хоть на мгновение предположить невозможное со следующего дня отменяется и перестает действовать принцип конфиденциальности, адвокатура как институт потерял бы право на существование [3].

Конфиденциальность означает определенную законом или иным правовым актом информацию, которая характеризуется в первую очередь ограниченностью доступа к ней определенного круга лиц.

Содержание, объем и характер информации, которая поступает к адвокату от его подзащитного или доверителя, определяется не законом или иным нормативным актом, а ее непосредственным владельцем.

Принцип равноправия адвокатов заключается в отсутствии кастовости в адвокатуре, деления адвокатов на начальников и подчиненных, старших и младших по чину, работодателей и работников. При решении своих внутренних корпоративных задач каждый адвокат пользуется правом только «одного голоса», независимо ни от стажа его работы, ни от возраста, ни от количества зарабатываемых или вносимых им в «общую кассу» средств. К адвокатам не могут быть применены «правила внутреннего трудового распорядка», требования трудовой дисциплины и иные категории трудового права, поскольку их деятельность не носит характера работы по трудовому договору или иного характера, регулируемого трудовым законодательством [4].

В соответствии с данным принципом все адвокаты равны:

1) при приобретении статуса ко всем претендентам применяются одинаковые требования;

2) все адвокаты обладают равными правами и обязанностями;

3) законодательством гарантировано равенство статусов адвокатов вне зависимости от времени приобретения этого статуса. Исключение составляют только адвокаты иностранных государств, которые могут оказывать юридическую помощь в РФ только по вопросам права иностранного государства, и они не допускаются к оказанию юридической помощи по вопросам, связанным с государственной тайной.

Что касается принципа верховенства права, то он означает абсолютный и безусловный приоритет права, независимо от того, кто стоит перед Законом. Главным критерием верховенства права и законности любого нормативного акта прежде всего является его соответствие Конституции как Основному Закону, который имеет высшую юридическую силу. В развитии и деятельности адвокатуры в целом этот принцип закладывается как акт сознательного признания и восприятия конституционного приоритета во всех правотворческих и правоприменительных процессах на территории государства. Непосредственно в деятельности каждого адвоката этот принцип проявляется в вопросах оценки правоприменительных действий физических и юридических лиц и правоохранительных органов, как признак профессионализма и высокой правовой культуры [5].

Как упоминалось выше адвокатура является независимой профессиональной деятельностью. Из этого следует, что независимость адвоката является сугубо профессиональной категорией, то есть независимость в пределах конкретных функций - защита, представительство, предоставление других видов правовой помощи клиенту. Адвокат также является полностью независимым в выборе клиента и условий соглашения на предоставление правовой помощи. Адвокат свободен в выборе средств защиты и собственной позиции, которую он согласовывает с клиентом. Клиент - это единственная

процессуальная фигура, с которой он обязан согласовывать каждый свой шаг, связанный с защитой интересов последнего.

Независимость это не только неконтролируемая свобода процессуальных действий адвоката при производстве конкретного дела в рамках закона, своих процессуальных прав и обязанностей. Но это одновременно и высокая сознательность и ответственность перед клиентом. Следовательно, профессиональная независимость ограничена интересами клиента и правовыми пределами закона [6].

Что касается принципа недопустимости осуществления деятельности при наличии конфликта интересов, то статья 1 Закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» объясняет этот принцип как расхождение между личными интересами адвоката и его профессиональными правами и обязанностями, наличие которого может повлиять на объективность, беспристрастность при исполнении адвокатом его профессиональных обязанностей, а также на совершение либо не совершение им действий при осуществлении адвокатской деятельности.

Рассмотрев данные принципы можно найти некую их взаимосвязь, которая выражается в соподчинении одного принципа над другим.

Предназначение адвокатуры – правоохранительная деятельность, защита прав и законных интересов граждан и организаций. Государство определяющее себя как правовое, должно быть заинтересовано в том, чтобы адвокатура была высокопрофессиональным институтом. Государство должно обеспечивать независимость адвокатуры и доступность юридической помощи, содействовать в осуществлении мероприятий по повышению квалификации адвокатов, принимать меры к защите адвокатов от преследований, необоснованных ограничений их профессиональной деятельности.

Таким образом, эффективная защита прав и законных интересов клиента адвокатом обеспечивается многими принципами организации и деятельности адвокатуры как правозащитной организации. Особая ценность этого правозащитного института состоит в том, что он служит защите интересов частных лиц, то есть обеспечивает конституционный принцип приоритета прав и свобод человека, его интересов перед государственными интересами.

Список литературы

1. Закон Донецкой Народной Республики № 25-ІНС от 20.03.2015 «Об адвокатуре», действующая редакция по состоянию на 17.03.2016 / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-advokature/>
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 июня 2002 г. — № 23. — Ст. 2102.
3. Буробин, В.Н. Русская бизнес-адвокатура. Опыт создания юридической фирмы / В. Н. Буробин / Адвокатская фирма «Юстина». — М.: Статут, 2009. — 167 с.
4. Нормативно-правовой и информационный материал, рекомендуемый для использования в работе адвокатам, учредившим адвокатский кабинет / Материал подобран и систематизирован адвокатом Т. Ф. Карповой, одобрен и рекомендован к публикации Советом Адвокатской палаты Ростовской области. Издание 2-е, испр. и доп. — Ростов-на-Дону: «ТС-полиграфия», 2009. — 272 с.
5. Багаутдинов Ф. Закон об адвокатуре: взгляд с другой стороны // Российская юстиция. — 2005.-№ 5
6. Козак Д.Н. Научно-практический комментарий к ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре». — М.-2003.

УДК 347.471.01

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Герасименко Юлия Вячеславовна

ст. преподаватель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

E-mail: iuliatr@.ru

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы формирования и особенности функционирования гражданского общества в период вооруженных конфликтов, рассмотрены нравственные основы гражданского неповиновения государственной власти.

Ключевые слова: гражданское общество, государственная власть, конфликт.

После антиконституционного переворота в Киеве зимой 2013–2014 гг. и последовавших за этим событий в Крыму, в феврале–марте 2014 года на Юго-Востоке Украины начались массовые протестные выступления, которые переросли в национально-освободительное движение. Открытое народное восстание перешло в стадию затяжного вооруженного конфликта на территории одного государства.

Важно отметить, что все отношения в государстве осуществляются при участии человека, который обладает сознанием и волей. Именно субъективный фактор осуществляет возможность сознательной регуляции политических процессов в обществе.

Понятие «гражданское общество» своими корнями восходит к идее полиса Аристотеля. Философ отождествлял его с государством-полисом. Быть членом политического общества – означало быть гражданином. Процесс становления гражданского общества имеет довольно длительную историю.

Гражданское общество не изолировано от государства, а является пространством взаимодействия между гражданином и государством. Это одна из форм общности людей, которая ограждена от вмешательства государственной власти, но тесно с ней соприкасающаяся.

Гражданское общество являет собой особую общность мыслящих людей, которые полагают своей целью создание идеального общественного устройства, основанного на идеях справедливости, благополучия, свободы и уважения к человеческой личности. Формирование гражданского общества связано с проблемами развития государства, повышения эффективности действия и реализации права и закона в обществе.

Известные представители классической философской мысли Локк, Гоббс, Монтескье, Руссо, Кант, Гегель и многие другие рассматривали гражданское общество как философско-теоретическую конструкцию.

Первоначально термин гражданское общество (Civil society) использовался для разграничения общества и государства. Сейчас этот термин стал употребляться для обозначения социальных организаций и институтов, которые обладают относительной независимостью от государства. Это особая организация людей, которые объединены единым намерением – создать в государстве условия, которые будут способствовать становлению законности, развитию и укреплению правовых традиций, достижения благополучия и реализации прав и законных интересов человека и гражданина.

Конфронтация гражданского общества и государства связана с развитием идеи либерализма, в соответствии с которой государство должно исполнять роль «ночного сторожа». В рамках этой концепции, в государстве должны быть некие свободные от управления сферы, в которых может проходить социальная жизнь человека. Кант, описывая феномен гражданского общества, замечал, что это такая организация людей, в

которой свобода в пределах действующих законов сочетается с максимально возможным развитием общества.

По мнению Канта, личность, как элемент гражданского общества созидает все собственными силами и также самостоятельно отвечает за совершенное. Столкновение личных интересов людей и необходимость защиты этих законных интересов побуждает к самосовершенствованию и саморазвитию общества, а необходимым элементом самосовершенствования граждан выступает экономическая и политическая свобода, законодательно обеспеченная правом [1, 7].

В своих рассуждениях о гражданском обществе Гегель определял его как сферу действия частного интереса. К фундаментальным принципам функционирования гражданского общества философ относил следующие: принцип частной собственности, личной свободы, открытости и всеобщей осведомленности, независимого формирования общественного мнения и справедливых и неукоснительно соблюдаемых законов. Большое значение Гегель придавал деятельности судебной системы при осуществлении правосудия [2, 346].

На сегодняшний день учеными не выработано единого определения гражданского общества. Под гражданским обществом понимают некий социальный порядок, который способствует благоприятному и всестороннему развитию личности.

Гражданское общество – это, прежде всего, общество, способное к самоорганизации и обладающее возможностью, в случае необходимости, противопоставить себя государству, если оно в лице власти грубо и цинично нарушает интересы граждан.

Особенно сильно вызывает протестную реакцию общества игнорирование или прямое нарушение традиций и моральных устоев. Именно вопросы понимания истории, символов, уважение религиозных и национальных традиций являются фундаментальными основами, на которых строится любое государство.

Многие правоведы признают, что одной из причин противоправного поведения граждан или даже широких масс в современном мире оказывается не только и не столько «асоциальность» нарушителей законного порядка, сколько конфликты между разными социальными группами, а также между этими группами и законом. Власть, которая пренебрегает историческим прошлым или пытается подменить сложившиеся традиции чуждыми ценностями, вызывает протестные выступления со стороны граждан государства вплоть до вооруженных восстаний и смены политической элиты страны.

Это наглядно подтверждает конфликт на Юго-Востоке Украины. Первоначально, при возникновении конфликта, все требования жителей Донбасса сводились лишь к следующему: языковая автономия и федерализация региона. Но вместо конструктивного диалога между противоборствующими сторонами кандидат в президенты Украины Петр Порошенко в своем интервью 27.04.2014 г. на встрече с избирателями в Луганске заявил о том, как, на его взгляд, нужно говорить с протестующими. Будущий гарант Конституции Украины заявил, что если жители взбунтовавшихся регионов не понимают ни русского, ни украинского языка, тогда, возможно, они поймут язык силы [3].

Осуществление этого намерения и было незамедлительно начато. Против собственного народа для подавления недовольства на Донбассе правительство Украины бросило армию, авиацию, системы залпового огня, сотни танков... Оно стало разговаривать со своими гражданами на языке силы.

Авангардом этих подразделений стали националистически настроенные «активисты», не скрывающие своего преклонения перед С. Бандерой и высказывающие презрение к жителям русскоязычного Юго-Востока Украины. Именно на украинских националистах лежит вина за начало кровавой фазы развития гражданского конфликта.

Согласно Постановлению Кабинета Министров Украины от 07.11.2014 г. № 595 «Некоторые вопросы финансирования бюджетных учреждений, осуществление социальных выплат населению и предоставления финансовой поддержки отдельным

предприятиям и организациям Донецкой и Луганской областей, а также других платежей со счетов, открытых в органах казначейства», министерствам и иным центральным органам исполнительной власти, местным государственным администрациям предписано до 01.12.2014 г. осуществить перемещение бюджетных учреждений, предприятий и организаций с временно неподконтрольной территории Донецкой и Луганской областей в населенные пункты, на территории которых органы власти осуществляют свои полномочия в полном объеме [4]. То есть, Украина сама оставила жителей восставшего Донбасса без организации общества, обрекая население на беспорядок и хаос.

Кроме того, как «средство перевоспитания непокорных» была введена экономическая блокада, оставившая сотни тысяч пожилых людей и социально незащищенных граждан без средств к существованию. Фактически «европейское» государство с разрешения мирового цивилизованного сообщества само выступило в качестве грубого нарушителя естественных прав и свобод человека.

Развитие этих событий стало причиной закономерного процесса самоорганизации населения, и, как результат такой самоорганизации, появления гражданского общества, показавшего свою способность противопоставить себя государству.

История нашего народа хранит в себе много примеров противостояния гражданского общества государственной власти. Обращаясь к истории, вспомним наглядный пример самоорганизации населения.

В Смутное время подъём национально-освободительного движения выразился в создании народного ополчения.

Кузьма Минин (земской староста из Нижнего Новгорода) и князь Дмитрий Пожарский собирают ополчение. Ополчение формируется в Нижнем Новгороде – городе, в котором сформированы все условия для возникновения гражданского общества. Это торговый город, жители которого, как теперь принято говорить – зажиточные предприниматели, так называемый средний класс, которые обладали самостоятельностью и независимостью. Следует отметить, что в ополчении сплотилось все русское общество, в нем были представлены все слои населения.

Именно гражданское общество дало возможность сохранить государственность русскому народу. Это хороший пример самоуправления обществом и способность граждан самостоятельно, вопреки государственной власти, организовать успешное вооруженное сопротивление.

Нельзя не упомянуть и о роли Русской православной церкви в становлении и формировании гражданского общества. Именно Русская православная церковь всегда являлась тем стержнем, на котором держалось государство. Ту роль, которую играла православная церковь в становлении русской государственности сложно переоценить.

Когда власть в государстве была парализована, патриарх Гермоген взял на себя смелость обратиться ко всем монастырям, городским и сельским приходам с воззванием о том, что необходимо сплотиться всему русскому обществу для оказания общего сопротивления польским захватчикам, чтобы сохранить свою веру и свое государство.

Патриотизм и верность духовным традициям были тем фундаментом, на котором возникло гражданское сопротивление силам, пытавшимся уничтожить русскую государственность.

Та экстремальная ситуация, в которой оказалось наше общество в наши дни напоминает нам эпоху Смутного времени в России начала XVII в.

Возникает вопрос о правомерности и пределах противостояния гражданского общества государственной власти. Необходимо определить насколько безгранично послушание гражданина государственной власти, абсолютен ли долг повиновения власти и есть ли пределы такого повиновения? Конфликт между интересами граждан и государством ставит теоретический и практический вопрос о пределах повиновения общества государству.

На наш взгляд, повиновение граждан власти должно соблюдаться пока государство верно своему долгу и исправно выполняет свои функции по реализации естественных прав и законных интересов граждан. Гражданин безусловно должен соблюдать послушание государству, если государство, в свою очередь, выполняет свои обязанности по отношению к гражданам этого государства.

Какие же обязанности у государства перед своими гражданами? Это, прежде всего, гарантии обеспечения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, справедливости и защиты национальных интересов всего общества. Оказать организованное сопротивление государственной власти, которая прямо нарушает интересы граждан, может только гражданское общество.

Существует два основных вида сопротивления личности государственной власти: вооруженное восстание и мирное гражданское сопротивление.

Рассматривая мирное гражданское сопротивление граждан, следует отметить, что это вид борьбы, средствами которой являются такие акции как забастовка, митинг, манифестация, марши протеста, коллективные жалобы на действия органов государственной власти, привлечение внимания общества через средства массовой информации к фактам злоупотребления власти чиновниками различного уровня и высшими должностными лицами государства. Конечно, такая форма протеста не всегда является эффективной и может перерасти в вооруженное гражданское сопротивление. Характерной чертой гражданского восстания является то, что оно всегда выходит за рамки правового поля. Но все же право на восстание закреплено не только теоретически, но и в нормативно-правовых актах.

Так, в Декларации независимости США отмечено, что в случае если власть злоупотребляет своими правами и применяет к гражданам необоснованное насилие с целью установления неограниченного деспотизма, то не только естественным правом народа, но и его обязанностью является вооруженное восстание против власти с целью установления нового порядка, основанного на праве и справедливости. [5].

Аналогичные положения закреплены и в ст. 20 конституции Федеративной Республики Германии (далее - ФРГ). Основным закон ФРГ устанавливает право граждан на сопротивление всем, кто предпринимает попытки свержения существующего государственного строя, в случае, если иные способы не возможно применить [6].

Принцип сопротивления власти получил распространение и в международном праве. Преамбула Всеобщей декларации прав человека 1948 г. предупреждает государственную власть, допускающую нарушение естественных прав и свобод человека о том, что население может прибегнуть в качестве последнего средства защиты своих естественных прав и законных интересов к восстанию против тирании и угнетения. Из этого можно сделать вывод, что декларация признает правомерность гражданского восстание против тирании и угнетения с целью обеспечения прав и свобод человека [7].

Русская православная церковь также обращается к вопросу гражданского неповиновения. В 2000 г. был принят документ «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», в котором отмечено, что христианин должен повиноваться законам того государства, где он проживает. Но в случае, когда закон вынуждает отступить от веры или совершить грех по отношению к Богу или ближнему, православный христианин должен решительно заявить о своем неподчинении такому закону, прибегнув к гражданскому неповиновению [8].

Возникает закономерный вопрос: если восстание выходит за рамки правового поля, то является ли оно правонарушением? На наш взгляд следует различать эти понятия по следующим критериям:

1. Цель. Гражданское неповиновение ставит целью восстановление общего блага и справедливости, т. е. при этом не преследуются никакие корыстные цели как при

правонарушении. Участники гражданского неповиновения не приобретают никаких благ, а наоборот рискуют своим благополучием во имя общего блага.

2. Публичность. Восстание всегда открыто бросает вызов власти с целью привлечения внимания как можно большего количества граждан, правонарушение же предполагает скрытность.

3. Нравственность. Гражданское восстание следует высоким этическим нормам поведения. Оно не заслуживает нравственного осуждения. Это поведение, прежде всего, людей, способных жертвовать собой во имя всеобщего блага и справедливости. Именно такие люди и составляют основу гражданского общества в государстве и способны изменить государственную власть.

Таким образом, при значительном ограничении естественных прав и свобод и упорном нежелании власти вести цивилизованный диалог со своими гражданами, гражданское общество вынуждено осуществлять свою деятельность вне правового поля, дестабилизируя государство. Именно организованное сопротивление социально-активных граждан государства может превратиться в могучую силу, которая в состоянии заставить государственную власть считаться с законными интересами всего общества.

Вооруженный конфликт становится одним из факторов, способствующих процессу формирования в государстве гражданского общества.

Как правило, при исследовании внутригосударственных раздоров вопросу изучения влияния гражданского общества на урегулирование конфликта не уделяется должного внимания. Считается, что ведущее значение в управлении государством принадлежит органам государственной власти. Однако зачастую, как показывает история, гражданское общество играет ключевую роль в разрешении конфликтов.

Список литературы

1. Сунгуров А.Ю. Гражданское общество и его развитие в России. – Санкт-Петербург: Ютас, 2008. – 135 с.

2. Гегель Г.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

3. Только на языке силы // URL: <http://www.ntv.ru/> (дата обращения: 02.04.2018).

4. Постанова Кабінету Міністрів України від 07.11.2014р. №595 «Деякі питання фінансування бюджетних установ, здійснення соціальних виплат населенню та надання фінансової підтримки окремим підприємствам і організаціям Донецької та Луганської областей, а також інших платежів з рахунків, відкритих в органах Казначейства» // Офіційний портал Верховної Ради України URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/595-2014-%D0%BF> (дата обращения: 02.04.2018).

5. Декларация независимости США // URL: <https://ushistory.ru/istochniki/teksty-k-seminaram/779-declaration-of-independence-na-anglijskom-i-na-russkom-jazykah> (дата обращения: 04.04.2018).

6. Конституция Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. с последующими изменениями и дополнениями до 20 октября 1997 // URL: http://legalportal.am/download/constitutions/83_ru.pdf (дата обращения: 04.04.2018).

7. Всеобщая декларация прав человека Принята [резолюцией 217 А \(III\)](#) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года// Организация Объединенных

Наций URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 04.04.2018).

8. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Русская православная церковь отдел внешних церковных связей URL: <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/> (дата обращения: 02.04.2018).

УДК 341

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В КОНФЛИКТАХ НЕМЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

Головнёв Виктор Владимирович

студент 2 курса магистратуры

ГОУ ВПО «Донецкий Национальный Университет», г. Донецк

E-mail: blendshape@yandex.ru

Аннотация: в статье рассмотрен один из видов вооруженного конфликта – определено его понятие и основные признаки, сделан анализ его характерным чертам.

Annotation: in the article one of the types of armed conflict is considered - its concept and main features are defined, its characteristic features are analyzed.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, международный конфликт, гибридный конфликт, международное-гуманитарное право.

Keywords: warfare, international conflict, hybrid warfare, international humanitarian law.

Вооруженные конфликты всегда были, есть и будут неотъемлемой частью человечества. По данным Международного института стратегических исследований с течением времени количество таких конфликтов не увеличивается, но сами конфликты становятся более смертоносными. Так, в 2008 году в результате 63 вооруженных конфликтов погибли 56 тыс. человек, в то время как уже в 2014 году в 42 конфликтах число жертв возросло в 3 раза (погибло 180 тыс. человек).

Мировое сообщество предпринимает постоянные попытки смягчить тяжесть последствий войны, уменьшить ее разрушительный характер. В связи с чем, возникла необходимость в становлении и развитии такой отрасли международного права как международное гуманитарное право (МГП), которое можно рассматривать, как пробу государств установить определенные нормы и правила поведения сторон вооруженного конфликта для того, чтобы сократить число конфликтов, облегчить страдания жертв, а также уменьшить их количество. Данные нормы должны содержаться в международных договорах и признаваться всеми членами международного сообщества.

Следует отметить, что в становлении и развитии международного гуманитарного права Россия сыграла первостепенную роль. Именно по инициативе российского правительства в 1868 г. в Санкт-Петербурге состоялась одна из первых конференций, заложивших основы этого права. Конференция определила общие принципы ведения военных действий, которые сохранили свою значимость и по сей день.

Однако развитие технологий и самого общества привело к новым формам и методам ведения войны. Вследствие чего нормы МГП все больше и больше теряют свою эффективность, роль международных организаций в урегулировании конфликтов постепенно угасает.

Актуальность темы данного исследования состоит в том, что на сегодняшний день определение понятий войны и вооруженного конфликта характеризуется

многочисленными разногласиями и спорами среди правоведов, бесспорно, требуется продолжение работы над этими вопросами. Рамки конфликтов международного и немеждународного характера постепенно стираются, что в свою очередь приводит к возникновению нового «гибридного конфликта», данная правовая категория мало изучена и требует конкретизации.

Многие страны мира выделяют миллиарды долларов США из своих бюджетов на развитие военной отрасли, в том числе и ядерной, что в случае военного конфликта может привести к катастрофическим последствиям. Поэтому возникла необходимость решать разногласия и конфликты интересов в другой форме. В данном аспекте выделяется новая форма ведения боевых действий – «гибридная война», которая может включать в себя применение как традиционных так и не традиционных методов ведения войны. Скрытый характер, применение нерегулярных воинских формирований, дестабилизация политической ситуации, развязывание гражданской войны, дискредитация органов государственной власти, массовые беспорядки на улицах – это те явления, с которыми сталкивается множество государств на данном этапе развития, поэтому вопрос определения признаков и понятия «гибридного конфликта» становится более насущным и требует разрешения.

Первоначально следует соотнести понятия «война» и «вооруженный международный конфликт». Ученые мыслители разных эпох занимались созданием и разработкой «права войны», раскрывая в своих работах определение войны, ее источники, цели и задачи.

Следует отметить, что между всеми этими учениями существуют как определенные различия, так и схожие моменты. По мнению автора, наиболее полным следует считать определение понятия войны, которое дается в учебнике Оппенгейма - «война есть столкновение между двумя или большим числом государств, осуществляемое посредством применения их вооруженных сил, в целях преодоления друг друга и принуждения побежденного принять условия мира победителя» [1]. Однако не следует упускать из виду, что войны могут быть разными – как с военными действиями, так и без, правомерными и противоправными. В целом, война может рассматриваться как состояние дел и в этом случае уместно говорить «состояние войны» либо же война может характеризоваться как действие, которое неизменно влечет за собой определенные правовые последствия – разрыв дипломатических отношений, прекращение или приостановление действия договоров между сторонами, конфискацию собственности противника и т.д.

В прошлом существование «войны» в юридическом смысле зависело от официального объявления войны. Со времени Второй мировой войны формального объявления войны уже практически не существовало. Вместо этого Женевские конвенции 1949 г. вводят понятие «вооруженный международный конфликт», что означало, что гуманитарное право следует применять всегда, когда вооруженные силы сражаются друг с другом, независимо от наличия формальной классификации ситуации. В ст. 2, общего раздела Женевских конвенций, указывается, что: «настоящая Конвенция будет применяться в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже в том случае, если одна из них не признает состояния войны» [2]. То есть понятия война или вооруженный международный конфликт, с правовой точки зрения и правовых последствий различий не имеют. Основной особенностью таких противостояний является наличие двух и более суверенных противоборствующих государств.

Определившись с понятием вооруженного международного конфликта, в контексте данной статьи необходимо дать ответ на вопрос, что понимается под немеждународным конфликтом. Статья 1 Дополнительного протокола II 1977 г. определяет немеждународный вооруженный конфликт как, не подпадающий под действие

вышеуказанного протокола вооруженный конфликт, происходящий на территории какого-либо государства – «между его вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью его территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол» [10].

Данная статья предполагает, что происходящая ситуация на территории государства достигает уровня, который отличает ее от других форм насилия, к которым международное гуманитарное право не применяется, а именно: случаев «нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, таких как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера» [6].

На основе вышеизложенного проведем сравнительный анализ вооруженных конфликтов внутреннего и международного характера. Основными отличиями между ними является то, что при вооруженном конфликте международного характера участвуют силы двух государств, тогда как в конфликте немеждународного характера участвуют вооруженные силы государства и оппозиции в рамках одной страны. Однако все чаще мы сталкиваемся с тем, что в период военных конфликтов стираются рамки между войной и миром, становится не ясно кто агрессор, а кто защищающийся. В данном аспекте целесообразно рассматривать новую категорию – «гибридный конфликт» или «гибридная война».

Явлению «гибридного конфликта» посвящено много исследований, но учитывая его новизну, не имеется единого подхода к определению дефиниции, а так же критериев и признаков для его классификации. Для начала определимся с дефиницией гибридного конфликта.

«Гибридный конфликт кажется чем-то новым, но тем не менее мы имеем дело с уже знакомым нам феноменом. Скажем, в 1938 году он имел место, когда у нас забирали приграничные области. Это был гибридный конфликт “по всем правилам”, когда агрессор использовал военные, политические, экономические, гуманитарные и информационные средства», – говорит Либор Франк (Libor Frank) из Центра исследований в области безопасности и военной стратегии Университета обороны.

По словам политолога и историка Зденека Кршижа (Zdeňka Kříže) с кафедры международных отношений и европейских исследований Университета им. Масарика, само понятие гибридной войны, по всей видимости, впервые использовал Уильям Дж. Немет, анализируя российско-чеченскую войну.

Однако там, говорит Кршиж, речь шла о столкновении современного государства (России) с «гибридным» государственным образованием (Чечней). «Чеченцы смогли в борьбе с российскими войсками сочетать западные и советские методы ведения боя с партизанскими вылазками и свободно их чередовали. Они также умели осуществлять продуманные психологические операции и настраивать население против российской власти», – рассказывает Кршиж [11]

В военно-политическом контексте понятие «гибридная война» может объединять широкий диапазон действий, осуществляемых противником с использованием военных и иррегулярных формирований с одновременным привлечением гражданских компонентов. В работах экспертов встречается близкое к этому понятие «войны управляемого хаоса», использование которого, как представляется, требует более четкого научного обоснования.

Сегодня из научных статей понятия «гибридных войн и угроз» «перекочевывают» в некоторые официальные и рабочие документы США и НАТО. Например, в пункте 13 Итоговой декларации саммита НАТО, состоявшегося в Шотландии в начале сентября с.г., впервые на высоком официальном уровне говорится о необходимости готовить альянс к

участию в войнах нового типа – гибридных войнах (hybrid warfare). По мнению специалистов альянса, такие войны включают в себя проведение широкого спектра прямых боевых действий и тайных операций, осуществляемых по единому плану вооруженными силами, партизанскими и другими иррегулярными формированиями при участии различных гражданских компонентов.

В интересах совершенствования способности союзников противостоять новым гибридным угрозам (hybrid warfare threats) в документе содержится требование наладить тесную координацию между министерствами внутренних дел, привлекать силы полиции и жандармерии для пресечения нетрадиционных угроз, связанных с пропагандистскими кампаниями, кибератаками и действиями местных сепаратистов. Проведение учений для отработки действий в гибридной войне называется одним из приоритетов альянса. В Латвии, в частности, для целей подготовки и координации таких учений создан специальный центр (Strategic Communications Centre of Excellence) [12].

По мнению А. Курбана кандидата наук по социальным коммуникациям в Военном институте КНУ им. Тараса Шевченко гибридная война представляет собой комбинированное, интегрированное военно-политическое и экономическое противостояние в виде бесстатусного, часто скрытого конфликта [13]. Нападающая сторона осуществляет стратегическую координацию указанных действий, сохраняя при этом возможность правдоподобного отрицания своей вовлеченности в конфликт. Классическими примерами гибридных военных действий в конце XX – начале XXI веков называют войны в Афганистане (действия СССР в начальный период афганской войны (1979—1989), а также действия США по поддержке моджахедов и в ходе вооруженной борьбы против Талибана).

Так, природа гибридных войн позволяет нападающему растягивать враждебные действия на длительное время, испытывая стратегическое терпение противника — обычно время играет в пользу стороны, использующей методы гибридной войны. Особенно сильно этот эффект ощущается в случае регулярной армии, вовлеченной в гибридную войну на чужой территории. Лоуренс Аравийский отмечал в связи с арабским восстанием: «Конечная победа выглядела несомненной, если только война продлится достаточно долго».

Отметим, что на основе вышеизложенного можно выделить такое понятие «гибридного конфликта»: противостояние, которое включает в себя применение интегрированных традиционных методов ведения войны (применение вооруженной силы), и не традиционных (политические, экономические, социальные), как внутригосударственного, так и межгосударственного характера.

Исходя из предложенного определения, более детально раскроем признаки гибридного конфликта: 1) характерно применение различных военных негосударственных формирований, 2) экономическое давление, 3) применение политических мер, 4) информационные кибер-атаки, 5) дискредитация государственных органов, 6) провоцирование гражданских противоречий, 7) участие гражданского элемента.

В науке также встречаются 4 основных этапов гибридного конфликта:

В первой фазе происходит деморализация общества и радикализация разных групп населения, включая, например, отношения между работниками и работодателями, церквями и атеистами. При этом спецслужбы «агрессора» поддерживают оба крайних лагеря спектра, левых и правых экстремистов, потому что и те, и другие им нужны — они разлагают и дробят общество.

Во второй фазе происходит дестабилизация современных институтов, направленная, прежде всего, на ослабление экономической и правовой системы.

В третьей фазе наступает кризис, когда общество как таковое перестает функционировать и появляется запрос на нового лидера или ориентацию, что постепенно может вылиться в гражданскую войну или в «интернациональную помощь» от другого государства.

В четвертой фазе происходит нормализация обстановки, когда новые «назначенные» элиты во главе государства начинают обновление, зачастую полностью искореняя противников [11].

Например, конфликт на территории Украины был сформирован как раз с применением методов гибридной войны. Первым этапом была радикализация разных групп населения, что привело к «Майдану». Вторым этапом стало дестабилизация государственных институтов. На третьей фазе мы видим гражданскую войну с участием Донбасса. Четвертая фаза еще не наступила.

Отметим, что гибридным конфликтам чаще всего подвержено общество со слабой экономикой и этническими или моральными противоречиями, на основе которых можно столкнуться между собой население.

Таким образом, нам удалось определить новую категорию в международном праве – «гибридный вооруженный конфликт». Однако, каким бы не был конфликт, его стороны обязаны соблюдать МГП. Мировому сообществу, необходимо, уделять усиленное внимание конфликтам такого типа, исходя из того, что в них лоббируются интересы иностранных государств, больше всех страдает государство в лице его граждан.

Одним из путей решения проблем гибридного конфликта является его правовое закрепление основных признаков и дефиниции, для того, что бы максимально осветить это явление перед мировым сообществом. Наиболее эффективными методами для борьбы с такого рода конфликтами может являться укрепление государства в целом: обороны, экономики, права и других институтов общества.

Список литературы:

1. Международное право: Споры. Война. Т. 2: Полут. 1 / Оппенгейм Л.; Под ред.: Голунский С.А.; Пер.: Рецкер Я.И., Санталов А.А. - М.: Иностр. лит., 1949. - 439 с.
2. О защите гражданского населения во время войны: Женевская конвенция от 12 августа 1949 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml.
3. Nils Melzer, Targeted Killings in International Law, Oxford University Press, Oxford, 2008, p. 252.
4. International Committee of the Red Cross (ICRC), How is the term “armed conflict” defined in international humanitarian law?, Opinion Paper, March 2008, available at [www.icrc.org/web/eng/siteeng0.nsf/htmlall/armed-conflict-article-170308/\\$file/Opinion-paper-armed-conflict.pdf](http://www.icrc.org/web/eng/siteeng0.nsf/htmlall/armed-conflict-article-170308/$file/Opinion-paper-armed-conflict.pdf).
5. Jean Pictet (ed.), Commentary on the Geneva Conventions of 12 August 1949, ICRC, Geneva, 1952, p. 32.
6. ICTY, Prosecutor v. Limaj, Case No. IT-03-66-T, Judgment (Trial Chamber), 30 November 2005, para 84.
7. Case No. IT-04-84-T, Judgment (Trial Chamber), 3 April 2008, para 49.
8. Обзор факторов, принимаемых во внимание МТБЮ в его судебной практике, см. в деле МТБЮ: Prosecutor v. Boskoski, прим. 25 выше, ч. 199-203. См. также: ICTY, Prosecutor v. Limaj, прим. 23 выше, ч. 94- 134; ICTY, Prosecutor v. Haradinaj, прим. 25 выше, ч. 60.
9. C. Bruderlein, The Role of Non-state Actors in Building Human Security: The case of Armed Groups in Intra-state Wars, Centre for Humanitarian Dialogue, Geneva, May 2000). См. также D. Petrasek, Ends and Means: Human Rights Approaches to Armed Groups, International Council on Human Rights Policy, Geneva, 2000, p. 5.
10. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II). Женева, 8 июня 1977 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/6lkb31.htm>.
11. Светничка, Л. Гибридные войны нам давно известны, но все равно мы должны их распознавать и описывать [Электронный ресурс]/ Л. Светничка//. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20150729/229332697.html>.
12. Бартош А.А. Гибридные войны в стратегии США и НАТО [Электронный ресурс]/ А.А. Бартош//. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-10-10/1_nato.html.

13. Курбан А.А. Информационные войны в социальных онлайн-сетях [Электронный ресурс]/ А. А. Курбан//. – Режим доступа: http://racurs.ua/1063-sovremennaya-gibridnaya-voyna-i-ee-otrazhenie-v-virtualnoy-realnosti?articlevolist_page=341.

УДК

**МАРОДЕРСТВО ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
(1939-1945 ГГ.)**

Евтушенко Юлия Викторовна

студентка 2 курса группы В

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

E-mail: julia.evtushenko99@gmail.com

Аннотация: в статье рассматриваются мародёрство во время второй мировой войны (1939-1945 гг.), общее понятие мародёрства, его уголовно правовая характеристика, сделан анализ его характерным чертам и особенностям.

Ключевые слова: Мародёрство, война, военные действия.

Актуальность темы обусловлена тем что, мародёрство является одним из видов воинских преступлений, которое совершается во время военного конфликта между государствами. Так как в период ведения военных действий многие нормы закона и морали перестают выступать в роли сдерживающего фактора от противоправного поведения, человек получает возможность совершения общественно опасного деяния. Вторая мировая война наиболее ярко отображает особенности человеческой природы во время военных действия и так как Донецкая Народная Республика на данный момент находится в состоянии войны, выбранная тема будет наиболее актуальной.

В учебниках истории записано много эпизодов военных конфликтов разных эпох и поколений, но наиболее страшную и самую масштабную человечество пережило период с 1939-1945гг. В данной войне принимали участие более 62 стран мира. В данный период истории нельзя не отметить, что случаев мародерства за всю историю было большое количество. Для грамотного понимания сути мародерства следует определить его понятие и сущность

Мародёрство - это воинское преступление, суть которого, согласно уголовному законодательству СССР, заключалась в тайном или открытом хищении на поле сражения (в том числе — в районах, подвергнутых бомбардировкам и обстрелам) вещей, находящихся при убитых и раненых военнослужащих или гражданских лицах. Под мародёрством также понимается похищение вещей у раненых во время эвакуации. В международном праве понятие мародёрства рассматривается более широко и включает в себя также ограбление жителей неприятельской территории. Мародёрство часто сопровождается актами насилия[1,С. 345].

Мародёрство рассматривается международным правом как военное преступление международного характера

В уголовных кодексах республик СССР была статья за мародёрство, каравшееся особо сурово — вплоть до расстрела на месте.

На данный момент согласно ст.422 УК ДНР Похищение на поле боя вещей, находящихся при убитых или раненых (мародерство), наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет или смертной казнью [2.ст. 422].

Мародерство представляет собой похищение на поле боя вещей, находящихся при убитых и раненых.

Такое похищение, совершенное рядовым военнослужащим, может быть, как открытым, так и тайным, как с применение насилия так и без, направленное на завладение с места проведения боевых действий предметами личного пользования, личного снаряжение и оборудования, находящегося у убитого или раненого. Изъятие у убитых и раненых оружия, боеприпасов, драгоценностей, документов и других предметов, с целью их дальнейшего использования для ведения военных действий как предметы снаряжения или смежного оборудования не образует состава преступления.

Обязательным признаком объективной стороны мародерства является место его совершения - поле боя (сражения). Под полем боя следует понимать местность, где произошло непосредственное столкновение с противником, а также тыловые районы, подвергшиеся воздействию со стороны неприятельских средств поражения.

Похищение вещей вне поля боя образует общеуголовное преступление (кражу, грабеж и т.п.).

Раненые и убитые, у которых похищаются вещи, могут принадлежать к любым армиям или быть из числа гражданского населения.

Преступление признается оконченным с момента изъятия вещей у раненого или убитого.

Субъективная сторона преступления характеризуется только прямым умыслом.

Субъектом мародерства может быть только военнослужащий. Гражданские лица за похищение на поле сражения вещей у убитых и раненых привлекаются к уголовной ответственности за преступления против собственности.

Мародерство можно расценивать, как воинское преступление, так как, зачастую, мародеры орудуют в зоне проведения каких-либо военных действий. В то время, когда еще существовала непосредственно статья, которая могла регламентировать наказание за это преступление, под фактом преступления подразумевались хищения, которые происходили на территории военного конфликта, в любых его районах, даже на передовой. Это были, в основном, хищения личных вещей убитых солдат, офицеров, либо же просто гражданских лиц, которых потеряли жизнь из-за военного конфликта. Достаточно часто, в средствах массовой информации, понятие мародерства может быть искажено. Ошибочно будет считать, что таким же образом можно классифицировать действия людей, которые осуществляют грабежи на территориях, покинутых хозяевами, из-за стихийных бедствий или техногенных катастроф. Несмотря на то, что в российском законодательстве нет статьи, согласно которой лицо, совершившее подобное преступление, могло бы понести наказание, но в международном праве мародерство является очень серьезным преступлением. Мало того, это преступление носит международный характер[3, С. 288].

Мародёрство во время войны не редкость, соблазн присвоить что-нибудь себе из имущества врага во все времена был велик, особенно это проявилось вовремя и по окончании второй мировой войны в Европе. Германия лежала в руинах и многочисленные антигитлеровские коалиции, войска союзников и красная армия растаскивали ее на сувениры. В зависимости от положения человека проявлялась возможность украсть либо пару незначительных вещей (велосипед, бижутерия, часы) либо драгоценные камни, ковры, серебряную посуду, картины знаменитых художников. Как пример приведем эпизод из истории, согласно которому весной 1945г. американские части третьей армии генерала Джорджа Каттона заняли город Франкфурт среди которых был замок семейства Юсенов, прежних хозяев было решено временно выселить, а замок использовать под нужды армии США. В помещении также расположился офицерский клуб, заведовать клубом назначили капитана, одинокую женщину, Катрин Неш, которой было за 30 лет. Во время прохождения службы Катрин познакомилась с полковником Джеком Дюраном и майором Давидом Вотсоном, стоит отметить, что данные офицеры являлись офицерами штаба. В свободное время офицеры обследовали замок, при обследовании которого им удалось найти стену, за которой хранились фамильные драгоценности аристократов из рода Гесен, оповестить хозяев замка офицеры не собирались[4, С. 303].

Одна из проблем, с которой столкнулись офицеры армии США, это вывоз драгоценностей, так как обычной почтой данную процедуру проводить было опасно. Выходом из сложившейся ситуации стал тот факт, что драгоценные камни, которыми были украшены ювелирные изделия, вынимались из оправ, а сами изделия уничтожались.

Часть ценностей была реализовано в Швейцарии, драгоценные камни отправлялись в США по почте, будучи надежно спрятанными в посылке. По заявлениям хозяев замка главнокомандование приняло решение о возбуждении уголовного дела, в ходе которого трем офицерам армии США было предъявлено обвинение в мародёрстве, все трое были привлечены к уголовной ответственности.

Как одну из особенностей можно отметить, что мародерство не распространяется на территории, пострадавшие от стихийных бедствий, так как достаточно часто военные действия или террористические акты, которые могут быть составляющими этих военных действий, наносят государствам больше урона, чем могло бы это сделать какое-нибудь стихийное бедствие. То же самое можно сказать и относительно различных эпидемий или техногенных катастроф, поскольку ничто из них не несет такой разрушительной силы, какую несет военный конфликт. К сожалению, на данный момент, исходя из того, какой вред может нести в себе факт мародерства, достаточно

сложно определить, к категории каких преступлений необходимо его относить. Является ли он преступлением, направленным против общественной безопасности, или против собственности потерпевшего лица. Многие так же смогут отнести это преступление к разряду правонарушений, которые направлены против морали, так как заниматься грабежом и разбоем на тех территориях, на которых гибли люди в процессе боевых действий или из-за террористических актов – более чем просто низко[5, С. 414].

Если учитывать роль СССР в мародёрстве, можно отметить, что в конце войны были организованы целые подразделения госчиновников, занимающихся вопросами трофеев. СССР официально отказался от военных репараций. Сталин решил не участвовать в дележе золотого запаса и банковских архивов гитлеровской Германии под международным присмотром. Москва предпочла иметь свободную руку и взимала с Германии все, что считала нужным.

Российские исследователи Михаил Семиряга и Борис Кнышевский наткнулись в 1990-е годы на официальные данные Главного трофейного управления СССР. Одни только государственные трофеи уместились в 400 тысяч вагонов. Ограничимся некоторыми деталями. Было перевезено 2 885 заводов и 96 электростанций. Перегнали 1 миллион 335 тысяч голов скота. Конфисковано 2,3 миллиона тонн зерна, 1 миллион тонн картофеля и овощей, по 0,5 миллиона тонн жиров и сахара, 20 миллионов литров спирта.

Отдельной графой в пользу советского государства из Германии вывезено 60 тысяч роялей, 460 тысяч радиоприемников, 190 тысяч ковров, 940 тысяч предметов мебели, 265 тысяч настенных и настольных часов. Никогда позже они не попали в употребление государства. Их реализовали по символическим ценам среди советской номенклатуры и старших офицерских чинов.

Видимо, к этой статье распределения относились 1 миллион 200 тысяч мужских и женских пальто, 1 миллион головных уборов и 186 вагонов вина. Неизвестно, какая часть этого фашистского добра осела в центре, а какую развезли по разным городам: Киеву, Алма-Ате и другим национальным столицам.

Прежде всего, факт мародерства можно считать доказанным, если хищения осуществлялись не по отношению вещей, которые ни в чьей собственности не числятся, а по отношению имущества, принадлежащего конкретному человеку. Или же имеющего права на эксплуатацию этого имущества. Немаловажно, что в случае, когда кража чего-либо осуществляется в доме погибшего человека, или какая-то вещь снимается с его мертвого тела, это не отменяет того факта, что эта вещь находится в его собственности, поэтому военнослужащий, совершивший преступление, обязан нести за это наказание в полной мере. Многие юристы считают, что, если факт такого преступления, как мародерства будет раскрыт, обвиняемый должен, в обязательном порядке, возместить ущерб, который он причинил, посредством компенсационной выплаты, оставшимся в живых родственникам потерпевшего. Это мнение связано, прежде всего, с тем, что мародерство нарушает непосредственные права на владения какой-либо вещью, которая, в свою очередь, может быть наследством любого из родственников потерпевшего[6, С. 188].

При формулировании понятия мародерства, необходимо четко обозначить, что ущерб должен причиняться собственнику, иному его законному владельцу или лицу имеющему право на получение данного имущества. Суть нашей позиции заключается в том, что даже если имущество забирается у погибшего, это не означает, что оно является бесхозным, поскольку в случае смерти собственника открывается право наследования такого имущества. Изъятие у погибшего имущества, находящегося в его неправомерном владении также не означает не преступности содеянного, однако в таких случаях речь уже идет о хищении, например, похищенного или оспариваемого имущества, что также не исключает уголовной ответственности. Как подчеркивают специалисты, в случае если первое хищение будет раскрыто, виновный будет обязан возместить ущерб, причиненный его противоправным деянием. Получается, что мародерство в отношении похищенного имущества причиняет вред законному его владельцу, поскольку сводится к утрате имущества собственником. Совершить изъятие имущества у погибшего или раненного можно только в отношении материальных движимых вещей, которые уносятся виновным с места преступления и тем самым изымаются. Таким образом, с объективной стороны, рассматриваемое явление выражается в противоправном безвозмездном изъятии и обращении чужого имущества в пользу мародера или других лиц. Это достаточно активные действия, порождающие определенные последствия в виде утраты имущества, принадлежащего собственнику или иному владельцу при наличии причинно-следственной связи между действием и наступившими последствиями[7, С. 250].

Рассматриваемое деяние непосредственно связано с нарушением права владения, поскольку виновный изымает вещь из владения собственника или из массы наследственного имущества погибшего. Суть изъятия еще более века назад сформулировал Н.С. Таганцев: «Изъять вещь из чужого владения, значит разрушить фактическое владение потерпевшего и создать на его месте новое владение, на стороне виновного вопреки действительной воле хозяина. Одна и та же деятельность, которая нарушает владение существовавшее, должна быть причиной появления нового владения. Похитить значит взять или переместить имущественную ценность из обладания потерпевшего в обладание виновного». Итак, объективными признаками современного мародерства являются: совершение деяния (изъятие и обращение чужого имущества, характеризующиеся противоправностью и безвозмездностью); наступление неблагоприятных последствий для владельца имущества. Таким образом, с очевидностью можно утверждать, что мародерство осуществляется посредством хищения[8,С. 166].

Единственное, что к такому толкованию следует добавить, по нашему мнению, так это указание, что хищение в данном случае может выражаться только в форме кражи, грабежа или разбоя. Важен также вопрос определения момента окончания, рассматриваемого деяния. Несмотря на то, что, по мнению большинства специалистов хищения (за исключением разбоя) следует признавать оконченными с момента возникновения возможности у похитителя распорядиться похищенным, И. Трунов считает иначе. По его мнению, мародерство следует сконструировать как формальный состав преступления и признавать оконченным уже при наличии деяния, вне зависимости от наступивших последствий или возможности лица, совершившего это деяние воспользоваться имуществом или ценностями, которыми оно завладело. Действующие нормы о краже, грабеже не могут охватывать мародерства, так как их составы подразумевают наличие потерпевших или законных представителей, тогда как мародерство предполагает изъятие имущества после трагедий катастроф, терактов, и при этом, потерпевших или законных представителей может и не быть. Но в таком случае возникает вопрос о правильности отнесения такого состава преступления к посягательствам на собственность, поскольку их обязательным признаком является потерпевший – собственник[9,С. 222].

Думается, что здесь нужно вести речь о так называемых «предполагаемых» собственниках, то есть о наследниках. Иными словами, позиция И. Трунова о возможном отсутствии потерпевших при изъятии имущества у погибших логична. Однако не стоит забывать о том, что у них есть родственники, которые обладают правом наследовать имущество, оставшееся после их смерти, а в данном случае наследодателей и вред от мародерства причиняется уже новому (предполагаемому) собственнику, так как наследник посредством изъятия имущества мародером фактически лишается возможности его получить в свое владение и распоряжение. Более того, даже если наследника не найдется, то правом собственности на такое имущество будет обладать государство. Из изложенного вытекает целесообразность признания мародерства оконченным преступлением именно с момента приобретения мародером реальной возможности распоряжения похищенным имуществом по своему усмотрению. При невозможности такого распоряжения по независящим от мародера обстоятельствам содеянное им необходимо квалифицировать как покушение на преступление со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК ДНР. Кстати заметим, что до начала 70-х гг. XX века суды, твердо стояли на позиции признания хищения оконченным в момент незаконного изъятия имущества[9,С. 227].

Как итог по всей работе отметим что:

1. Мародёрство — воинское преступление, суть которого, согласно уголовному законодательству СССР, заключалась в тайном или открытом хищении на поле сражения (в том числе — в районах, подвергнутых бомбардировкам и обстрелам) вещей, находящихся при убитых и раненых военнослужащих или гражданских лицах. Под мародёрством также понимается похищение вещей у раненых во время эвакуации.
2. Мародерство представляет собой похищение на поле боя вещей, находящихся при убитых и раненых.
3. При формулировании понятия мародерства, необходимо четко обозначить, что ущерб должен причиняться собственнику, иному его законному владельцу или лицу имеющему право на получение данного имущества.

Список использованной литературы

1. Бриллиантова А.В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник/ А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2010. – 1232 с.
2. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]: Утвержден Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19 августа 2014 г. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokume..> – Дата обращения: 08.04.2017. – Загл. с экрана.
3. Сверчков, В.В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебное пособие / В. В. Сверчков. - М.: Москва: Юрайт, 2011. – 594 с.
4. Блинников А. В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / А. В. Блинников и др. - М.: Москва: Проспект, 2011. – 1232 с.
5. Малахова В. Ю. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / В. Ю. Малахова и др. - М.: Москва: Эксмо, 2011. – 749 с
6. Жалинский, А.Э. Практикум по уголовному праву / А.Э. Жалинский. - М.: Городец, 2017. - 865 с.
7. Грошев А.В. Актуальные проблемы уголовного права. Учебник / А.В. Грошев, В.И.Петрухин и др. - М.: Проспект, 2016. - 560 с.
8. Таганцев Н.С. Соловьева Уголовное право. Общая и Особенная части: учебное пособие / Н.С. Таганцев – Москва: Юрайт, 2011. – 894 с.
9. Трунов Н.Р. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Н.Р. Трунов — М.: Юристъ, 2011. – 678 с.

УДК 343.132

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Жигулин Алексей Михайлович,
депутат Народного Совета
Донецкой Народной Республики,
председатель Комитета Народного Совета ДНР
по уголовному и административному законодательству
(Донецк, ДНР)
e_mail: info@zhigulin.com

Аннотация. Рассмотрены положения принятой в Донецкой Народной Республике концепции уголовной политики. Показаны особенности такой политики непризнанного самоопределившегося государства. Сформулированы цели и задачи, конкретизирована структура данной концепции.

Ключевые слова: концепция уголовной политики, нормы международного гуманитарного права, принципы уголовного судопроизводства.

На современном этапе государственного строительства законодательство Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), регулирующее сферу уголовно-правовых отношений, характеризуется противоречивостью. *Это выражается и в низком уровне нормативного регулирования, и в слабом кадровом составе правоприменителей. Законы подменяются разрозненными подзаконными нормативными актами, все правоохранительные органы и судебная система не укомплектованы качественным составом сотрудников. Такая ситуация, конечно, опосредована ситуацией военно-политического конфликта, но должна быть исправлена.*

Перед государством стоит концептуальный выбор пути формирования и развития собственной эффективной уголовной политики, определяемой как отношение власти к преступности.

Концепция борьбы с преступностью предполагает конкретизацию целей, направлений, приоритетов и критериев эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности. Призвана обеспечить стратегическое и векторальное единение нормотворческих и правоприменительных органов государства в сфере уголовной политики. Положения концепции

уголовной политики широко обсуждаются отечественными и зарубежными авторами [1, 105-109]. Однако, актуальной остается задача внедрения достижений современной правовой науки в практику государственного строительства.

Концепция реализует государственную функцию обеспечения криминологической безопасности общества, базируется на основах социальной политики в области предупреждения и борьбы с преступностью, защиты и поддержки лиц, потерпевших от преступлений, а также на принципах исполнения уголовных наказаний и принятия мер уголовно-правового характера.

Цель нашей работы определяем как конкретизацию принципов концепции уголовной политики государства ДНР.

Концепции уголовной политики опирается на базовые положения конституционного, уголовного материального и процессуального права, а также криминологии и социально-политических наук. Предложенная нами концепция устанавливает цели, механизмы, сроки и ожидаемые результаты от ее реализации.

К общим положениям концепции относим цель, направления, приоритеты и критерии эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности в области защиты личности, общества и государства. Концепция реализует государственную функцию обеспечения криминологической безопасности общества [2, 13-21]. Она базируется на основах социальной политики в области предупреждения преступности, защиты и поддержки лиц, потерпевших от преступлений; а также на принципах исполнения уголовных наказаний и принятия мер уголовно-правового характера, принципах социальной реабилитации и надзора за лицами, отбывающими уголовное наказание. Здесь мы опираемся на традиционное понимание воспитательной цели уголовного наказания.

В число общих положений концепции борьбы с преступностью включены предпосылки, содержание и порядок действий законодателя по обеспечению эффективности уголовного законодательства и практики его применения. Они дополнены планами по дальнейшей законопроектной деятельности, по совершенствованию правоприменительной практики, по развитию уголовно-правовой политики государства.

Структура концепции уголовной политики отражает основные направления политики государства: уголовно-правовое направление, уголовно-процессуальное, уголовно-розыскное, уголовно-превентивное, уголовно-организационное [3, 5-8]. Детализируем уголовно-правовое и уголовно-процессуальное направления концепции уголовной политики ДНР.

В качестве критериев эффективности уголовно-правового направления политики государства предлагаем концептуально закрепить базовые, общепризнанные на международном уровне: обеспечение безопасности личности, ее прав и свобод, а также общества и государства от угроз, связанных с преступностью; минимизация уровня социальной напряженности в обществе на основе оптимального и справедливого урегулирования конфликта, вызываемого преступлением; содействие достижению социального благополучия на основе реабилитации лиц, вовлеченных в конфликт, вызванный преступлением. Мы разделяем позицию ученых, что уголовно-правовая политика государства должна базироваться на общечеловеческих ценностях, принципах гуманизма, уважения личности [4, 15-24].

Достижение концептуальных целей предполагает комплексное решение ряда взаимосвязанных задач нормотворческого и правоприменительного характера в уголовно-правовом направлении формирования данной концепции. Основную из них формулируем следующим образом: с учетом требований юридической определенности и правовой стабильности нормативно зафиксировать границы преступного поведения.

Концептуально закрепленной задачей уголовно-правовой политики также называем и достижение адекватности уголовного законодательства угрозам, связанным с преступностью, соответствия современным тенденциям видоизменения преступности. К этому кругу задач относим и правоприменение по международным стандартам: гарантию исключительного права государства на уголовно-правовое воздействие в отношении лиц, совершивших преступление, гарантию безопасности уголовно-правового суверенитета государства от внешних и внутренних угроз. Гармонизировать и унифицировать уголовное законодательство следует именно в этом ключе, с перспективой на развитие международного сотрудничества ДНР.

В разработанной концепции борьбы с преступностью гарантированы права и законные интересы лиц, потерпевших от преступлений, их безопасность, условия для максимально полной реализации прав человека на доступ к правосудию, справедливый суд и на компенсацию причиненного преступлением вреда.

В новом самоопределившемся государстве актуализирована задача оптимизации уголовно-правовых последствий совершения преступлений, с учетом необходимости одновременного решения карательных, восстановительных, социально-реабилитационных и профилактических задач. Этим достигается современный уровень обеспечения законности, снижения общественной угрозы от таких видов преступности, как террористическая, рецидивная, организованная, насильственная, корыстная.

С учетом обострившегося в ДНР военно-политического конфликта, реализацию уголовно-правового направления разработанной концепции подразделяем на этапы, соответствующие степени его разрешения. Первый этап связан с выходом правовой системы государства из состояния «революционной целесообразности». Это означает приведение в соответствие уголовного законодательства ДНР сложившейся практике правоприменения. Такое относится, например, к прокурорскому надзору за следствием, временному порядку задержания лиц, заподозренных в совершении преступления и т.п. Считаем безотлагательным законодательное закрепление устоявшихся механизмов правоприменительной практики. Последующие этапы уголовно-правового направления предложенной концепции уголовной политики ДНР соответствуют мирному периоду развития общества.

Уголовно-процессуальное направление в принятой в ДНР концепции уголовной политики сформировано по критериям эффективности, экономности и оперативности судопроизводства. В плане повышения оперативности судопроизводства предложено применить разумную декриминализацию уголовного законодательства. Эта тема широко обсуждается учеными, в частности, относительно преступлений экономической направленности. По нашим наблюдениям, превалирует обвинительный подход к данной проблеме, поскольку этот вид преступлений связывают с коррупционными и террористическими [5, 6, 204-207]. Однако, по нашему мнению, отдельные виды преступлений коррупционного и экономического характера не должны караться лишением свободы.

В плане реализации принципа экономности уголовно-процессуального направления концепции предложено учредить единый орган расследования. Заметим, что многолетняя дискуссия по этому вопросу продолжается и подходит к признанию вневедомственной природы следственных органов. Мы разделяем научное обоснование процессуальной самостоятельности следователя, поддерживаем утверждение о существовании следственной ветви власти. Для ДНР примером оптимизации уголовно-процессуального направления концепции борьбы с преступностью может послужить опыт Приднестровской Молдавской Республики [7].

Принципу оперативности уголовно-процессуального направления соответствует уполномочивание следователя поддерживать обвинение в суде. Заметим, что это не противоречит мнению авторов об исключении участия прокурора в судебной стадии, если он осуществлял надзор за досудебным следствием [8].

Детализируем критерии эффективности уголовно-процессуального направления. Эффективность определяем уровнем защищенности личности, общества и государства от угроз, связанных с преступностью, а также достижением концептуально декларируемой цели. Тогда об эффективности уголовно-процессуального направления может свидетельствовать комплекс данных о:

а) результатах сопоставления объема преступности, установленного на основании криминологических исследований, с количеством зарегистрированных и расследованных преступлений;

б) результативности судебной практики рассмотрения уголовных дел, оцениваемой по критериям процессуальной эффективности и оперативности судопроизводства, по соблюдению разумных сроков расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, по изменениям или отменам решений о квалификации преступлений, по практике назначения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

Констатируем, что на современном этапе государственного строительства еще не в полном объеме реализованы базовые нормы Конституции ДНР, Закона ДНР «О нормативно-правовых актах», уголовного законодательства ДНР. Указанные обстоятельства негативно сказываются на гарантировании конституционных прав и свобод граждан Республики. Причины их сохранения обосновывают необходимость разработки и принятия в ДНР концепции уголовной политики. Исправить сложившуюся ситуацию предложено путем устранения противоречий и гармонизации уголовного законодательства.

Разработанная концепция определяет направление, приоритеты, этапы реализации уголовной политики в ДНР.

Концепция базируется на основах социальной политики в области предупреждения, профилактики преступности, защиты и поддержки лиц, потерпевших от преступлений, а также на принципах исполнения уголовных наказаний и принятия мер уголовно-правового характера, принципах социальной реабилитации и надзора за лицами, отбывающими уголовное наказание.

Уголовная политика должна опираться на общечеловеческие ценности, принципы гуманизма и уважения личности, призвана гарантировать права и законные интересы лиц, потерпевших от преступлений, обеспечить их безопасность, создать условия для максимально полной реализации прав человека. Кроме того, каждому человеку должен быть обеспечен доступ к справедливому правосудию.

В основе реализации уголовной политики находится организационно-кадровое направление. От качества кадрового состава правоприменителей зависит эффективность противодействия и борьбы с преступностью.

Следует повышать ответственность лиц, которые осуществляют правоприменение. При реализации полномочий они должны неукоснительно выполнять свои конституционные обязанности, действовать в рамках законодательства. Базовым принципом должна стать персональная ответственность - в равной степени как для рядового исполнителя, так и для руководителя любого государственного органа.

Таким образом, предложенная в ДНР концепция уголовной политики опирается на международно-правовые нормы, а также на положения конституции самоопределившегося государства. Цель принятия данной концепции определяем как криминологическое обеспечение социального государства, оптимизацию законотворческой деятельности по устранению существующих в правоприменительной практике противоречий, приведение уголовного законодательства в систему. Постепенное внедрение предложенной концепции производится в соответствии с этапами мирного развития самоопределившегося государства ДНР.

Список литературы:

1. Конрат И.Н. Концепция уголовной политики и усовершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Вестник МГИМО-университета. 2013. № 3(30). С.105-109;
2. Шестаков Д.А. Постлиберальный статус криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2009. № 2(17). С.13-21;
3. Александров А.И., Мельников Е.А. Проблемы уголовно-процессуальной политики на современном этапе // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы Международной научно-практической конференции, 27-28 апреля 2017 года, г. Симферополь-Алушта /отв.ред. М.А. Михайлов, Т.В. Омельченко; Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 5-8;
4. Александров В.И. Уголовно-процессуальная политика России на современном этапе // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексева (г. Санкт-Петербург, 28-29 июня 2014 г. СПб, 2015. С.15-24;
5. Цветков Ю.А. Реорганизация обвинительной власти: приднестровский эксперимент <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--1ai/article/8295>;
6. Клейменов И.М. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия легализации преступных доходов // Вестник Омского университета. серия «право». 2009. № 4 (21). с. 204–207;
7. Цветков Ю.А. Суверенная национальная модель следственной власти: миф или реальность? <http://www.iuaj.net/node/1936>;
8. Цветков Ю.А. Реорганизация обвинительной власти: приднестровский эксперимент <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--1ai/article/8295>.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Задума Яна Тарасовна

студентка 3 курса, группы «А» юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

E-mail: zaduma_yana@mail.ru

Аннотация: в статье рассмотрены особенности обеспечения информационной безопасности в некоторых странах-членах Евразийского экономического союза, разработаны предложения по обеспечению информационной безопасности Донецкой Народной Республики, в частности в условиях вооруженного конфликта.

Ключевые слова: информация, информационное общество, национальная безопасность, информационная безопасность, концепция.

Середина XX века ознаменовалась глобальными изменениями в социальной структуре общества, вызванными эволюцией индустриального общества, в котором ключевую роль играет процесс создания, распределения и перераспределения материальных благ, в постиндустриальное, где главная роль принадлежит услугам по получению, обработке и распространению информации. Потенциал развития такого общества определяется объемами информации и знаний, которыми оно располагает, поскольку именно знания являются базисом, на котором выстраиваются новые технологии, экономический рост и новая стратификация общества. В условиях возросшей технологизации и смещении приоритета из индустриального сектора в научный, в 70-х годах XX века зародилась концепция информационного общества.

Для обозначения данного общества социологи, политологи, экономисты использовали различные термины: «новое индустриальное общество» (Дж. Гелбрейт), «постмодерн» (Ж.-Ф. Лиотар), «технотронная цивилизация» (З. Бжезинский), «третья волна или супериндустриальное общество» (Э. Тоффлер), «общество знания» (П. Дракер), «научное общество» (М.Понятовский), «телематическое общество» (Д. Мартин). Впоследствии, возникло более ёмкое определение информационного общества, разработанное японскими социологами и вошедшее в научный оборот как общество, в котором процесс компьютеризации дает людям доступ к надежным источникам информации, избавит их от рутинной работы, обеспечит высокий уровень автоматизации производства [1, С. 102].

В результате стремительного развития компьютерных технологий процессы интеграции национальных политик и экономик приобретают всё более глобальный масштаб, пронизывая социально-экономическую, политическую и культурную сферы жизни государств, участвующих в интеграции. В данном случае, следствием глобализации выступает возникновение единого мирового информационного пространства и образование культурно-информационного поля, в качестве определенной инфраструктуры информационных обменов.

При этом, одной из глобальных проблем современности, особенно в условиях вооруженных конфликтов, является национальная безопасность, к основным компонентам которой относят наряду с военной, экономической, социальной и экологической информационную безопасность.

В условиях значительного увеличения роли информации (её сбора, обработки и распространения), расширения круга субъектов информационных правоотношений и непосредственно потребителей информации, в процессе жизнедеятельности человека её роль увеличивается стремительными темпами.

Кроме того, стремительный рост компьютеризации основных сфер человеческой деятельности, с одной стороны, позволил обеспечить высокие достижения в области науки, техники, культуры, управления и организации жизнедеятельности общества в целом а с другой стороны, недостаточная защищенность глобальных компьютерных сетей от сбоев техники, вызванных различными причинами, могут вызвать самые непредсказуемые для человека, общества и государства последствия. Уже длительное время, на тех же информационных просторах, можно встретить сведения о том, что ведущими государствами мира уже созданы информационные войска в составе вооруженных сил, и намерения их активного использования вовсе не скрываются, следовательно, проблема информационной безопасности является ещё более острой, чем кажется на первый взгляд [2, С. 3].

Мировая геополитическая ситуация, в свою очередь, на пороге XXI века претерпела значительных изменений. В процессе перехода к многополюсному миру, на сегодняшний день прослеживается тенденция к определению международного статуса государств не только по уровню их экономического развития, степени их доступа к энергетическим и стратегическим ресурсам и факторам их военной мощи, но и по уровню их информационно-технологического развития.

Современные международные отношения в информационной сфере характеризуются образованием межгосударственных информационных объединений. В этой связи интеграция является характерной чертой современного мирового развития в целом. При этом, необходимо обратить внимание на увеличение интеграционных тенденций в регионе Центральной Азии и, особенно, на территории бывшего Союза Советских Социалистических Республик.

Так, в результате распада Советского Союза и дезинтеграции Социалистических Республик, на его территории образовались независимые государства, перед которыми время поставило вопросы, касающиеся условий, на которых можно построить дальнейшее взаимодействие. Возникновение подобных вопросов было продиктовано тем, что абсолютно ясным стал тот факт, что одним только политическим решением невозможно разорвать экономические отношения, уничтожить духовные, человеческие, коммуникационные и многие другие связи между людьми и бывшими советскими республиками [3, С.48].

В свою очередь, специфическое географическое расположение Руси и особенности её исторического взаимодействия неизбежно влечет сосуществование народов Европы и Азии, что и определило образование особого цивилизационного – евразийского типа. Государства данного региона имеют уникальную и, вместе с тем, непростую историю становления, в том числе периоды до и после присоединения к России, а также пребывания в составе Союза Советских Социалистических Республик, что непосредственно влияет на формирование политического курса государств Центральной Азии вплоть до сегодняшнего дня. Исторически сложилось так, что Россия, в свою очередь, выполняет роль своеобразного моста между европейской и азиатской культурами и цивилизациями, в результате чего возникла идея Евразийского союза, которая также стала ответом на реальные интеграционные ожидания множества людей на евразийском пространстве.

Объединение стран евразийского пространства формируется в большей степени как альянс, основанный на интеграции экономик государств-участников, конечными целями которой являются обеспечение непрерывного сбалансированного роста национальных экономик, стабильность экономического развития и ускорения повышения уровня жизни населения [4].

В целом, анализируя результаты деятельности и перспективы Евразийского экономического сотрудничества, следует вывод о том, что данный союз концентрирует своё внимание на трех основных стратегических направлениях, среди которых мировая экономика, безопасность и цивилизационно-ценностные ориентиры.

В свою очередь, вопросы безопасности в современном мире вышли на первый план, поэтому формировать Евразийский Экономический Союз без учета новой архитектуры безопасности, а также без разработки систем нейтрализации вызовов, рисков, угроз и опасностей было бы недопустимым. [5, С.316].

Национальная безопасность государства существенным образом зависит от обеспечения информационной безопасности, причем эта зависимость имеет тенденцию лишь к возрастанию, что обусловлено техническим прогрессом.

Согласно положениям Доктрины информационной безопасности Российской Федерации информационная безопасность государства предполагает состояние защищенности национальных интересов государства в информационной сфере, которые определяются совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства. Важно отметить, что именно на основе национальных интересов государства в информационной сфере формируются стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства по обеспечению информационной безопасности [6].

На сегодняшний день, членами Евразийского экономического союза являются Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Армения, Киргизия и Таджикистан.

Проблема обеспечения информационной безопасности актуальна в каждом из названных государств, что обусловлено, в первую очередь, тем, что информация в современном мире стала стратегическим национальным ресурсом. Понимание и исследование проблем обеспечения информационной безопасности являются одними из основных задач государств Евразийского экономического союза, на решение которых направлена вся система обеспечения национальной безопасности каждым из его членов.

К примеру, в Республике Казахстан за последние годы реализован ряд мер по совершенствованию системы обеспечения информационной безопасности государства. Так, в соответствии со Стратегией национальной безопасности была разработана и принята Концепция информационной безопасности Республики Казахстан до 2016 года, утвержденная Указом Президента от 14 ноября 2011 года. Концепция предусматривает реализацию комплекса правовых, организационных и научно-технических мероприятий, направленных на прогнозирование, выявление, предупреждение и пресечение угроз в сфере информационной безопасности. В соответствии с данной Концепцией эффективное противостояние информационным угрозам в современных условиях может быть осуществлено лишь посредством хорошо организованной государственной системы обеспечения информационной безопасности, которая должна осуществляться при полном взаимодействии всех государственных органов, негосударственных структур и граждан Республики Казахстан [7].

Подобные положения содержит и Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента от 5 декабря 2016 года, в соответствии с положениями которой современному этапу развития общества характерно возрастание роли информационной сферы, которая представляет собой совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений.

На основе национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере формируются стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства по обеспечению информационной безопасности [8].

Необходимо отметить, что основные подходы к обеспечению информационной безопасности, исследование угроз в информационной сфере сближают государства-членов Евразийского экономического союза в своих стремлениях обеспечить национальную безопасность в целом. На рассмотренных примерах Российской Федерации и Казахстана, следует вывод о том, что это обусловлено идентичностью основных подходов к национальной безопасности и принципов ее осуществления в данных государствах.

Молодое государство Донецкая Народная Республика в условиях активных боевых действий, можно сказать, особенно подвергается угрозам и в сфере информационной безопасности. Ежедневно, жители республики попадают под негативное влияние различных сайтов, блогеров, социальных сетей, основной целью создания которых является осуществление экстремистской деятельности, призывы к вооруженному свержению действующей государственной власти, к разжиганию революционных действий и т.п. В этой связи, необходимо отметить, что использование информационных технологий в военно-политических целях лишь в ограниченной степени попадает в сферу действия норм международного права.

В связи с этим, трансграничное сотрудничество с регионами Российской Федерации для Донецкой Народной Республики более, чем важно. С самого начала своего существования республика позиционировала себя как государство, желающее стать членом Таможенного и Евразийского экономического союзов. Вступление Донецкой Народной Республики в Евразийский экономический союз становится вопросом экономического выживания республики, которой также необходимо развивать свою промышленность. В этой связи следует обратить внимание, что информационная сфера оказывает влияние на состояние не только культурной и политической, но и экономической, оборонной и других составляющих национальной безопасности государства.

Представители органов государственной власти Донецкой Народной Республики настаивают на том, что задача вступления в Евразийский экономический союз должна быть реализована в ближайшие сроки. Однако, процесс интеграции усложняется особым статусом республики, а именно её непризнанностью на международной арене.

При этом, в ракурсе обеспечения информационной безопасности Донецкой Народной Республике необходимо учесть опыт государств-членов Евразийского экономического союза в части разработки своей концепции информационной безопасности на государственном уровне. Так, представляется целесообразным включить в концепцию информационной безопасности Донецкой Народной Республики положения о повышении конкурентоспособности отечественного контента. Данная проблема среди государств евразийского сотрудничества впервые была поднята Республикой Казахстан, где качество контента остается недостаточным для полноценной конкуренции с иностранным информационным и развлекательным ресурсом, что так же актуально и для Донецкой Народной Республики, поскольку в условиях открытости национального информационного пространства это приводит к низкой популярности отечественного контента и прочих информационных ресурсов. Как следствие, низкая популярность не позволяет привлечь значимые инвестиции в его производство, что влечет крайнюю недостаточность производства отечественного контента.

Кроме того, отсутствие необходимых информационных технологий отечественного производства, которые соответствовали бы потребностям граждан республики и государства в целом, неизбежно приводит к вынужденному использованию иностранного оборудования и информационных систем, в результате чего вероятность противоправного доступа к базам и банкам данных лишь повышается, как и возрастает зависимость государства от иностранных производителей компьютерной, а также телекоммуникационной техники и программного обеспечения.

Еще одним актуальным вопросом для Донецкой Народной Республики как в сфере промышленности, так и в сфере обеспечения информационной безопасности остаётся вопрос кадрового обеспечения. В связи с продолжающимися активными боевыми действиями на территории Донецкой Народной Республики, начиная с 2014 года, множество специалистов различных сфер покинули территорию Донецкой области, а ныне Донецкой Народной Республики, что обусловило возникновение в молодом государстве проблемы, связанной с кадровым обеспечением. При этом, в контексте нехватки квалифицированных кадров в информационно-коммуникационной сфере в

целом и в сфере обеспечения информационной безопасности в частности, следует учитывать, что решение проблемы лишь с позиции количественного обеспечения кадровыми ресурсами является недостаточным. Информационная революция продолжается вплоть до настоящего момента, а информационные и телекоммуникационные возможности не стоят на месте, а лишь совершенствуются, возникают новые отрасли и технологии в этой сфере. В связи с этим, совершенствование процессов и подходов обучения, повышения квалификации специалистов государственных органов, организаций, занятых в сфере защиты государственной тайны, обеспечения информационной безопасности являются для государства жизненно необходимыми задачами.

Таким образом, в качестве подведения итога вышеизложенному, следует отметить, что, в условиях продолжающихся активных боевых действий, эффективное противостояние информационным угрозам в Донецкой Народной Республике, которых в сложившихся условиях развития становится всё больше, должно быть осуществлено посредством хорошо организованной государственной системы обеспечения информационной безопасности, осуществляемой при полном взаимодействии всех органов государственной власти, негосударственных структур и граждан Донецкой Народной Республики.

Список литературы

1. Сухов Е.И. Информационное общество как новое общество/ Е.И. Сухов// Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2011. – С.101-103
2. Алиева М.Ф. Информационная безопасность как элемент информационной культуры/ М.Ф. Алиева// Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – Майкоп, 2012. – С.1-6
3. Владыцкий А.С. Евразийский Союз: новая модель интеграции/ А.С. Владыцкий// Вестник Московского государственного лингвистического университета. – М., 2013. – С.47-52
4. Евразийское содружество: организация по содействию развитию сотрудничества со странами евразийского пространства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasianspace.com/deyatelnost>
5. Мунтиян В.И. Украина и перспективы Евразийского экономического сотрудничества/ В.И. Мунтиян// Проблемы современной экономики. – СПб, 2014. – С.314-318
6. Доктрина информационной безопасности РФ, утв. 09.09.2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/mim_bezop/doctr.shtm
7. О концепции информационной безопасности Республики Казахстан до 2016 года: Указ Президента Республики Казахстан от 14 ноября 2011 года № 174 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31086318#pos=5;-76 (Дата обращения: 08.04.2018 г.)
8. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/ (Дата обращения: 08.04.2018 г.)

УДК 351.74

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЦИИ

Краснонос Евгений Юрьевич
кандидат юридических наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
E-mail: eu.kr@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются формирование и развитие правоохранительных органов на протяжении трех основных исторических этапов общественно-экономических формаций: доиндустриального, индустриального и постиндустриального и приводится анализ этих явлений.

Ключевые слова: Полиция, органы внутренних дел, трансформация, исторический аспект.

Среди актуальных проблем исследования исторического прошлого важное место занимает деятельность органов полиции (милиции) как одного из структурных подразделений органов внутренних дел (ОВД). На протяжении последних 300 лет в России существуют органы внутренних дел и полиция, которые претерпевали различные изменения, связанные не только с трансформацией общественно-экономических формаций, но и с изменением основных форм и методов работы.

За это время в Россия прошла три основных исторических этапа общественно-экономических формаций: доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный.

Рассмотрим некоторые аспекты формирования и развития в России государственных правоохранительных органов в рамках этих исторических этапов.

Первый этап связан с учреждением царем Петром I в Санкт-Петербурге Главной полиции во главе с генерал-полицеймейстером. Хотя некоторые органы, обеспечивавшие охрану общественного порядка, возникали в государстве Российском и до XVIII века, учреждение 7 июня 1718 года Главной полиции отметим как начало появления государственных правоохранительных органов в России. Одновременно появился и термин «полиция». Позже подобные управления появляются в нескольких десятках городах страны.

Далее, 20 сентября 1802 года император Александр I упраздняет появившиеся еще при Петре I коллегии и создает восемь министерств, среди которых впервые появляется Министерство внутренних дел (МВД). С этого времени ведет свое начало данное ведомство, претерпевшее за более чем 200-летний период времени немало трансформаций.

После 17 августа 1810 года из МВД выделяется Министерство полиции, которое в большей степени ориентируется на решение таких полицейских задач, как: установление и поддержание спокойствия, борьба с беглыми и дезертирами, взятие под стражу и др.

В июне 1826 года создается III Отделение Собственной Е. И. В. канцелярии. В функции Отделения входили: сыск и следствие по политическим делам, цензура, борьба со старообрядчеством и сектантством, расследование дел о жестоком обращении помещиков с крестьянами и т. д.

Отмена крепостного права в России (19 февраля 1861 года император Александр II подписал манифест об отмене крепостного права) связана с реформированием государственных и общественных отношений и структур, например, рабочая сила превращается в товар, развиваются рыночные отношения, характерные для капиталистической строя и др. Коснулись перемены и российской полиции.

Так, проводившаяся в 1862 году реформа в российской полиции привела к появлению уездных и городских полицейских управлений. В конце того же года начинается реформирование местных полицейских органов: уездная и городская полиция объединяются в одну структуру — уездное полицейское управление. Первые специализированные подразделения по раскрытию преступлений и проведению дознания создаются в Санкт-Петербурге. В 1866 году там же, при канцелярии обер-полицеймейстера, учреждается сыскная полиция.

Уезды делились на станы во главе со станowymi приставами. Города контролировались городскими и участковыми приставами, а также полицейскими надзирателями, входившими в состав городской полиции. Причем городская полиция практически не изменилась ни организационно, ни функционально, а низовой полицейской структурой в ней являлся

возглавляемый надзирателями околоток. Таким образом, улучшается работа этих органов на местах.

Параллельное существование органов руководства политической (III Отделение Собственной Е. И. В. канцелярии) и общей полиций постоянно приводило к соперничеству и другим негативным явлениям, что не способствовало повышению эффективности работы данных организаций. В результате реформы 6 августа 1880 года 15 ноября того же года образуется вошедший в состав Министерства внутренних дел Департамент государственной полиции, сформированный из департаментов государственной и исполнительной полиции, и МВД становится одним из главных рычагов в государственном механизме России.

Второй этап, хотя и возникает после 1861 года, в основном проявляется, начиная с 1880-х годов. Несмотря на ряд негативных явлений в деятельности различных правоохранительных органов в течение рассматриваемого первого периода, за это время был получен значительный опыт организации правоохранительных органов, наработаны методы и способы обеспечения правопорядка и достигнуты значительные успехи в данной области.

Полиция в дореволюционной России работала достаточно эффективно. Так, в 1913 году в Швейцарии на Международном съезде криминалистов по раскрываемости преступлений, русская сыскная полиция признана лучшей в мире, а внедренная в уголовном сыске Российской империи к 1 января 1915 года система централизованного циркулярного розыска преступников заимствована Скотланд-Ярдом, а затем и другими странами.

Первая мировая война 1914-1917 годов сильно подорвала экономическое положение России и негативно сказалась на деятельности органов внутренних дел. А грянувшая Февральская революция и вообще привела к их краху — Постановление Временного Правительства от 11 марта 1917 года упразднило Департамент полиции.

Таким образом, в начале XX века (спустя 200 лет с момента появления) полиция на время исчезает. Ее место занимает милиция (Постановление Временного правительства от 11 марта 1917 года), деятельность которой регламентируется «Временным положением». При этом так же, как и полиция до революции, милиция подразделяется на уездную и городскую. А новая революция в октябре 1917 года, получившая в настоящее время определение «Октябрьский переворот», 2 декабря 1917 года окончательно упразднила просуществовавший менее одного года центральный аппарат милиции. Причем формально до этого времени в России одновременно существовали два ведомства внутренних дел: Временного правительства и Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — Народный комиссариат внутренних дел (НКВД).

Затем, 15 декабря 1917 года ликвидируется Главное управление по делам милиции МВД Временного правительства, и 20 декабря того же года СНК РСФСР принимается решение о создании «Всероссийской чрезвычайной комиссии» (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

12 октября 1918 года принимается инструкция «Об организации Советской рабоче-крестьянской милиции» и завершается правовое оформление процесса становления советской милиции. При этом работники милиции прикомандировывались к отделам управления исполкомов местных советов.

Постановлением ВЦИК от 6 февраля 1922 года Государственное политическое управление (вместо упраздненной ВЧК) переходит в подчинение НКВД и происходит объединение органов государственной безопасности и органов внутренних дел. Далее в 1920-е годы упраздняются НКВД РСФСР и союзных республик. В результате, в течение довольно продолжительного времени (до их полного организационного слияния) самостоятельно работали Главные управления милиции.

15 ноября 1923 года Государственное политическое управление (ГПУ) НКВД РСФСР Постановлением ВЦИК преобразуется в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР.

10 июля 1934 года ЦИК СССР постановил объединить в структуре НКВД главные управления государственной безопасности, рабоче-крестьянской милиции, пограничной и внутренней охраны, исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений, а также ряд других организаций.

В феврале 1941 года образуется народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ), однако с началом ВОВ 20 июля 1941 года НКГБ объединяется с НКВД и входит в состав НКВД СССР. В 1943 году происходит обратная реорганизация и на базе НКВД образуются два

наркомата. 14 апреля того же года формируется новый самостоятельный Наркомат государственной безопасности СССР (НКГБ СССР).

С окончанием войны союзные наркоматы реорганизуются в министерства. В 1946 году НКВД переименовывается в МВД СССР. Но на этом реорганизации не закончились и периодические разделения-объединения органов МВД (НКВД) и МГБ (НКГБ) продолжались до середины 1950-х годов. При этом милиция при объединении переходила в оперативное подчинение органам госбезопасности, а при разъединении работала относительно самостоятельно [1].

В августе 1950 года в состав Главного управления милиции (ГУМ) вошли три управления:

- милицмейской службы (охрана общественного порядка, обеспечение исполнения законов и распоряжений властных органов);

- по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией;

- уголовного сыска.

11 февраля 1969 года утверждается новая структура МВД СССР.

Третий этап. Казалось бы, продолжавшийся длительный период времени различные реорганизации органов внутренних дел приостановились, а деятельность последних — стабилизировалась, как смена руководства МВД СССР в 1980-е годы приводит к катастрофическим последствиям, а именно чистке кадров. За период с 1982 по 1986 годы заменены практически все руководители горрайорганов — наступил период очередной перестройки российского общества.

Перестроечные процессы объективно способствовали ухудшению обстановки в органах внутренних дел и повлекли за собой многообразную смену системы управления ОВД России в регионах. При этом вводились, упразднялись, объединялись и опять разъединялись службы и подразделения. Процесс реформирования системы МВД России продолжается, причем пристальное внимание уделяется развитию базового звена системы ОВД — территориальных отделов внутренних дел, а также построению органов исполнительной власти системы управления и организационного построения аппаратов на уровне субъектов Российской Федерации [2].

20 марта 1996 года утверждена «Концепция развития органов внутренних дел и внутренних войск МВД России» до 2005 года, а 21 января 1997 года издан Указ Президента РФ о структуре МВД России [3].

После проведенной реорганизации в 2001 году (Указ Президента Российской Федерации от 4 июня 2001 года № 644) в структуре МВД России появилось четыре уровня. Причем первый уровень Министерства внутренних дел России не изменился, а остальные стали называться следующим образом:

- второй уровень — окружные подразделения Министерства внутренних дел Российской Федерации — Главные управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по федеральным округам;

- третий уровень — Министерства внутренних дел, Управления внутренних дел субъектов Российской Федерации;

- четвертый уровень — городские и районные органы внутренних дел, линейные органы внутренних дел на транспорте [3].

То есть и последний (базовый) уровень практически остался практически неизменным.

В целом, при исследовании исторических процессов, связанных с деятельностью органов полиции (милиции), методологической основой должен быть позитивистский подход, что даст возможность не только воспроизвести и по возможности объяснить технологию взаимодействия комплекса «государство — органы полиции — граждане», но и предоставит возможность рассматривать роль и место органов полиции как в структуре ОВД, так и в общегосударственной системе.

Во-первых, предмет деятельности полиции определялся целью, задачами, методами, которые, в свою очередь, перераспределялись между различными низшими звеньями, что образовывали внутреннюю дифференцированную, но целостную систему, деятельность которой регулировалась определенной правовой системой.

Во-вторых, немало тех форм и методов, которые были наработаны в условиях советского режима, используются полицией и при нынешних условиях и, соответственно, их тоже необходимо исследовать и популяризировать.

В-третьих, как в условиях советской действительности, так и сегодня осталось немало нерешенных проблем социально-материального и бытового характера, организационно-

структурного построения и управленческой деятельности. Свидетельством этому являются процессы реформирования, проходящие сегодня в МВД.

Таким образом, деятельность органов полиции следует рассматривать в двух аспектах: как объект управления со стороны государства и как самостоятельный целостный орган, где осуществляются внутренние управленческие усилия в отношении сотрудников, служб, подразделений со стороны руководителей разных уровней и управленческих аппаратов, которые выступают их субъектом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кудин Василий Анатольевич 210 лет МВД России: история и современность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. №3. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/210-let-mvd-rossii-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 26.02.2018).
2. История министерства внутренних дел России (обзор публикаций ведомственных изданий, научных и учебных заведений МВД России), 28.03.2012 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-226557.html>. (дата обращения: 28.03.2018)
3. Концепция развития органов внутренних дел и внутренних войск МВД России: Приказ МВД России №145. 1996 г.
4. О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации Указ Президента Российской Федерации от 4 июня 2001 года № 644 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17011> (дата обращения: 29.03.2018)

УДК 340

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО — ПРАВО МИНУВШИХ ВОЙН

Левченков Александр Иванович
Луганская академия внутренних дел
имени Э.А. Дидоренко
e-mail levchenkova.o@gmail.com

Аннотация. *В статье предпринята попытка проанализировать сегодняшнее состояние и перспективы международного гуманитарного права (права минувших войн). По мнению автора оно таковым является в силу того, что важнейшие международные правовые акты, составляющие его содержание, как правило появляются после вооруженных конфликтов (войн) международного и немеждународного характера. В ходе таких конфликтов их участники не руководствуются правовыми предписаниями должным образом или вообще их игнорируют. В данный момент есть все основания считать, что современное международное гуманитарное право функционирует неэффективно в силу ряда причин объективного и субъективного характера. В первую очередь ввиду существования однополярного мира во главе с супердержавой — США, которая отвергает важнейшие нормы международного права, в том числе и гуманитарного, руководствуясь при этом только сугубо своими национальными интересами.*

Ключевые слова: *международное гуманитарное право, вооруженные конфликты международного и немеждународного характера, однополярный мир, супердержава, конвенция, протокол, агрессия.*

Мир вступил в полосу войн, и это не дежурная фраза телеведущего в вечерних новостях. Вооруженными крупномасштабными военными конфликтами охвачен Ближний Восток: Иран, Афганистан, Ливия, Сирия и т. д. Внутригосударственный немеждународный вооруженный конфликт не утихает на Украине с 2014г. В таких условиях должна резко возрасти роль международного права и, в частности, международного гуманитарного права. В последнем (4 Женевской конвенции 1949г. И двух Дополнительных протокола 1971г.) зафиксированы основные положения современного международного гуманитарного права. В частности, речь идет о детальной регламентации норм немеждународных и международных вооруженных конфликтов.

Особое внимание в нашей ситуации (Война в Донбассе) заслуживает исследование положений права немеждународных вооруженных конфликтов, конкретных норм, касающихся защиты детей и объектов, необходимых для выживания гражданского населения и, в целом, защиты гражданского населения от нападения комбатантов (вооруженных сил Украины и так называемых добровольческих батальонов). При этом остается без ответа важный вопрос данной проблематики: почему при всем своем юридическом совершенстве нормы международного гуманитарного права не работают ни в Ираке, ни в Сирии, ни в Донбассе. Каковы глубинные причины такого состояния, каковы движущие силы этих негативных процессов и каковы перспективы права «минувших войн» — международного гуманитарного права?

То, что мир сегодня однополярен уже не вызывает ни у кого сомнения, но правдой является и иное утверждение — он начал меняться в сторону многополярности. Подходит к концу время безраздельного господства одной супердержавы — США. Политика гегемонизма, осуществляемая всеми американскими администрациями, показала свою полную историческую и цивилизационную несостоятельность и бесперспективность.

Борьба международного сообщества за многополярный мир началась не вчера, а много десятилетий назад. В этом процессе были ощутимые успехи и годы поражений, особенно после распада СССР. Так, еще в декабре 1979 года Генеральная Ассамблея ООН по инициативе Советского Союза приняла резолюцию о недопустимости политики гегемонизма в международных отношениях. В ней говорилось, что никакое государство или группа государств не должны ни при каких обстоятельствах и ни по каким-либо причинам осуществлять гегемонию в международных отношениях или стремиться занять доминирующее положение в мире в целом, либо в том или ином районе. Вышесказанное не утратило своей актуальности и требует нового политико-юридического подтверждения и оформления либо по линии Генеральной Ассамблеи ООН, либо решение должно быть принято Советом Безопасности ООН. Таким образом, ему необходимо придать не только рекомендательную, но и обязательную силу.

Как мы видим, сегодня правящие элиты США и близкие к ним государства не только не отказались от политики абсолютного доминирования в мире, но и постоянно ее усиливают, делая по-прежнему ставку на силовой вариант ее реализации и свое военное превосходство (принятый на днях военный бюджет США достиг астрономической суммы в 715 млрд. долларов – это в два раза больше чем суммарные военные бюджеты всех стран мира вместе взятых).

Очевидно, что политика доминирования одной супердержавы является источником агрессивных войн и военных конфликтов регионального или глобального масштабов. Особенно опасным становятся попытки ее реализации администрацией Дональда Трампа в условиях начала «заката» Америки и ее стремления затормозить этот объективный процесс развития человеческой цивилизации или повернуть его вспять. То есть, мы видим, что западная политика-правовая мысль не предложила, по сути, ничего нового. Речь, как правило, идет о реставрировании старых идеологем периода «холодной войны».

Пропагандируемая и навязываемая мировому общественному мнению идея пентагоновских «ястребов» во главе с генералом Маккейном о возможности ведения военных действий путем массового применения не ядерного, но такого же по мощности обычного вооружения, является по сути воспроизводством давно забытой директивы №59 президента Рональда Рэйгана, в которой шла речь о возможности использования ограниченной «ядерной войны» в борьбе против СССР. Газета «The Washington Post» в далеком 1981 году писала: «Надежные ядерные силы позволят нам относительно *свободно* использовать вооруженные силы ради защиты наших *интересов*, если в этом появится необходимость». Иными словами, «перестройка ядерных сил позволит с большей, нежели прежде уверенностью использовать *силы обычные*»;¹

В 1981 году профессор Принстонского университета С.Коэн писал: «Дипломатия уступила место милитаризации внешней политики, контроль над вооружениями – стремлению добиться стратегического превосходства, торговля – экономическим санкциям, культурный обмен – остракизму»². Такое ощущение, что это писалось сегодня – отказ США от ОСВ-1. Киотского протокола, экономические санкции против России, допинговые и газовые скандалы и т.п. (история повторяется).

¹The Washington Post, 26.06.1981

²The Washington Post, 29.06.1981

Для США и тогда, в период «холодной войны», и сегодня характерным является вопиющее игнорирование всех норм международного права, в том числе Устава ООН, и основных принципов международного права. Американскими администрациями неоднократно предпринимались попытки обойти решения и резолюции Совета Безопасности ООН путем придания обязательной силы резолюциям и постановлениям Генеральной Ассамблеи ООН. Таким образом было положено начало войне в Корее 1953 году. В 90-е годы прошлого столетия американские элиты пошли в этом направлении еще дальше. После того, как им не удалось сделать Совет Безопасности ООН полностью управляемым, в том числе и путем придания ему не свойственной ему правотворческой функции, США вообще стали игнорировать его действия и принимать жизненно важные для всего человечества решения без него, руководствуясь принципом периода расцвета колониализма – «сильный в праве не нуждается». Ведь даже «слабое» международное право, зафиксированное в Уставе ООН и его основном, постоянно действующем органе Совете Безопасности ООН, в какой-то мере даже в годы безраздельного господства этой супердержавы могло хотя бы формально ограничить ее произвол. Таким образом, мы видим, что стратегические планы США не меняются, как не меняются и методы их реализации: гонка вооружений, провокации, применение вооруженных сил к «непослушным государствам», ужесточение санкций и т.п.

США последовательны в определении и поддержке, в первую очередь, военно-политической и финансовой своих государств-сателлитов в различных уголках мира (Польша в Европе, Израиль и Саудовская Аравия — на Ближнем Востоке и т.п.). Эти государства выполняют роль «региональных жандармов» в глобальной американской стратегии. Важно заметить, что установка, лежащая в ее основе, является грубым отрицанием главного достижения послевоенного международного права, зафиксированного в уставе ООН и других международно-правовых документах (признание равноправия и суверенитета государств и народов, их права на самоопределение, невмешательство во внутренние дела государств, сохранение территориальной целостности и т.д.) При этом уместно напомнить западным партнерам, что согласно логике цивилизационного процесса супердержавы возникали, достигали своего рассвета и сходили с мировой арены вообще, или, в лучшем случае, им доставались вторые или третьи роли в международных делах. Третий Рейх с его стремлением к мировому господству обрушился в 1945 году, правда, перед этим втянул мир в самую кровопролитную войну в истории человечества с небывалыми до этого людскими жертвами.

Устанавливать или отстаивать идею мирового господства сегодня, что делает США, в условиях возможной ядерной конфронтации государств — это или полное безумие американских элит, которые еще живут представлениями вчерашнего дня, базирующимися на былом абсолютном военном превосходстве и нежелании видеть тех реальных изменений, которые произошли в начале XXI века на геополитической арене – крушения однополярного мира и появления альтернативных центров силы в лице Китая и России. По скромным подсчетам американских ученых только за период 1945-1975 гг. США прибегали к угрозе силой не менее 215 раз, причем в 19-ти случаях применялась угроза ядерным оружием.³ К этому следует добавить, что после окончания Второй мировой войны американские войска развязали и участвовали более чем в двухсот вооруженных конфликтах по всему миру, начиная с Панамы и заканчивая Ираком, Ливией и Сирией.

Сегодня в Пентагоне не скрывают, что модернизированные, по словам Дональда Трампа, «умные» атомные бомбы, размещенные на военных базах США в Германии, предназначены не для борьбы с международными террористами, а с Россией. При этом Вашингтон не считает нужным поинтересоваться мнением жителей ФРГ, нравиться им это или нет.

Кроме всего этого мы постоянно наблюдаем систематическое грубейшее нарушение основополагающих международных соглашений в области контроля над вооружениями – размещение американского воинского контингента и их союзников по НАТО на территории Польши, Эстонии, Литвы и Латвии, а в ближайшей перспективе – и в Украине, то есть, в непосредственной близости от границ России.

Чрезвычайно угрожающим для сохранения мира подобный подход становится тогда, когда он применяется к сферам, связанным с обеспечением международной безопасности, борьбой против

³Blechman B., Kaplan S. *Force without War. VS Armed Forces as a Political instrument.* Washington, 1978, p.16

терроризма и предотвращением военной угрозы. Об этом убедительно свидетельствует исторический опыт. Ведь именно одностороннее нарушение международных договоров относительно контроля над вооружениями и отказ от участия в переговорах по вооружениям стали в свое время одним из первых проявлений агрессивного внешнеполитического курса гитлеровской Германии.

Между тем, о необходимости выработки мер по недопущению наращивания гонки вооружений, переходу к разоружению и предотвращению вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера, постоянно говорилось на различных международных площадках как несколько десятилетий назад, так и сейчас. В частности, речь идет о целом комплексе международных соглашений и итоговых документов, выработанных в их ходе, таких как: «Декларация о принципах международного права» 1970 г., «Заключительный акт совещания по вопросам безопасности и сотрудничеству в Европе» 1975 г., «Определение агрессии» 1974 г., и др. Кроме этого существует в международном праве ряд норм, регулирующих непосредственно ведение боевых действий, определяющих правовой статус их участников в условиях международных и немеждународных вооруженных конфликтов: п.4 Устава ООН 1945 г., ст.1,2,3,5,7 «Определения агрессии» 1974 г., основные положения 4-х Женевских конвенций 1949 года и 2-х Дополнительных протоколов к ним 1977 года.

При всей важности положений всех четырех Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним, наибольший для нас интерес представляет Женевская конвенция № 4 от 12 августа 1949 года «О защите гражданского населения» и Дополнительный протокол №1, часть IV 84-83.

В раздел I «Защита от последствий военных действий» включены следующие пункты:

- определение гражданских лиц и гражданских объектов;
- защита гражданского населения и гражданских объектов;
- особая защита некоторых объектов и др.

В разделе II «Общая защита, предоставляемая населению во время войны» отражены следующие важнейшие положения современного гуманитарного права:

- общая защита всех лиц, затронутых вооруженным конфликтом;
- защита детей;
- защита женщин;
- уважение человеческой личности;
- защита имущества.

В главе V «Защита жертв немеждународных вооруженных конфликтов», второго раздела Женевской конвенции №4 ст.3 подчеркнуто, что основные положения, касающиеся немеждународных вооруженных конфликтов, применяются в следующих ситуациях, когда:

а) в пределах территории одного государства начинаются явные и четко определенные военные столкновения между его вооруженными силами и другими организованными вооруженными группировками;

в) антиправительственные вооруженные силы организованы под руководством ответственного командования и осуществляют такой контроль над частью территории, который дает им возможность проводить непрерывные и согласованные военные действия (напряженные бои).

В ст.3 Женевской конвенции №4 (глава V раздел II), (Дополнительный протокол №2), обращено особое внимание на то, что в вооруженных конфликтах немеждународного характера запрещается в отношении гражданских лиц (мирного населения):

- посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийств, нанесения увечий, жестокое обращение и пытки;
- взятие заложников;
- посягательство на человеческое достоинство, в частности, оскорбительное и унижающее обращение;
- осуждение и приведение в исполнение наказаний без предварительного судебного решения.⁴

⁴Основные положения Женевских конвенций и дополнительных протоколов к ним. Женева, апрель 2016, с.81-82

Однако, вышеперечисленные основополагающие международные нормативно-правовые документы, к большому сожалению, не работают эффективно в вооруженных конфликтах как международного, так и немеждународного характера. Это объясняется многими причинами:

- если современное международное право в условиях однополярного мира работает плохо или совсем не работает, как показали последние события в мире, то закономерно, что и современное гуманитарное право, как одна из его ведущих отраслей, также будет функционировать неэффективно;

- формула «свой-чужой», к сожалению, работает не только на уровне «Восток-Запад», но четко обозначается и в ходе любого вооруженного конфликта;

- руководствуясь двойными стандартами, экономическими, идеологическими, политическими, национальными, религиозными и др. интересами, государство (государства) дают лицензию на убийство своих граждан или граждан другой страны;

- в ходе вооруженных конфликтов, как правило, проявляются худшие, низменные человеческие качества и инстинкты – стремление к убийству, насилию, унижению своего оппонента;

- как правило, международные нормативно-правовые документы в сфере гуманитарного права появляются после войны, вооруженных конфликтов;

- недостаток международного гуманитарного права также заключается в том, что его нормы «технически не способны оказать всеобщее воздействие, то есть автоматически стать обязательными для всех государств»⁵

- во время вооруженных конфликтов (войны) противоборствующие стороны не считают нужным ими руководствоваться; одни руководствуются принципом – победителей не судят, а другим просто терять будет нечего в случае их поражения.

Более сорока современных государств, в том числе и наиболее авторитетных в мире, до сих пор не подписали Дополнительные протоколы 1977г. Ив Сандо подчеркивал в этой связи, что лидеры именно таких стран «тормозят этот процесс, они разбавляют текст пустословием, а затем даже не ратифицируют договор, когда он наконец принят»⁶ Однако, при всех существующих недостатках современного гуманитарного права, альтернативы ему нет.

Литература

1. Ив Сандо. Женевским конвенциям — пол века. Международный журнал Красного Креста. Сборник статей. Женева, 1999г. С. 167. 368с.
2. Марко Сассоли, Антуан Бовье. Правовая защита во время войны. В 4-х томах. Том 1. Международный Комитет Красного Креста. М.: 2008 — С.144. 669с.
3. Основные положения Женевских конвенций и дополнительных протоколов к ним. Женева, апрель 2016, с.81-82
4. Blechman B., Kaplan S. Forse without War. VS Armed Forces as a Political instrument. Washington, 1978, p.16
5. The Washington Post, 26.06.1981
6. The Washington Post, 29.06.1981

⁵ Марко Сассоли, Антуан Бовье. Правовая защита во время войны. В 4-х томах. Том 1. Международный Комитет Красного Креста. М.: 2008 — С.144. 669с.

⁶ Ив Сандо. Женевским конвенциям — пол века. Международный журнал Красного Креста. Сборник статей. Женева, 1999г. С. 167. 368с.

УДК 94:34 (1-4)(075)

ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Лещенко Ирина Ивановна,

Кандидат исторических наук, доцент,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

E-mail: ira_leshenko@mail.ru

Валовая Кристина Леонидовна

юридического факультета

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Ключевые слова: *Византия, византийское правосознание, «res publica», «симфония властей», империя*

Аннотация: В статье рассматривается роль и значение византийского правосознания в контексте вооруженных конфликтов с целью, во-первых, показать определяющую концептуальную роль «симфонии властей» в правовом регулировании церковно-государственных отношений не только в исторической ретроспективе, но и применительно к современному развитию. Во-вторых, обозначить её роль в выходе из государственного кризиса и сохранении самой государственности.

В истории политико-правовых учений России и Византии особое внимание уделялось духовному пониманию политики, общества и права. Русский философ И. А. Ильин революции, войны и вооруженные конфликты связывал, прежде всего, с кризисом правосознания, а в выработке нового русского правосознания усматривал возрождение России. Акцентируя на проблемах правосознания, он отмечал, что «прятие родины, права, государства и власти лично любовью, уважением, доверием, волею и мыслью – составляет самую основную сущность нормального правосознания и государственного национально-духовного расцвета» [1, С. 36].

В современной России единой сформулированной государственной идеологии или национальной идеи пока нет, отсутствие которой заменяет известная либеральная идеология «общества потребителей» с её приоритетом материальных ценностей над духовными. Проведение тотального реформирования в России по либеральным лекалам в течение более двадцати лет не привело к построению модели правового государства с идеями верховенства права, «разделения властей» и прав человека. Потеря национальных ориентиров и девальвация традиционных нравственных ценностей привели к глубокому системному кризису. В своём ежегодном Послании Федеральному собранию 12 декабря 2012 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин, анализируя состояние развития России в XX в., включавшее революции, две мировые войны, гражданскую войну, дважды испытавшую катастрофу распада единого государства, особый акцент сделал на проблеме духовного кризиса и на необходимости формирования государственной стратегии в сфере культуры, образования и воспитания. «Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп – милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи, - дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились. Мы должны всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение»[2], - отметил президент. Исходя из такого официального посыла, можно обратиться к анализу традиционного скрепа – правосознания в контексте византийской «симфонии властей».

Обращаясь к феноменальному опыту византийских церковно-государственных отношений, важно знать, что их определяла симфония властей, в соответствии с которой между государственной и церковной властями предполагалось достижение согласия (гармонии) и сотрудничества (синергии) во всех сферах. Это исходило из особой природы византийской верховной власти, которая согласно Эпанагоги, считалась диархической (двойственной).

Византия была уникальным государством в средневековом мире, которое выработало уникальную и жизнеспособную модель развития в жесточайших условиях существования, когда на каждые сто лет восемьдесят лет приходилось на войны, вооруженные конфликты и внутригосударственные смуты. Отличительной особенностью византийского правосознания была

идея об избранности Византии как всемирной империи. Доктрина Нового Рима с христианской сущностью была официально закреплена в 381 г. третьим каноном Никейского собора. Большинство римских мыслителей, такие как Либаний, Аммиан Марцелин и другие, придерживались христианской идеи «Вечного Рима» - центра всемирной христианской империи, которая с VI в. становится доминирующей. Таким преемником стал Константинополь. Разработанная в Риме концепция государственной власти была сохранена в своей сути и дополнена положениями христианской религии. В этом состоит её особенность, уникальность и устойчивость. Империя предстаёт в политико-правовых воззрениях в новом качестве – благодатного проявления Божественной воли. Доктрина всемирного христианского царства формировалась религиозными и светскими мыслителями, такими как Евсевий Кесарийский (260-340 гг.), Константин Философ (9 в.) и др. Однако, в эпоху её существования имелись и противоречия относительно сущности империи римских и константинопольских императоров. Например, по учению Евсевия Кесарийского, римский император был прообразом и подобием царя небесного, усматривая в этом божественную связь и провозглашение божественного подобия земного царства. Император, как и Христос, обладает священной чистотой и наделён знанием божественных и человеческих законов. В IX в. Константин Философ несколько меняет вектор доктрины, акцентируя на том, что христианская Романия не тождественна языческому Риму, а совершенно другое государство. Тем самым из доктрины удаляется основной тезис о продолжении существования Римской империи и её политико-правовой преемственности. Были и другие мнения. Следует обратить внимание на феноменальность доктрины, которая заключалась в «конституционном» принципе государственной власти. Главной целью государства и правителя провозглашалось достижение *всеобщей справедливости*. Императорские акты пронизаны положениями о справедливости, равенстве и заботе о благополучии подданных. Например, в новелле Тиберия (575 г.) в качестве важных законодательных принципов называются экономия и филантропия. Правительство должно обеспечить благопристойную жизнь народу на основе принципа справедливости. Принцип социального компромисса становится одним из важных положений византийского права. Олицетворением справедливости в политико-правовой доктрине определялось *равенство*, которое позиционировалось в четырёх значениях: правовое, естественное, имущественное и равенство перед Богом. Этот важнейший принцип пронизывал византийское законодательство. Так, в Эклоге содержится указание всем исполнителям законов справедливо относиться к малоимущим людям, не проявлять преимущество перед богатыми в ущерб бедным. Например, в хрисовулах императоров Андронника II и Андронника III Палеологов, в которых указывалось об учреждении Вселенского суда, многократно упоминался принцип равенства сторон перед законом вне зависимости от имущественного положения. Императоры обязаны были в равной степени заботиться обо всех подданных. Однако это нельзя воспринимать только идеалистично. Во-первых, в Византии существовало рабство, что уже противоречило принципам справедливости и равенства. Законодательство должно было обеспечивать равное распространение права на всех, и государство в лице императора гарантировало этот «конституционный» принцип. Хотя государство не ставило своей целью уничтожение имущественного неравенства. Во-вторых, неприкосновенность института частной собственности в византийском праве считалась незыблемым принципом. В чём же суть проблемы? Речь шла скорее о таком сочетании справедливости и равенства, при котором можно выстроить максимально лучшие взаимоотношения в обществе и государстве. Сердцевина находилась в духовной сфере в том числе. В законах речь шла о справедливом суде, наказании и вознаграждении в соответствии с заслугами каждого. Например, византийский хронист Михаил Пселл критиковал Константина VIII за то, что тот не соблюдал «справедливого равенства» в своих милостях по отношению к подданным, и раздавал золото своим приближённым «как песок» [3, С. 19]. И, наоборот, в Эпанагоге (титул 2) говорится, что «император никого не преследует, руководствуясь враждой, он раздаёт награды в соответствии с добродетелью каждого» [4, С. 156]. Какова роль в данной модели управления отводилась церкви? Согласно доктринальным принципам, церковь являлась самостоятельным институтом государственной власти. Императоры как христианские монархи не могли сами ликвидировать или ограничить церковь подобно другим учреждениям государственного аппарата управления. Существует множество мнений о влиянии и соотношении государственной и церковной властей. Например, сторонники концепции «цезарепапизма» придерживались идеи о полном подчинении церкви государству. «Папоцезаристы», напротив, исповедовали противоположное подчинение – император зависел от патриарха. В самой Византии существовала уникальная и своеобразная концепция церковно-

государственного взаимоотношения, вошедшая в историю как «симфония властей», которая кардинально отличалась и от цезарепапизма, и от папоцезаризма и строила свои взаимоотношения на принципах гармонии и согласованности. Это свидетельствовало о значимой роли церкви в управлении государством. В Византии не всегда придерживались этих принципов. Однако большинство императоров соблюдали доктрину симфонического единения светской и духовной власти. Государство и церковь никогда не противопоставлялись друг другу. В органическом единении решались вопросы духовного воспитания людей и организации управления обществом.

Идеи распространения византийского владычества на весь мир часто встречались в законодательных актах. В законах Юстиниана часто употреблялись такие обращения, как весь земной шар, всем людям, всем народам, всей земле, на которую распространяется закон римлян. Произошла смена римского мира на христианский мир, что повлекло кардинальные и глобальные перемены всемирного значения с далеко идущими последствиями. Характерно, что концепция об избранной и особой всемирно-исторической геополитической роли и миссии Византийской империи была господствующей до последних дней существования самого государства. От этой риторики не отказался и последний византийский император Константин XI, который выбрал смерть, но не отказался добровольно сдать Константинополь, как символ избранности и всемирного господства, туркам на поругание, тем самым, сохранив мистический дух и великую идею. Это важно понимать не только при изучении феномена византийского государственно-правового концептуально развития, но для последующего развития мировой цивилизации. Духовное восприятие это ключ, позволяющий открыть тайны развития человеческой цивилизации в целом, и отдельных государств, в частности. Это касается не только самой Византии, но и других государств славянского мира, в том числе и самой России. В подтверждении этой мысли необходимо добавить, что многие императоры продолжали считать себя наследниками Римской империи и показывали своё превосходство над другими европейскими монархами. Идея величия империи в официальной политико-правовой доктрине пережила фактическую гибель самого византийского государства и была воспринята её приверженцами. В Византии, особенно в её период позднего развития, не все мыслители соглашались с необходимостью следовать идее вселенского господства, напротив предлагались противоположные идеи ограниченного императорского правления в пределах греческого мира. Известный византийский мыслитель XIV в. Георгий Плифон считал, что Византия больше не Римская империя, а одно из многих европейских и ближневосточных государств.

Византийское право являлось модифицированным римским правом с особенной спецификой в духовной сфере. Современный исследователь данной темы А. М. Величко, акцентирует на её внутренней идейной, духовной стороне, тем самым, обозначив *двойственную* сущность права с его внешними и внутренними признаками. В этой двойственности и обнаруживается *парадокс*, который проявлялся не в их соединении и единстве, а в контрастном расхождении. Внешне сохраняя в себе классические римские черты, византийское право стремилось в *идейной части* всё более от него отдалиться. Процитируем А. М. Величко, считавшего, что «Византийская традиция тщательно оберегала структуру и систему права, основные понятия и институты, юридическую технику и саму логику правовых построений. Но начала вкладывать в них качественно иной смысл. И в этом отношении византийское право *перестало быть* римским правом» [5, С. 18]. Смысл состоит в том, что, по его мнению, «древнеримское право вообще не имело никакой глубокой внутренней идеи», а римляне, в отличие от греков, «практически ничего не внесли в философию права» [5, С. 18]. *Философским обоснованием* и доминантой для римлян стала идея о всемирном предназначении Римского государства со всеми людьми в качестве его подданных. Известный немецкий философ Рудольф Иеринг, осмысливая дух римского права, усматривал его в чувстве римского мирового владычества и объяснял так: «То, что человек приобрёл потом и кровью, он хочет сохранить за собой. Личной энергии и силе принадлежит мир, в самом себе носит единичная личность основание своего права, и сама должна она его защитить – вот квинтэссенция древнеримского воззрения на жизнь» [6, С. 112, 113]. Право для римлян стало «предметом нравственного возношения» [6, С. 291]. Это и не удивительно, ведь до сего дня оно остаётся, никем не превзойдённым вселенским, универсальным для всех времён и народов, правом. Суть проста – всевластие и сила при полном разделении права и религии, права и морали. Рим признавал только силу и личную энергию. В отличие от Византии, римляне не видели во всём проявление божественной сути, а религию подчиняли интересам государства. Она без государства

представлялась для них бессмысленной. В этом заключалось кардинальное отличие Западного Рима от его Востока, где во всём усматривалась воля Божья.

Что было квинтэссенцией византийской философии вообще и права в частности? Что отличало её от римской, греческой или древневосточной философии права? Если сжать, то можно выразить одним понятием – Божественная сущность, воплощённая в христианскую веру и учение. И Византия стала правопреемницей этой идеологии, воплотив во все сферы жизнедеятельности, её хранительницей и миссионером по всемирному распространению. В этом можно искать и истоки противоборства двух начал: духовного и рационального, личного и общего. Византийское понимание права было насковозь пронизано религиозной идеей. Христианская идеология стала сутью византийского государства и права. Произошло перерождение империи из языческой и рациональной в христианскую и божественную. Появился образец для подражания лучшим формам и идеям, появился правильный ориентир, выбрав который можно уверенно жить и развиваться. Речь не идёт об идеальном государственном образовании, о котором мечтали древнегреческие философы, такие как Сократ, Платон, Аристотель и др., и создавали свои конструкции, в которых во главу угла ставился человек, а не Бог. Они всё перевернули в прямом смысле с ног на голову, подчинив человеческому естеству божественное. Это не созидательная конструкция. Роль Византии, прежде всего, в том состоит, что там вернули всё с головы на ноги: божественному началу подчинено человеческое. Для более глубокого понимания роли Византии необходимо обратиться к 2-му Посланию апостола Павла к фессалоникийцам (2 Фес. 7), в котором говорится: «Тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий». Эта эсхатологическая мысль апостола Павла понималась по-разному и вызывала много богословских споров и продолжает до сего дня. Ключевой вопрос, кто «удерживающий»? В то время под «удерживающим» стали понимать Римское государство, т.е. Византию, как хранительницу христианского учения. Все силы, которых это не устраивало, ополчились против неё. Мир разделился, разделилось и христианство на католиков и православных (1054 г.). Важно, что в основе разделения были ни экономические, политические, социальные, культурные или национальные принципы, а были идеи, ценности и приоритеты. Их соблюдение или нарушение стало определяющим ориентиром в политике и праве. Так римское право в Византии стало обеспечивать христианские ценности и выражать нравственный идеал. Произошла метаморфоза в праве, которое постепенно одухотворяется религиозным учением.

Римский император изначально являлся не только фактически, но и юридически единственным законодателем и продолжал оставаться таковым и в эпоху христианской империи. Идеал царской власти представлен Агапитом в период правления св. Юстиниана: «Уподобляясь кормчему, многоочитый разум царя бодрствует непрерывно, крепко держа руль благозакония и мощно отражая волны беззакония, чтобы корабль вселенского царства не впал в волны нечестия» [7, С. 38]. Великий законодатель св. Юстиниан, воздавая Богу хвалу за этот закон, писал: «закон, который создаёт для них великие преимущества: жить спокойно в своих отечественных местах, с уверенностью в завтрашнем дне, пользоваться своими имуществами и иметь справедливых начальников». И далее рассуждая о цели создания законов, он заключал, зачем нужен закон: «почерпая силу в праведном законе, войти в тесное общение с Господом Богом и препоручить Ему наше царство» [8, С. 531, 532]. Что явно просматривается в этих словах законодателя? Речь идёт не о формальной законности, а об обеспечении реальной справедливости, что всегда актуально. Главное состоит в том, что эту справедливость должен был обеспечивать сам император. Именно как гарант Божественного правопорядка в Римском государстве, император мог вторгаться без ограничения в любую сферу правового и политического развития. Если имело место расхождение в проводимой политике императора с византийским правосознанием, то он лишался власти. Необычное, на первый взгляд, сочетание императорского всевластия и его уязвимости было скорее его сильной стороной. Император должен был следить за тем, чтобы законы государства соответствовали Божественной справедливости. Философ Фемистий отмечал, что «царь стоит выше законов и пользуется своей властью, дабы смягчить строгость закона, когда его механическое применение противоречит высшей справедливости» [9, С. 90]. В одной из новелл св. Юстиниана отмечалось, что «Бог подчинил императору самые законы, посылая его людям как одушевлённый закон. Кто может считаться правомочным в разрешении неясностей постановлений и разъяснении их для всех, если не тот, кому одному позволено быть законодателем? Только император будет законно считаться как творцом, так и толкователем законов» [10, С. 66, 67]. К этому следует добавить огромную ответственность императоров в обеспечении законности и правопорядка в Римской (Византийской) империи. На практике императоры очень тщательно и со

всей ответственностью относились к этим обязанностям. Например, Святой царь Лев I Великий в V в. известен как радатель права и правды.

Таким образом, византийская политико-правовая доктрина представлена как уникальная в своём роде, универсальная, предназначенная для применения во всём мире. За всю историю своего существования Византия официально провозглашала преемственность существования Римской империи. Главным звеном государственности является институт императорской власти, в котором сочетались принципы единоличного монархического и римского республиканского строя. Главной целью государственной власти являлось обеспечение всеобщей справедливости и равенства. Основными постулатами государственно-правовой модели были следующие: во-первых, византийский закон имел вселенское значение в границах вселенской византийской империи; во-вторых, Божественная справедливость – единственный нравственный источник закона. Византийская идея права невозможна без христианства; в-третьих, император выступал гарантом закона в его гармонической сущности; в-четвертых, идея права в Византии существовала лишь при условии сохранения органического единства всех составляющих компонентов.

Нарушив конструкцию, разрушению подвергалось всё государственно-правовое здание. Прямым доказательством стало падение Константинополя 29 мая 1453 г., а вместе с ним и великой христианской Византийской империи. Исчезнув в одном месте (в Византии), эта модель возродилась в другом – Великой России, которая приняла эстафету того «удерживающего», о котором говорил в своём Послании апостол Павел. Впоследствии эта идея найдёт своё развитие в известной теории, сформулированной псковским монахом Филофеем, «Москва – Третий Рим», которая остаётся актуальной до сего дня. Исходя из такой концепции, Москва удерживает современный мир от всемирного зла.

Обобщая исторический опыт развития церковно-государственных отношений, необходимо определить основные принципы правосознания Византии.

Во-первых, основные идеи политико-правовой мысли Византии своими истоками уходили в римскую идеологию. Правосознанием в Риме была выработана абстрактная концепция государства, которая была воспринята правосознанием ромеев. В основе лежало такое понятие как, «*res publica*», означающее публичное и общественное, государственное дело.

Во-вторых, была выработана концепция единоличной монархической власти, которая определялась как служение общему делу. Цель существования государства заключалась в служении интересам и безопасности народа.

В-третьих, необходимость централизации государственной власти для эффективного управления.

В-четвертых, народ признавался источником государственной власти. В 212 г. права римского гражданства были предоставлены всему свободному населению империи. Появляется новое понятие «римский гражданин». В качестве источника государственной власти выступает римский народ, который своею целостностью показывал идеологическую ценность в качестве основы самого существования государства.

В-пятых, институт императорской власти занимает центральное положение в политико-правовом учении.

В-шестых, Византия была государством с уникальной формой правления, основанной на сочетании республиканских и монархических принципах. Император концентрировал в своих руках всю полноту государственной власти. При этом был неизмеримо уязвим, и мог быть смещён с трона в любой момент. Однако его власть считалась от Бога данной, божественной и после избрания сенатом, армией и народом должно быть совершено помазание императора патриархом, как символ божественного освящения этой власти. Условность власти выражалась в постоянной возможности избрания нового императора.

Таким образом, всё было сплетено в сочетании условности и реальности, божественности, мистичности и материальности.

Исходя из исторического опыта, главной задачей современных правоведов и историков не только указать на кризис национального правосознания, но и показать его значение в контексте вооруженных конфликтов с целью выработки нового русского правосознания для возрождения России, а также её государственного обновления.

Список литературы

1. И. А. Ильин. Теория права и государства / Под ред. В.А. Томсинова. – М.: Изд-во «Зерцало», 2003. – 400 с.

2. Стенограмма Послания президента В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 12.12.2012 г. <http://www.rg.ru/2012/12/12/stenogramma-poln.html>.
3. Михаил Пселл. Хронография / Пер. и примеч. Я. Н. Любарского. – М.: Издательство «Наука», 1978. – 224 с.
4. Каждан А. П. Государство и церковь во второй половине IX в. - X в. // История Византии. – М., 1967. – Т. 1. – 156 с.
5. Величко А. М. Идея права в Византии / А. М. Величко // Северо-кавказский юридический вестник. ГРНТ: 10. – Государство и право. – 2011. – Выпуск № 1. – С. 15-24.
6. Иеринг Рудольф фон. Дух римского права // Иеринг Рудольф фон. Избранные труды. В 2 т. – СПб., 2006. Т. 2. – с.
7. Кулаковский Ю. А. История Византии. В 3 т. Т. 2. 518-602 годы. – СПб.: Издательство «АЛЕТЕЙЯ», 2003. – 432 с.
8. Успенский Ф. И. История Византийской империи. В 5 т. Т. 1. – М.: Мысль, 2001. – 457 с.
9. Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. – СПб., 2008. – 645 с.
10. Сильвестрова Е. В. Lex generalis. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V-X вв. н.э. – М., 2007. – 632 с.

УДК 340.13

ПРАВОТВОРЧЕСТВО В ПЕРИОД ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Матвеевко Анна Николаевна

1 курс факультета «Права»

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР»

E-mail:

matveenkoanna@gmail.com

***Аннотация:** в статье были рассмотрены особенности правотворческого процесса в период вооруженного конфликта в Донецкой Народной Республике. При анализе вышеуказанного процесса использовались структурно-семантический и метод сопоставительного анализа. Так же была выделена основная проблематика данной работы.*

***Ключевые слова:** Правотворчество, норма права, вооружённый конфликт.*

Правотворчество - это одно из важнейших направлений деятельности государства, основная цель, которого связанная с созданием или изменением уже принятых в республике норма права. Кроме порядка создания существует определенная техника, которая называется юридической, а также её называют законодательной, объединяющей требования, которые были выработаны в правотворческом процессе, правила, по которым происходит процесс издания с последующим принятием и вступлением в законную силу нормативно-правовых актов [1, с.608].

Понятие правотворчества рассматривается как в широком, так и в узком смысле. В узком смысле правотворчество можно понимать, как непосредственную деятельность уполномоченных органов государства по изданию, изменению и отмене нормативно-правового акта. В широком смысле процесс правотворчества состоит как из самого правотворческого, так из процесса именуемым формированием права в целом.

Проблема правотворчества - это одна из наиболее актуальных тем в отечественной юридической науке. Такие проблемы чаще всего возникают из-за бессистемности и необдуманности правовой политики, отсутствия ярко выраженных приоритетов, а также направлений. В свою очередь, это порождает импульсивность законодательства и ведет к бессистемности законотворческой деятельности.

Проблемой правотворчества в Донецкой Народной Республике являются непрерывные боевые действия и неготовность уполномоченных на то государственных органов и должностных лиц в полной мере осуществлять деятельность по созданию, установлению и закреплению норм права.

Необходимость изучения данной проблемы, вызвана тем, что именно нормами права, война, которая по сей день уносит многие жизни, должна быть урегулирована и сведена на нет, потому как именно договорённость и чёткое следствие норм права приведёт наше государство к долгожданному миру.

Правотворчество — это очень гибкий и непрерывный процесс, направленный на создание нормативных актов [4, с. 68].

Актуальность данной темы заключается в том, что на данный момент в нашем крае необходима разработка собственной нормативной базы в связи с тем, что Донецкая Народная Республика проходит этап становления, а нормы закона, которые в последствии будут регламентировать правовую сторону общественных отношений, необходим непрерывно-качественный процесс правотворчества. Этот процесс ведётся с 2014 года и с каждым годом увеличиваются его масштабы. Как в любом правовом государстве в Донецкой Народной Республике нужен собственный свод законов, который будет регулировать общественные отношения.

Согласно Постановлению Совета Министров ДНР №9-1 от 02.06.2014г. «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» в связи с отсутствием законодательной базы на территории ДНР и необходимостью постоянного регулирования отношений между субъектами права Совет Министров ДНР постановил:

1. Всем органам исполнительной власти ДНР в организации своей деятельности руководствоваться положениями Декларации о суверенитете Донецкой Народной Республики, Конституцией ДНР.

2. Законы и другие правовые акты, действовавшие на территории Донецкой Народной Республики до вступления в силу Конституции Донецкой Народной Республики, применяются в части, не противоречащей Конституции Донецкой Народной Республики [2, с. 1].

Другими словами, это значит то, что нормативная база, действующая со всеми изменениями до принятия Конституции ДНР действует на территории Донецкой Народной Республики до принятия собственной нормативно – правовой базы.

В нашем молодом государстве существует отставание правотворчества от объективных потребностей общества, что в свою очередь оказывает крайне негативное влияние на государственно-правовое и социально-экономическое развитие, связано это напрямую из-за непрерывных боевых действий и невозможности взаимодействовать в правовом поле с рядом ведущих государств на мировой арене, за исключением Российской Федерации.

Данную проблему необходимо решить при помощи модернизация правотворчества, под которой мы можем видеть процесс непрерывного и объективного обновления. Введение актуализации планов и идей, что позволяет более лаконично привязать правотворчество с социально-экономическими, правовыми, политическими и духовными потребностями общества, создать процесс правотворчества более гибким и необходимым вызовам современности, при чём, в условия военного времени [3, с.87].

К примеру, право во времена Великой Отечественной Войны терпело множество изменений и процесс структуризации, которая был направлена на перевод государства с мирного времени на военное. Война поставила Советское государство в такое положение, при котором оно приостановило действие ряда правовых норм Конституции до периода окончания войны, а иные подверглись изменению в связи с чрезвычайной обстановкой.

Гарантии свободы слова, митингов, печатей, демонстраций, шествий, тайны переписки и неприкосновенность жилища никак не могли и не могут в условиях боевых действий осуществляться в полной мере. Они связывались с очень важными и крайне необходимыми некоторыми мерами, которые включали в себя контроль и предосторожность, которые диктовала обстановка вооруженного противостояния. Ряд институтов права СССР, которые не применялись в условиях абсолютного мира, в военное время получила весомое применение, стало важнейшим инструментом, предназначенным для решения новых проблем, обладающих определённым уровнем сложности [2, с.1]

Множество правовых актов, которые были приняты в военное время стали весьма неактуальны и не востребованы еще до окончания Велико Отечественной Войны, другие - недолго после завершения войны. Но множество нормативно-правовых актов времени вооруженного противостояния были рассчитаны на будущее использование с учётом изменения социально-политической обстановки, на довольно долгое время. Данное стремление законодательства вперёд, явилось намерением законодательства СССР в ходе ВОВ решить определённые вопросы

так, «как это должно быть после войны», и основывались они на достаточно веским убеждением народа и партии в правоте своего дела, в победе Советского союза.

Правотворчество есть одна из основных форм государственного управления, которая в первую очередь направлена на создание норм права, а также их изменения, совершенствования или отмену. На данном этапе развития Донецкой Народной Республики процесс правотворчества направлен на создание и развитие собственного права как единой системы регулирования общественных отношений и внедрения общеобязательных.

Правотворческая деятельность в ДНР осуществляется на базе следующих основополагающих принципов: демократизма, законности, гуманизма, научности, профессионализма, соблюдения прав и свобод граждан, юридической иерархии актов, гласности. Таким образом, результат, как и сама деятельность, правотворчества направлена на возведение воли в закон. Правотворчество можно охарактеризовать, как индивидуальный и исключительный вид деятельности государства, осуществляя который крайне важно обратить пристальное внимание на одно обстоятельство, а именно то, что юридическая наука рассматривает его в пределах более широкого понятия — формирования права.

Правотворчество проявляется через разработку и принятие вновь созданной нормы права государственным органом власти. Обоснованием актуальности рассматриваемой темы является то, что процесс правотворчества является критически необходимым процессом нашей молодой республики в период вооруженного конфликта с вооруженными силами Украины. Поскольку обеспечение и охрана порядка, как и масштабное развитие разных социально-политических, культурных, властно-правовых процессов в пределах установленных норм права, закреплённых в республиканском законодательстве [5, с.256].

Томас Гоббс отмечал, что: «Только в государстве и обществе существует всеобщий масштаб для измерения добродетелей и пороков, и таким масштабом могут служить лишь законы каждого государства и общества в целом». Другими словами, можно сказать то, что именно с того момента, когда проявилась острая необходимость в регулировании отношений, возникающих абсолютно на разных уровнях взаимодействия государства и общества, государством и личностью возникло правотворчество.

Тем самым, говоря об участии в процессе правотворчества государства как особого субъекта правовых отношений можно выделить следующие закономерности:

1. Законодательская Воля в процессе создании норм права обязана быть в соответствии с объективным социальным законам обществом, его прогрессивным тенденциям, интересам и потребностям большинства;
2. Данная деятельность должна обуславливаться с объективными потребностями общества в реализации их прав и обязанностей при взаимодействии или непосредственном участии в общественные отношения;
3. Создавая нормативно-правовые акты, органы государственной власти не могут отрицать наличие принципов, обуславливающих сущность, как самого правотворчества, так и его результата, который выражается в установлении норма права.

При рассмотрении функций правотворчества можно сказать то, что: они направлены на совершенствование и обоснование социальных и правовых основ государства и общества, развития законности и демократизма в нашем обществе и государстве, а также формирование социального конструктора (то есть становление при помощи правовых норм новых общественных отношений), развитие и поддержание основополагающих принципов правотворческой деятельности, решение проблем возникающих при работе устаревшего и не актуального законодательства в данном случае постепенный отказ и выход Донецкой Народной Республики из правового поля Украины. Государство может негативно воздействовать на правотворческий процесс, используя свои властные полномочия вопреки обще социальным интересам. Говоря об этом можно сказать, что возможность манипулирования законодателем правовыми и социальными нормами, когда, как сказал К.Маркс: «...уже самые законы, издаваемые государством, представляют собой прямую противоположность тому, что оно возводит в закон» [6, с.116].

Непосредственно цель правотворчества, что выражается в установлении норм права, должна удовлетворять многие потребности, как правовые, так и социальные. Крайне важно считаться со всеми потребностями общества, как с особенностями возрастных потребностей поведения людей, с их ответственностью и работоспособностью. Кроме того, деятельность по установлению норм права должна оказывать всяческое влияние на технические нормы, на внедрение научно-технических достижений и организацию науки в производство, на нормы

обычай и традиций в нашей молодой республике, так как они в процессе культурного подъёма, после масштабного замыливания при Украинской власти.

Правотворчество обязано считаться со всеми теми социальными, правовыми, техническими, психологическими отношениями и нормами, которые наполняют жизнь общества и государства и обеспечивают их тесное взаимодействие и взаимовыгодное развитие и оказывать влияние. Когда речь идет о правотворчестве, то должна проводиться тонкая грань между тем, что воля в праве по своему содержанию материально детерминирована, и тем, что воля государства при правотворчестве не может противопоставляться объективным социальным основам, должна их вскрывать и переводить на язык закона государства, то есть преобразовывать субъективное социальное право в объективно-позитивное [6, с. 125].

Таким образом, на основе выше изложенного можно сделать следующие выводы о том, что данный исторический факт лишней раз доказывает нам, что во время войны, либо локального вооруженного конфликта, государством не готовым к проведению операций, направленных на урегулирование ситуации, создаются и применяются соответствующие нормы права, направление которых будет восстановление мира и правопорядка.

Также необходимо отметить, что многие нормативно-правовые акты в Донецкой Народной Республике, могут утратить не только силу, а и природный смысл. Так к примеру, во время вооруженного конфликта, как правило вводят комендантский час, который в свою очередь вносит ряд ограничений, а в государстве, вступившем в вышеуказанную военно-политическую ситуацию не имеющего норм, регулирующих комендантский час, вводятся в действия либо указы глав держав, либо в очень ограниченное время разрабатываются и применяются данные нормы. В ДНР введен комендантский час указом главы ДНР от 27.01.2016 года №. № 16.

Условия войны всегда ограничивают нормотворческую деятельность представительных органов, власти всех ступеней, включая и Народный Совет Донецкой Народной Республики. Во время войны обычный для издания законов порядок не всегда мог быть точно соблюден, он, как правило, упрощен, приспособлен к быстро меняющейся военной, политической и хозяйственной обстановке. Законопроекты уже не направлялись на широкое обсуждение, а оперативно обсуждаются соответствующими комиссиями.

В этом случае, правотворчество развивается с очень большим уклоном на военно-политическую ситуацию в государстве осуществляющим её. Безусловно, развиваются многие сферы общественных отношений, которым нужна правовая регламентация, но они будут уже выходить из-под оболочки направления государства на разрешения вооруженных конфликтов.

Это несомненно может сказаться на некоторых трудностях, с которым может встретиться законодатель во время разработки нормативно-правового акта уже после стабилизации и умиротворения военно-политической обстановки. Как правило, во многие уже изданные правовые акты государства будут вноситься определённые коррективы. А некоторые из них и вовсе лягут на полку «до востребования».

На данный момент крайне необходимо, в первую очередь, менять взгляды на роль права и общества, которые становятся в очень многих областях жизни единственным средством и способом, предназначенным для регулирования и стабилизации общественных отношений в период вооруженного конфликта в ДНР, преодоления резко негативных процессов, которые могут вообще составить, в конечном итоге, угрозу государства. Речь идёт о процессе «застоя» в правотворчестве, чего допустит никак нельзя, тем более в нынешнее время.

Список литературы

1. Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Омега-Л, 2006. — 608 с.
2. Постановление Совета Министров ДНР № 9-1 от 02.06.2014г.«О применении Законов на территории ДНР в переходный период»- 1 с.
3. Шувалов, И. И. Проблема эффективности правотворчества // Журнал Российского права. – 2005. - № 4. – С. 87-97.
4. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М.: Слово. 1997 – с. 64-69.
5. Дрейшев Б.В. Проблема качества закона. – М.: Правоведение, 1988. – №4 – с. 256.
6. Явич Л.С. Сущность права. – М., 1985. – 114-127 с.

УДК 340.143: 34 (477.6)

ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОНБАССЕ В 1920-Е ГОДЫ

Матвиенко Екатерина Александровна

кандидат юридических наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» г. Донецк

e_mail: e_matvienko@mail.ru

Аннотация: в статье рассматриваются правовые основы создания и деятельности системы правоохранительных органов Донбасса в 1919 – 1929 гг.

Ключевые слова: государственные преступления, законность, правонарушение, преступление, преступность.

Актуальность темы определяется тем, что построение молодого независимого государства на новых демократических и правовых основах, формирование гражданского общества, требуют постоянного совершенствования форм и методов работы органов полиции. Создание правоохранительных органов демократического типа сегодня невозможно без осознания достижений и просчетов прошлых этапов деятельности милиции, позитивного и негативного опыта, а также без пересмотра предыдущих оценок истории милиции.

Вследствие целого ряда внешних факторов (прежде всего нестабильности советской власти и военных действий на территории Донецкой губернии) до начала 1920 г. общей системы построения милицейских аппаратов на территории области не существовало, не работала централизованная система управления, а милицейская структура устанавливалась на местах и отличалась примитивностью.

Одним из признаков общественного развития конца прошлого века стало то, что уголовная преступность превратилась из локального явления в глобальное. Массовые ограбления населения, заказные убийства, террористические акты, захват заложников - все это стало привычными атрибутами той жизни. Такое положение дел не могло не беспокоить государственные структуры, призванные охранять правопорядок в государстве, а также его население.

Для того, чтобы бороться с уголовной преступностью, прежде всего, необходимо глубоко изучить это явление, наиболее полно выяснить причины, его порождающие. Именно это и обуславливает повышение научного интереса к проблеме уголовной преступности и мерам по ее преодолению со стороны, прежде всего юристов.

Современные специалисты объясняют преступность как социально-правовое, массовое, исторически переменное, относительно устойчивое, самодетерминированное, антагонистическое явление, включающее в себя совокупность всех преступлений, совершенных в данном обществе и в данный период, и характеризующееся количественными и качественными показателями. Преступность не является абсолютным явлением, дискуссия вызывает также вопрос можно ли считать ее целостной функциональной системой, поскольку она состоит из довольно разнородных, преимущественно изолированных друг от друга противоправных актов поведения. Однако взаимосвязь между понятиями "преступление" и "преступность" можно установить, используя философские категории единичного и общего: изменения количества, характера, особенностей и структуры преступлений в результате обязательно скажутся и на общей характеристике преступности.

Актуальность данной темы вызвана еще и тем, что выявление общих тенденций развития криминальной преступности в 1920-е годы поможет лучше понять причины ухудшения криминогенной обстановки на современном этапе и в какой-то мере определить ее общие направления, а значит своевременно предпринять превентивные

меры.

Практика террора характерна для всех революций и события 1917 года не стали в этом отношении исключением. Но перед большевистской властью встала серьезная проблема - найти определенную середину между необходимостью защищать завоеванную власть и стремлением сформировать положительный международный имидж нового Советского государства. Однако это оказалось очень сложной задачей, поскольку репрессиям подверглись не только классовые враги советской власти, но и само уголовное право, которое базировалось на традициях, обычных моральных нормах и складывалось в течение длительного времени [1, 63-73].

Постановление Совета народных комиссаров России от 5 сентября 1918, как и большинство российских постановлений и распоряжений автоматически распространялась на все территории, подконтрольные большевистской власти, провозглашало начало "красного террора". Это решение было принято на основании данных, поступивших от Всероссийской чрезвычайной комиссии, и объяснялось необходимостью защиты Советской республики от классовых врагов. Речь шла об изолировании врагов нового государства в концентрационных лагерях, а также о расстреле всех тех людей, которые поддерживали любые отношения с белогвардейскими организациями, имели отношение к мятежам и в обществе. Летом 1920 на территории Украины было создано 24 концлагеря, рассчитанные на 20 000 заключенных. В начале 1921 в них уже содержалось 6000 человек.

Выбор между желанием сформировать позитивный международный образ и необходимостью удержать и защитить свою власть приводил к расширению границ толкование понятия «законность» не только в вопросах уголовного права, но и в вопросах законодательного закрепления новой политической системы. Власть большевиков формировалась как партийная диктатура.

Законодательство нового государства формировалось в двух направлениях: издание декретов и постановлений советской власти и правотворческая деятельность местных судебных органов, которые должны были гибко реагировать на изменения в общественно-политической сфере [2, 9]. Уголовное право, находилось в стадии формирования, было чрезмерно идеологизированным. Считалось, что криминальные элементы состоят из выходцев из буржуазных или переходных классов, не восприняли революцию и пытаются помешать укреплению пролетарского государства. Отмечалось, что с преодолением сопротивления буржуазных элементов и с построением коммунистического общества пролетариат ликвидирует государство как аппарат давления и право как функцию государства. Исходя из этого, деятельность правоохранительных органов рассматривалась как временная историческая миссия. Это отношение к криминальному миру, преступности было закреплено в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» [3, 57-60], которые были введены на территории Украины правительством республики в 1920 году. Согласно этому документу преступлением считались как деятельность, так и бездействие, которые были угрожающими существующей системе общественных отношений. Отдельно отмечалось, «что советское уголовное право имеет своей задачей благодаря репрессиям охранять систему общественных отношений, соответствует интересам трудящихся масс ... в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата» [3, 57-60], то есть еще раз подчеркивалось временное применение репрессивных мер в отношении криминальных элементов. Большая часть этого документа была посвящена урегулированию наказаний и при этом совершенно не назывались виды противоправных действий – таким образом, "местным" предоставлялась полная свобода в решении того, что именно считать преступлением.

В 1920 - начале 1921 гг. правоохранительные органы Донецкой губернии в своей деятельности руководствовались декретами и постановлениями российского и украинского правительств и циркуляром Народного комиссариата юстиции (НКЮ) УССР. В этот период у вновь созданной милиции на местах не было четкого представления об общих нормах проведения дознания, и поэтому большинство материалов о зарегистрированных правонарушениях передавалось в юридические отделы. Так, можно сказать, что работа правоохранительных органов в период с 1919 – 1921-х гг. отличалась

простотой и примитивностью. Формы бланков постановлений, протоколов были произвольными. Арестованных часто содержали под стражей без соответствующих постановлений, обыски проводились без ордеров и понятых. Таким образом, на момент введения НЭПа в Украине еще не было четкого, систематизированного свода законов, который бы регулировал общественные отношения.

Масштабы уголовной преступности заставили большевистское правительство усилить внимание к созданию новых правовых норм, на которые могли бы опираться правоохранительные органы, и сами в это время находились в стадии формирования.

В течение 1919-1921 гг. первоочередной задачей правоохранительных органов Донбасса была совместная с Красной Армией и чрезвычайными органами борьба против бандитизма. Для этого в первую очередь на места отправляли инструкции и постановления центра, которые касались именно этого вида противоправных действий. Из этих документов следует выделить «Краткую инструкцию по борьбе с бандитизмом и кулацкими восстаниями» от 20 апреля 1920, «Краткую инструкцию по борьбе с бандитизмом на Украине» от 8 декабря 1920, каждая из которых предусматривала институт заложничества. Заложников планировалось брать из лиц «кулацкого происхождения», но в условиях военных действий выполнить это не всегда было возможным, и поэтому инструкция от 8 декабря (которая была уже более продуманной) подчеркивала необходимость переноса центра тяжести всех наказаний именно на зажиточное крестьянство, не затрагивая бедноты и середняков, которые были потенциальными или возможными сторонниками советской власти. Но борьба с политическим бандитизмом не должна была стать основным занятием милиции. У нее было несколько другое предназначение.

3 марта 1921 губернские управления милиции Украины (в том числе и Донецкое) получили циркуляры НКЮ, в котором объяснялась сущность наиболее распространенных преступлений. В частности были указаны бандитизм, провокация, саботаж, взяточничество, самоуправство, изнасилования, разбой, поджог, грабеж и другие. Целью этого документа, разработанного отделом Верховного судебного контроля НКЮ, была координация и унификация деятельности судебных и следственных органов. Большинству указанных в документе преступлений предоставлялось политическое содержание. Особенно это касалось болезненной для советской власти в начале 1920-х гг. проблемы - бандитизма (как политического, так и уголовного). Этот циркуляр интересен и тем, что в нем уже отмечено несколько разновидностей должностных преступлений. Неудовлетворительное состояние дел в советских учреждениях, укрепление самой власти и изменение отношения к старым специалистам заставляли правительство обратить особое внимание на служебные правонарушения. Разъяснения, которые находились в упомянутом выше циркуляре, были явно недостаточными и реалии жизни требовали более детального нормативного акта в отношении должностных преступлений.

16 июля 1921 Донецкий губернский отдел юстиции получил от отдела Верховного судебного контроля при НКЮ письмо, которое уже было целиком посвящено только должностным преступлениям. Их описывалось 25 видов, а также отмечалось, что должностными есть и все уголовные преступления, совершенные служащими. Фактически 1921 для правоохранительных органов Донбасса стал временем подготовительной работы, сбор информации о том, какие виды преступлений является наиболее распространенными, как их систематизировать и выбрать соответствующее законодательство. Информацию, было собрано на местах, передавали в центр, который занимался вопросами унификации деятельности правоохранительных органов. Результатом правотворческой и статистической работы стало оформление в 1922 уголовного права Украины в Уголовный кодекс (УК) [4, 9]. Республиканский кодекс дублировал кодекс РСФСР, что должно способствовать централизации государства, поскольку независимые республики объединены единым для всех уголовным правом.

В Уголовном кодексе было учтено потребность детального разъяснения на местах сущности преступлений для унификации действий правоохранительных органов на территории Советского государства. Тщательно описаны наиболее распространенные преступления и их возможные подвиды и варианты. Именно с этого времени на длительный срок вводилось достаточно политизированное определение преступления, а именно: «Преступлением признается любое общественно-опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период» [5, 116-143]. Даже в этом определении нашла свое отражение идея о временной потребности в Уголовном кодексе. Это - ссылка на «переходный к коммунистическому строю период» с никому не известной продолжительности и содержанием.

Политизация самого термина «преступление» предопределяла и порядок введения отдельных групп противоправных действий. Уголовный кодекс выделял так называемые "государственные преступления", среди которых 17 статей было посвящено толкованию вариантов контрреволюционных действий и 30 статей было отведено для преступлений «по порядку управления» (под эти статьи подпадали те, кто был среди организаторов или участников массовых беспорядков, организовывал банды или участвовал в совершенных бандами разбойных нападениях, те, кто отказывался платить денежные или натуральные налоги и выполнять трудовые повинности, те, кто демонстрировал отсутствие уважения к представителям советские их учреждений и к государственным символам (герба, флага, гимна), те, кто незаконно увольнял арестованных из-под стражи или способствовал их побега и т.д.).

Следующую большую группу составляли не менее важные для советской власти должностные (служебные) преступления: им было посвящено 14 статей, которые существенно отличались от 25 указанных в циркуляре отдела Верховного судебного контроля при НКЮ УССР от 16 июля 1921. В Уголовном кодексе остались такие виды должностных преступлений, как злоупотребление властью, бездействие власти, небрежное отношение к службе, дискредитация власти, присвоение, взяточничество, подделка и другие. Остальные дополнили группы преступлений «по порядку управления» и «хозяйственные преступления».

Следующая часть Уголовного кодекса регулировала отношения между Советским государством и церковью. После нее шло разъяснение сущности хозяйственных преступлений (это трудовое дезертирство, невыполнение условий договора, который был подписан с государственным учреждением или государственным предприятием, искусственное повышение цен, валютные спекуляции, самогоноварение, нарушение правил о торговле и т.п.). Фактически ими завершалась часть Уголовного кодекса, которая регулировала отношения между правительством и населением, и начиналась часть, в которой ведущим было обычное право, моральные нормы, которые контролируют нормальное существование общества. Это - преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности и имущественные преступления. Это деление на две части был обусловлено тем, что советский Уголовный кодекс 1922 разграничил все виды правонарушений на две категории:

1. Направленные против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка или признаваемые ею наиболее опасными, по которым указанный кодексом низший предел наказания не может быть снижен судом.
2. Все остальные преступления, по которым установлена высшая мера наказания, которая определяется судом.

Приоритетное значение преступлений первой категории подтверждалось количеством статей, по которым обвиняемых должны были расстрелять. Так, среди преступлений первой категории высшую меру наказания было предусмотрено 34 статьями, а среди преступлений второй категории - только в двух случаях: при рецидивных разбойных действиях, сопровождавшихся насилием или убийством, и за

систематическое хищение из государственных вагонов, судов. То есть законом закреплялось преимущество смысла жизни государственного над жизнью человека.

Принятие следующего Уголовного кодекса Украины по времени совпадало с началом свертывания НЭПа. В новом кодексе, который был принят 1 июля 1927, неизменным оставалось определение термина «преступление» со ссылкой на условия переходного к коммунистическому строю период. Этот Уголовный кодекс зафиксировал некоторые изменения государственной политики. Так, был расширен состав контрреволюционных преступлений, уточнялись и дополнялись статьи, касающиеся шпионажа и экономической контрреволюции. Зафиксированы были в кодексе и достояние «чисток» предыдущих лет - теперь виновными становились не только те, кто служил при царском режиме, но и те, кто так или иначе проявил себя во время гражданской войны или даже просто жил на территории, захваченной белогвардейцами.

Начиная с Уголовного кодекса 1927 определилась и устойчивая тенденция к росту количества статей, предусматривающих расстрел в качестве меры социальной защиты. В 1927 году смертную казнь предусматривали 45 статей (в 1922 их было 36), в 1928 году - 47 статей и в 1929 году - 49 [6, 6].

Таким образом, введение нэпа сыграло роль катализатора в процессе становления правовой системы Советского государства. В условиях рыночных отношений правительство должно было установить границы дозволенного, учитывая необходимость формирования международного образа правового государства. Издание в 1922-1923 гг. Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов впервые с 1917 г. дало правоохранительным органам конкретную ориентацию как в сфере выявления и квалификации преступлений, так и в области процессуальных правил. Но в течение этого переходного периода право несколько отставало от политики Советского государства, дополнялось и уточнялось различными правительственными постановлениями, которые иногда противоречили существующим нормам уголовного права.

Эту проблему отставания права от политики пытались решить благодаря принципу аналогии - в УК 1922 (ст.10) было отмечено, если в Уголовном кодексе нет прямого указания на любой вид преступления, то наказание может быть назначено то же самое, что и в наиболее подобных случаях, но зафиксированных законом. То есть, преступлением могло быть признано действие, прямо не указанное в УК как противозаконное. Аналогия закона была сохранена и в следующем кодексе - 1927 года. И если в начале 1920-х гг. аналогия помогла дополнить уголовное право непредсказуемыми статьями, то в условиях свертывания НЭПа и в последующие годы эта статья стала использоваться как средство нарушения закона. К тому же местные правоохранительные органы не всегда могли точно следовать букве закона, поскольку на всех не хватало экземпляров Уголовных кодексов как 1922, так и 1927 годов, разницу между ними "местам" объясняли устно, в виде инструктажа.

Таким образом, отказ от рыночной экономики и переход к государственному планированию сказались на уголовном праве в виде расширения видов и совершенствования толкований преступлений первой категории (которые регулировали отношения «государство-население») и усилении карательных мер.

Список литературы:

1. Гринберг М.С. Уголовное право и массовые репрессии 20-х и последующих годов // Государство и право.-1993.-№1.
2. Бажанов М.И. Уголовное право Украины. Общая часть.-Днепропетровск: Пороги, 1992.-С.9.
3. Сборник документов по уголовному законодательству СССР и РСФСР (1917-1952) /под ред. И.Т.Голякова.-М.: Гос. издат. юрид. лит, 1953.-С.57-60.
4. Бажанов М.И. Уголовное право Украины. Общая часть. - Днепропетровск: Пороги,

1992.-С.9.

5. Сборник документов по уголовному законодательству СССР и РСФСР (1917-1952) / Под ред. И.Т.Голякова.-М.: Гос. издат. юрид. лит, 1953.-С.116-143.

6. Мироненко А.Н., Бенько А.П. Создание рычагов силового давления на украинское общество на рубеже 20-30-х гг.-К.-Днепропетровск: Ин-т государства и права АН Украины, 1992.-С.6.

УДК 2(097).471

**ПРОБЛЕМА ПРАВОСОЗНАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА ИЛЬИНА В
ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ**

Миргородский Андрей Александрович

кандидат философских наук

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР»,

г. Донецк, ДНР

E-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

Крысина Валерия Владимировна

Студент 1-го курса факультета права

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР»,

г. Донецк, ДНР

E-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается содержание феномена правосознания в творчестве Ивана Александровича Ильина. И. Ильин сформулировал 3 аксиомы правосознания, лежащие в основании правовой жизни любого народа и в которых нуждается государство для своего процветания – 1) закон духовного достоинства; 2) закон автономии; 3) закон взаимного признания.

Ключевые слова: мораль, право, правосознание, справедливость, философия права.

Одной из основных задач для современных гуманитарных наук является формирование профессиональной моральной и правовой культуры в сфере общественных отношений. Мораль и право представляют собой две универсально значимые сферы общества. Они находятся друг с другом в отношении взаимодополнительности, при этом их общественный идеал недостижим в сфере естественного бытия. Но для нормального функционирования в рамках определенной культуры и общества мораль и право должны быть признаны в качестве таких феноменов, которые имеют основополагающее ценностное значение и могут быть оправданы, учитывая определенную систему ценностей.

Творчество русского философа Ивана Александровича Ильина (1883-1954) представляет собой классический образец философско-правовой рефлексии в истории мысли. Философия И.А. Ильина в значительной мере опиралась на лучшие достижения немецкой классической философии, которая имела строго идеалистический характер. Вспомним, двухтомник Ивана Александровича Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918). В этой работе И.А. Ильин превозносит русский дух, тем самым обогащая его живой конкретикой, возвышая, а не слепо «идеализируя» личность человека.

Как известно, право – особый вид общественного сознания и отношений, в котором выражаются знание и оценка юридических законов и нормативных актов, ограничивающий меру социальной свободы и регламентирующий обязательные элементы

общественной деятельности. Право реализует возможность выражения общественных потребностей и интересов, нормальной жизни конкретного человека. При этом правовая деятельность людей направлена на подчинение поступков, действий, поведения в целом нормам, составляющих основу правосознания. Это совокупность представлений и чувств, выражающих отношение конкретного индивида, группы, общества в целом к правовым явлениям в общественной жизни. С правосознанием происходит ценностная ориентация на идеал правового государства (Г. Гегель), который имеет безусловный характер и определяет практическое поведение человека как гражданина, что берет за основу И.А. Ильин [1].

Работа Ильина над проблемами философии права началась с его кандидатских сочинений (неопубликованных): «Проблема метода в современной юриспруденции» (1906-09). В этой области его интересовало 3 основных вопроса: «Идея государственного суверенитета», «Монархия и республика» и «Природа международного права». В 1919 он закончил свой фундаментальный труд «Учение о правосознании», но опубликовать его не было никакой возможности не только в России, но и в эмиграции; он дорабатывал ее до конца своей жизни, а издана была она вдовой после его смерти под названием «О сущности правосознания» (Мюнхен, 1956). Ильин относил право к духовной сфере. Его установку можно обозначить как православно-христианскую, относящую право (естественное) к тайне творения Господня и замыслу Бога о человеческом обществе.

Согласно И.А. Ильину, законы, которые должны осуществляться между людьми в их жизни и деятельности, - это нормы, или правила, указывающие человеку искомый им лучший путь его внешнего поведения. При выборе способа своего поведения (совершенно свободно, в силу присущей ему от природы и Бога свободы) человек бывает всегда «прав», если он следует в русле этого установленного пути. Поэтому создание людьми порядка социальной жизни по своему произволу хотя и возможно, но всегда обречено на неудачу. И.А. Ильин сформулировал три аксиомы правосознания, которые лежат в основе правовой жизни любого народа. Это те основные истины, которым в жизни соответствуют основные способы бытия, мотивирования и действия: «закон духовного достоинства, закон автономии и закон взаимного признания». Первое, что отличает основного гражданина, - это свойственное ему чувство собственного достоинства. Он чтит духовное начало в самом себе, свою религиозность, свою совесть, свой разум, свою честь, свои убеждения, свое художественное чутье. Второе – это его внутренняя свобода, превращенная в самостоятельную дисциплину. Он, гражданин, есть некий ответственный самоуправляющийся волевой центр, истинный субъект права, которому подобает быть свободным внутренне и поэтому принимать участие в государственных делах. Такому гражданину подобает уважение и доверие. Он есть как бы твердыня государственности, носитель верности и самообладания, гражданственный характер. Третье, что отличает настоящего гражданина, это взаимное уважение и доверие, которое связывает его с другими гражданами и с его государственной властью. Эти аксиомы, как и все учение о правосознании, есть «живое слово» о той духовной атмосфере, в которой нуждается право и государство для своего процветания. Аналогично этому разработанные им аксиомы власти, вместе с его теорией «свободной лояльности», являются источниками «правильной политической жизни». Теории государства и политического устройства посвящены многочисленные статьи и лекции, а также двухтомник «Наши задачи» (1956) и незаконченный труд «О монархии и республике» (1978).

Особая действенная сила нравственного сознания как раз и состоит в отсутствии его формальной закреплённости, при этом оно зиждется на уважении к конкретной личности и ее свободе. Свобода достигается за счет разума и наступит

с необходимостью [1]. Нельзя поработать и унижать человека, потому что каждый человек обладает абсолютной ценностью (И. Кант). Человеку нужны прежде всего достоинство и свобода. Такие моральные категории как совесть, честь, чувство собственного достоинства, «живая справедливость» личности отражают имеющуюся у каждого человека способность самостоятельно определять и направлять свое поведение в своем стремлении к личному и общему благу.

И.А. Ильин пишет: «Правосознание есть особый способ жизни, которым живет душа, предметно и верно переживающая право в его основной идее и его единичных видоизменениях (институтах). Этот строй душевной жизни есть, конечно, нечто идеальное, однако не в том смысле, чтобы этот идеал был неосуществим. Напротив, этот способ жизни уже дан в зачатке каждому из людей, и от каждого из нас зависит – осознать, развить и упрочить в себе этот зачаток. И еще: нормальное правосознание есть воля к цели права, а потому и воля к праву, а отсюда проистекает для него и необходимость знать право и необходимость жизненно осуществить его, т.е. бороться за право именно предметное познание этой цели укрепляет жизненную волю к ней» [3, с. 158].

Правосознание есть одно из проявлений человеческого духа: «Я есть личность с духовным достоинством и правами, я знаю, что мне можно, должно и чего нельзя! И такую же свободную и ответственную личность я вижу в каждом другом человеке. Человек без чувства ответственности и чести не способен ни к личному, ни к общественному самоуправлению, а потому и не способен к демократии» [4].

Морально-этические нормы и обычная коммуникация располагают большим методическим запасом средств, но ни одно из них по своей жизненной действительности не может сравниться с непосредственным обращением к личности человека. Поэтому базовыми принципами являются этика доверия и уважения к личности человека, уважение к правовым нормам, а также поддержка многосторонних отношений с этикой заботы об окружающей среде. Большое внимание здесь должно уделяться проблеме толерантности.

Чтобы достичь толерантности взаимоотношений, которая в значительной мере определяет человеческий облик, нужно сформировать в отношениях нравственное сознание как основную ценностную форму общественного сознания, что определяется необходимостью регуляции межличностных отношений и совместной деятельности людей в конкретном коллективе. Это будет в свою очередь влиять на формирования надлежащего правосознания. Например, для Г. Гегеля нравственное сознание – исторически сложившаяся система неписаных законов [1].

Существует две противоположные точки зрения относительно соотношения права и справедливости. Одна утверждает, что справедливость – это неправовая категория, а категория оценочная. Более того, она не имеет отношения к праву и правовой теории, а, наоборот, ведет к смешению категорий права и морали. То, что справедливо для одних, часто оборачивается несправедливостью для других. Причем, каждая сторона искренне убеждена в истинности, очевидности и справедливости только своей позиции. Когда дело идет о справедливости, было бы неверно опираться на чувства при оценке происходящего. Наиболее верный подход заключается в том, чтобы вообще оценивать явления, не являясь вовлеченным в них. Необходимо осознавать, что уже изначально справедливость содержит в себе элементы несправедливости, доля которых зависит от уровня развития общества. Принципы всеобщей справедливости, которые были бы универсальными и устраивали абсолютно всех, сформулировать не то что сложно, а просто невозможно. Потому понятие справедливости всегда связано с определенным историческим и культурным контекстом. Эта позиция абсолютно не новая. Она, в частности, всегда была характерна для юридического позитивизма. Эта теория не игнорирует справедливость, а лишь считает, что она находится за пределами закона. Справедливость – это требование морали, а не права. Категории справедливости, должного, хорошего и плохого именно в

связи с тем, что они достаточно произвольны, субъективны и изменчивы, конечно же, имеют право на существование, но никак не в рамках теории права.

Ганс Кельзен, создатель чистого учения о праве, по этому поводу не уставал повторять, что моральные ценности, в том числе справедливость, относительны и при всей своей необходимости представляют собой недостижимый идеал. Это некий идеал жизни общества, а, следовательно, государства и права как ее составных частей. Чем больше принцип справедливости отражается в праве, тем более «здоровым» можно назвать общество и государство. Но достичь полного же согласия по вопросу справедливости, как и абсолютной справедливости в праве невозможно. Поэтому, задачу государства нужно свести минимум к тому, чтобы законы не только не являлись явно несправедливыми, но и их принятие устраняло бы максимальное число несправедливостей.

Другая теория утверждает: право должно быть справедливым. В.С. Соловьев внес существенный вклад в развитие темы «право» и «нравственность», «право» и «справедливость», а также исследовал религиозно-нравственное понимание государства и права, которое следует рассматривать в контексте его философии всеединства. Право у него обусловлено нравственностью, однако нравственный закон обращен только ко внутренней стороне воли индивида, а юридический закон рассматривает внешнее проявление его воли. Обусловленность права нравственностью выражалось в том, чтобы закон везде был справедливым. Другими словами, право является постоянной нормой справедливости. По смыслу, оно в любом случае восходит к справедливости, обозначает наличие в социальном мире правового начала и выражает его правильность, императивность и необходимость.

Итак, в творчестве И.А. Ильина мораль, справедливость и правосознание здесь представляют собой универсально значимые нормативные системы общества, занимающие относительно самостоятельные жизненные сферы духовной жизни.

С глобальной точки зрения, общее благо включает такие ценности, как равенство и справедливость. Равенство устанавливает равную меру для всех в их совместной жизнедеятельности, оно даёт возможность предоставить всем членам общества равные возможности и права на конкретные блага (например, на образование и труд). Но формальное равенство одновременно предполагает и неравенство в других сферах человеческой жизнедеятельности.

В свою очередь, для И. Ильина справедливость – это общезначимая ценность, которая характеризуется соответствием существующего и должного, наличием и обеспечением прав человека как разумного существа.

В истории представления о справедливости менялись, но в целом было отмечено, что справедливость призвана ликвидировать определенные частные привилегии, стремясь действовать в соответствии с нормами права, обеспечивая человека условиями для реализации способностей в коллективе. Ценностная роль справедливости выражается прежде всего в установлении взаимоотношений между людьми, созданных для достижения общего блага и понимание этого смысла для формирования потребностей, мотивов, интересов и целей, оказывающих влияние и на реальное поведение человека. Именно так представления об общем благе как правовом идеале гармонизируют потребности, интересы, волевые устремления различных людей и сообществ. В.С. Нерсесянц отметил, что интересы в этом идеале не отрицаются и не устраняются, а даже сохраняются, учитываются в максимально возможной мере в рамках права [5].

Таким образом, общее благо в юридическом контексте можно понимать как феномен, возникающий в результате эффективного функционирования права как социального института. По своей сути, оно обозначает качественно новый уровень человеческих взаимоотношений. По словам Г. Гегеля, права личности – это добро для всех людей и значимая ценность общего блага. При этом ценность общего блага обретает смысл только в соотношении с человеком «как меры всех вещей». В общеправовом

смысле общее благо выступает неким эталонным образцом, с которым соизмеряются другие ценности и поступки людей. Это идеалистическая тождественность права и закона. Право есть норма справедливости.

В то же время в творчестве И. Ильина общее благо имеет характеристики, соприкасающиеся с феноменом свободы, идеал которого являются свободные личности как высшее смысловое выражение права, а также признание независимости и автономии каждого члена общества. Но это не есть беспредельная анархия, а независимость в определенных рамках. Например, в рамках библейских заповедей о любви к Богу и ближнему человек может быть свободен. На наш взгляд, наиболее точно по поводу свободы заметил И. Кант, говоря о том, что поступать необходимо так, чтобы свободное проявление личного произвола было совместимо со свободой каждого.

Итак, по И.А. Ильину, главным условием возникновения и существования правосознания в обществе является признание правомерности индивидуального личного блага каждого человека, находящегося в определенных рамках, признание легитимности законов и ответственности. Поэтому не может быть общего блага, если попираются права и свободы конкретного человека. При этом как раз уважение к личности и человечность в своем совершенстве также открывают возможности для реализации идеала общественного блага и демократической свободы в процессе формирования морально-нравственной и правовой культуры.

Таким образом, философия правосознания Ивана Александровича Ильина строится на уважении к свободе и личности человека, равенстве прав людей в их стремлении ко благу, а также справедливости как высшей формы. Процесс обеспечения полноценного существования человека и жизни общества реализуют свобода, равенство, справедливость – понятия, которые являются высшими правовыми ценностями на основе нравственного сознания. Это главные условия не только эффективного функционирования и развития общества, но и предпосылки для реализации идеала общественного блага как общечеловеческой ценности. Одновременно моральный идеал – это перспектива общества, достигающаяся за счет нравственного сознания как необходимого фактора прогресса человеческого общества.

Список литературы:

1. Гегель Г.Ф. Философия права. – М.: «Мысль», 1990. – 524 с.
2. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Собр. соч. в 10-ти томах. – Т. 5. – М.: «Русская книга», 1996. – 608 с.
3. Ильин И.А. О сущности правосознания // Собр. соч. в 10-ти томах. – Т. 4. – М.: «Русская книга», 1994. – 624 с.
4. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собр. соч. в 10-ти томах. – Т. 1. – М.: «Русская книга», 1996. – 400 с.
5. Нерсесянц В. С. Философия права. Учебник для вузов – М.: «Норма», 1997. – 652 с.

УДК 340.132.624

К ОТКАЗУ ИМПЛЕМЕНТАЦИЕЙ УКРАИНОЙ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Нарыжный Никита Александрович

Директор департамента Международного права и сотрудничества

Министерства юстиции Донецкой Народной Республики

Аннотация: в статье дан анализ применения термина «имплементация», выделены основные способы имплементации. Проанализировано украинское законодательство касательно военных преступлений. Дана правовая оценка отказу имплементации Украиной международных норм касательно норм международного права о военных преступлениях.

Ключевые слова: имплементация, трансформация, отсылка, рецепция, Женевские конвенции, обычаи войны, военные преступления.

Актуальность темы: На современном этапе развития международного гуманитарного права, на фоне постоянного увеличения количества вооруженных столкновений на нашей планете и без обращения внимания на деятельность международной организацией ООН, безопасность в мире находится под постоянной угрозой. Именно поэтому, на фоне внутригосударственного вооруженного конфликта на территории Украины, вопрос о приведении национальных систем права в соответствии с международными положениями гуманитарного права, в частности в сфере уголовного законодательства, является первоочередным. Выбранная проблема отказа Украины от имплементации норм международного права о военных преступлениях, по нашему мнению, является актуальной не только для Донецкой Народной Республики и Украины как непосредственно претерпевающих последствия такого отказа, но и для всего мирового сообщества.

Проблемой имплементации норм международного права в национальные законодательства освещены в работах таких ученых как М. Раскалей [1], О. Шпакович [2], Ф. Мартенс [3], В. Филатов, которые прослеживали аспекты применения норм международных договоров в национальное уголовное законодательство [4].

Собственно само понятие имплементация (от англ. implementation, от лат. *Impleo* – осуществление, внедрение в жизнь) заключается в фактической реализации государством международных обязательств на внутреннем уровне, осуществляемой путем трансформации международно-правовых норм в национальные законы, т.е. внедрение норм международного права в национальную правовую систему, в нашем случае, Украины. Следует отметить, что на сегодняшний день в правовой доктрине не существует единого определения понятия «имплементация».

Так, О.Ф. Скакун считает, что имплементация - это перенос (введение) в национальное право норм и принципов международных актов. А. Гавердовский понимает под имплементацией «целенаправленную организационно-правовую деятельность государств, осуществляется индивидуально, коллективно или в рамках международных организаций с целью своевременной, всесторонней и полной реализации принятых ими в соответствии с международным правом, обязательств. Он также отмечает, что сущность имплементации заключается не в трансформации международно-правовых норм в нормы национального права, а в процессе восприятия национальным правом правил международных договоров. Суворова рассматривает термин «имплементация» как синоним понятия «реализация» - воплощение норм международного права в практическую деятельность государств и других субъектов [3]. Таким образом, под имплементацией международно-правовых норм понимается система правовых и организационных средств как создаваемых совместными усилиями государств, так и

используемых индивидуально с целью всесторонней, своевременной и полной реализации принятых в соответствии с международным правом обязательств. Для на более эффективного осуществления процедуры имплементации норм международного права каждое государство имеет определенный механизм имплементации, что представляет собой совокупность правовых средств, используемых государствами для обеспечения достижения целей международно-правового регулирования. Среди основных способов имплементации норм международного права выделяют три: трансформация, отсылка и рецепцию. Именно об этих трех способах имплементации отмечает Д. Б. Левин, при этом отмечая, что в литературе по международному праву нет единого понимания содержания этих понятий [4]. Трансформация в целом представляет собой переработку текста международно-правового акта с принятием на этой основе норм внутреннего права, т.е. нормы международного права формулируются иначе чем в первоисточнике. И. Лукашук выделяет три вида трансформации: прямая трансформация (инкорпорация) т.е. включение норм, содержащихся в договоре во внутреннее право страны напрямую; опосредованная трансформация - нормы международного договора вступают в силу в качестве норм внутреннего права только после издания законодательным органом специального акта; смешанная трансформация - объединяет элементы первых двух [3]. А вот А. Гавердовський различает понятия инкорпорации и трансформации, считая последнюю более глубокого правового действия связанной не просто с воспроизведением, но и с переработкой норм определенного международного договора [3]. Примерами трансформации могут служить отдельные положения Уголовного кодекса Украины. Так, ст. 442 УК, предусматривающей ответственность за геноцид является результатом трансформации положений Конвенции о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него 1948. Под отсылкой понимают указание в нормативно-правовом акте государства на международное право как на источник, регулирующий соответствующие отношения. Отсылка предусматривает действие международных норм в неизменном виде, их прямое применение субъектами. Отсылки являются достаточно сложными в применении и имеют определенные особенности. И.И. Лукашук отмечает, что при отправке нормы международного права имплементируются в национальную правовую систему, но при этом они не растворяются в ней, а занимают особое место. Ученый также отмечает, что такие нормы следует обозначать термином «инкорпорированы нормы», то есть нормы заимствованы из международного права [5]. В общем выделяют два вида отсылок: общие - указывают, что все действующие договоры государства, ратифицированные ими в установленном порядке, являются частью ее правовой системы или законодательства (ст. 9 Конституции Украины, ч 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации и т.д.); специальные - содержат ссылки на конкретную(ые) норму(ы) определенного международного договора (согласно ст. 15 Закона Украины «О дорожном движении» на территории Украины действуют национальные и международные удостоверения на право управления транспортными средствами, соответствующие Конвенции о дорожном движении 1968 г.). Рецепция - это текстуальное повторение нормотворческим органом государства содержания международно-правовой нормы в статье нормативно-правового акта. Обращение к рецепции может иметь разные мотивы: от желания повторить удачные формулировки статьи международного акта в стремлении продемонстрировать полнейшее соблюдение принятого международного обязательства [2].

Вместе с тем, наиболее распространенными способами имплементации, как свидетельствует мировая практика, является инкорпорация и отсылка. Непосредственно Конституцией Украины статьей 9 предусматривается возможность инкорпорации, закрепляя положения, что действительные международные договоры, согласие на обязательность которых предоставила Верховная Рада Украины, являются частью национального законодательства Украины [6].

Что касается отсылки как способа имплементации международных норм в национальное законодательство, то возможность ее применения предусмотрена ст. 19 Закона Украины «О международных договорах Украины». Согласно с данной нормы в случае возникновения конкуренции национальных и международных норм применяются правила международного договора [7].

Исходя из этого, в национальном законодательстве Украины закреплён приоритет международных норм, относительно положений национального законодательства.

Анализируя категорию «военная преступность» мы понимаем в первую очередь, явление обозначающее совокупность преступлений, совершенных военнослужащими. Исходя из узкого подхода к трактовке термина «военная преступность» – это система преступлений, совершенных специальным субъектом (военнослужащим и военнообязанным во время прохождения ими сборов) и родовым объектом (общественными отношениями, что обеспечивают соблюдения установленного порядка несения и прохождения военной службы) [8, с. 145]. С точки зрения международного права, военными считаются преступления, совершенные против гражданского населения или народов во время войны. В национальном законодательстве очевидна проблема, связанная с применением дефиниции.

Таким образом, военные преступления – это совершенные систематически в широких масштабах серьезные нарушения международного права в период вооруженных конфликтов. К военным преступлением можно отнести действие не только во время международного военного конфликта, но и в ходе внутригосударственного военного конфликта (гражданская война). Таким образом, их можно классифицировать как умышленное причинение ударов по персоналу, объектов инфраструктуры, подразделениях гуманитарной помощи в соответствии с Уставом ООН.

Доктрина международного гуманитарного права содержит некоторые правила введения вооруженной борьбы которые можно объединить под общим термином «законы и обычаи войны». Эта система норм и принципов международного права, которые:

- устанавливают права и обязанности воюющих сторон и нейтральных государств во время военного конфликта;
- имеют цель устранить наиболее жестокие способы и средства введения войны, обеспечить защиту мирного населения.
- определяют порядок начала, введения и прекращения военных действий, правовое становление комбатантов и некомбатантов (мирного населения, военнопленных, больных и раненных военнослужащих и т.д.), а также правовой режим собственности.

Имплементация международного права о военных преступлениях ложится на государства, которые подписали Женевские конвенции. В соответствии к положениями документа стороны берут на себя обязательства ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных санкций касательно лиц, которые совершили серьезные нарушения. К тому же предусматриваются обязательства, способствовать розыску лиц, обвиненных в таких нарушениях, и передавать их в суд независимо от их гражданства.

В Уголовном кодексе Украины (далее по тексту УК Украины) военные преступления рассматриваются в двух разделах: раздел XIX «Преступления против установленного порядка несения службы (военные преступления)» (статья 401-436) и раздел XX «Преступления против мира, безопасности человечества и международного правопорядка» (статья 436-447). Следует отметить, что составы военных преступлений в понимании международного сообщества содержатся именно в этих разделах [9].

Обращает на себя внимание ст. 438 УК Украины под названием «Нарушение законов и обычаев войны». Объективная сторона этого преступления может быть выражена в одной из таких форм:

- жестокое обращение с военнопленными;
- жестокое обращение с гражданским населением;

- принуждение гражданского населения для принудительных работ;
- разграбление национальных ценностей на оккупированной территории;
- применение способов ведения войны, запрещенных международным правом;
- другие нарушения законов и обычаев войны, установленными международными договорами, а также издание приказа про совершение таких действий [9].

Жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением может выявляться в убийствах, увечья, пытках и истязаниях, биологических экспериментах, взятие заложников, надругательство над человеческим достоинством и т.п. [9, с. 1266].

Под жестоким поведением с гражданским населением, следует понимать серьезные нарушения Женевской конвенции о защите гражданского населения 1949 года. Эти нарушения фактически сводятся с актами жестокого поведения с военнопленными и заключаются в применении пыток, убийствах, взятии заложников [8, с. 146].

Научный прогресс в области вооружений обуславливает необходимость постоянного усовершенствования международного и национального законодательства касательно разрешенных способов и методов ведения войны. Под способами ведения военных действий следует понимать оружие и военную технику, которая используется воюющими сторонами для уничтожения живой силы и материальных средств противника, подавление его сил и возможности к сопротивлению. Под методами военных действий следует понимать порядок, способы и приемы использования способов ведения войны для уничтожения живой силы, материальных средств противника, подавление его силы и способы сопротивления [10, с. 35].

Международные нормы к запрещенным способам ведения войны относят вооружение «невыборочного» действия; напалмовые, шариковые, кассетные, фосфорные, нейтронные бомбы; вооружение, основное действие которого заключается в причинении повреждений осколками, которые не определяются в человеческом теле с помощью рентгеновского облучения; мини-ловушки; лазерное вооружение, специально предназначенное для использования исключительно в боевых действиях или для того, чтобы причинить постоянную слепоту органам зрения человека и т.п. Применение оружия массового уничтожения, запрещенное международными договорами, согласие на обязательность которых дала Верховной Радой Украины квалифицируется за статьей 439 УК Украины [9, с. 1267].

Выводы: Исходя из выше изложенного, отказ от полной имплементации международных норм о военных преступлениях следует из международных договоров, а также предусмотрено Конституцией Украины.

Верховная Рада Украины ратифицировала фактически все международные документы, которые касаются военной преступности, однако национальное законодательство касательно военных преступлений до сих пор не имплементировано в национальное законодательство правительством Украины, что подтверждается ведением агрессивной политики против своих граждан. Военные преступления требуют четкой квалификации. Среди этих уголовных преступлений правительства Украины можно назвать несколько – это нарушение «законов войны», «обычаев войны», «нарушение законов и законов войны», «военные преступления», «серьезные нарушение международного гуманитарного права», «жестокое обращение с военнопленными» и т.д.

Список литературы:

1. Раскалей М. Особенности имплементации международных договоров во внутренних правопорядок в области воздушного права Украины / М. Раскалей // Виче. – 2007. - № 5-6. – С. 72-74.
2. Шпакович О. Особенности способов имплементации международно-правовых норм / О. Шпакович // Виче. – 2010. - № 17. – С. 23-25.
3. Боярчук К.О. Поняття та основні способі імплементації норм міжнародного права [Электронный ресурс] URL: <http://dspace.onua.edu.ua/bitstream/handle/11300/3751/>

[D0%91%D0%BE%D1%8F%D1%80%D1%87%D1%83%D0%BA.pdf?sequence=1&isAllowed=y](#) (дата обращения: 02.04.2018)

4. Левин Д.Б. Актуальные проблемы теории международного права / Д.Б. Левин. – М.: Наука, 1974. – 264 с.

5. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: Учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук. – изд. 3е, перераб. и доп. . – М.: Волтерс Клувер, 2005. - 432 с.

6. Конституція України, прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28.06.1996 р., із змінами та доповненнями станом на 02.04.2018 р. [Електронний ресурс] URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80/page> (дата обращения: 02.04.2018)

7. О международных договорах Украины: Закон Украины от 29 июня 2004 года // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2004. - № 50. – Ст. 540.

8. Оробец К. Военная преступность: проблема изучения / Оробец // Предпринимательство и право. – 2006. - № 4. – С. 145-147.

9. Уголовный кодекс Украины : [научно-практический комментарий] / [Ю. Баулин, В. Борисов, С. Гавриш и др.] ; за общей ред. В. Сташиса, В. Тация. – К. : Издательский Дом «Ин Юре», 2003. – 1196 с.

10. Филатов В. Применения норм международных договоров и решений Европейского суда по правам человека в уголовном судопроизводстве / Весник верховного Суда Украины. – 2004. - № 7. – С. 32-38.

УДК 348.638

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Овинникова Раиса Витальевна
студентка 2 курса ОУ «Магистр»
юридический факультет
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
E-mail: rayaovinnikova@mail.ru

Аннотация: В статье изучены особенности нормативно-правового регулирования института защиты чести и достоинства представителя власти по уголовному законодательству Российской Федерации. Обоснована позиция о необходимости выработки единого, унифицированного подхода к такой регламентации.

Ключевые слова: представитель власти; клевета; оскорбление.

Summary: The article is devoted to consideration of authority's honour and dignity criminal-law protection regulatory framework. Furthermore, it shows the justification of the position that there is need to establish the comprehensive, holistic and unified approach to the authority's honour and dignity criminal-law protection regulation. The relevant suggestions are also shown.

Key words: authority; slender; an insult.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью совершенствования механизма уголовно-правовой охраны и защиты чести и достоинства отдельных категорий лиц, наделенных в связи с занимаемой должностью или же осуществляемой деятельностью, властными полномочиями. А также потребностью выработать единообразный, унифицированный подход к регламентации института обеспечения уголовно-правовой защиты конституционного естественного права личности на уважение чести и достоинства.

Целью данного исследования является выработка предложений и рекомендаций по совершенствованию механизма уголовно-правовой охраны и защиты чести и достоинства представителей власти.

Научное изучение темы исследования характеризуется фрагментарностью, отсутствием разработки на уровне монографических работ. Отдельные вопросы были изучены такими представителями юридической науки как: П.В. Краснова, С.С. Касьянчик, К.И. Бринев, А.В. Курсаев, Ю.В. Калашник, О.М. Деменьев, Б.А. Тугутов, И.А. Петрова, М.И. Гешелин и другими.

Уголовно-правовая охрана чести и достоинства лиц, наделенных властными полномочиями, осуществляется опосредовано, при обеспечении средствами уголовно-правовой защиты от общественно опасных посягательств надлежащего порядка осуществления правосудия и управления.

Нормативные, в частности, уголовно-правовые основы недопущения и предупреждения избегания ответственности за совершение преступлений против чести и достоинства отдельных категорий лиц, обладающих, в связи с занимаемой должностью или выполняемой деятельностью, особым правовым статусом – выступают необходимым элементом общего механизма обеспечения соблюдения права человека на уважение его чести и достоинства.

В контексте осуществления уголовно-правовой характеристики деяний, посягающих на честь и достоинство представителей власти следует отдельное внимание уделить изучению правовых основ и особенностей реализации другого права личности – политического, опосредующего правовую возможность на свободное выражение своих мыслей и взглядов, злоупотребления в использовании которого часто выступают предпосылкой совершения уголовно-наказуемых деяний, дополнительным непосредственным объектом посягательства которых выступает честь и достоинство конкретно определенных лиц, наделенных властными полномочиями по роду выполняемой профессиональной деятельности.

На сегодняшний день в Российской Федерации создана значительная по своему объему нормативно-правовая основа обеспечения реализации гарантий свободы слова и мысли.

Положениями статьи 29 Конституции Российской Федерации, закреплено конституционное право каждого на свободу слова и мысли. Однако, при этом, одновременно одной из важнейших доминант общественного развития в государстве является и защита другого конституционного права – на уважение чести и достоинства в контексте обеспечения общечеловеческих ценностей и интересов.

Политическое право каждого на свободу мысли и слова, на свободное выражение своих мыслей и взглядов закреплено и положениями комплекса международных нормативных правовых актов.

В научной литературе отмечается, что свобода слова и мысли неразрывно связана с таким политико-правовым феноменом как «демократия», является одновременно и его качественной характеристикой, и условием построения демократического общества. Вместе с тем, следует согласиться с мнением П.В. Красновой о том, что реализация свободы мысли и слова служит проявлению индивидуальности человека и имеет субъективный характер восприятия [1, 67].

Необходимо также отметить такое обстоятельство, что границы защиты чести и достоинства с одной стороны, а также деловой репутации – с другой, в отношении лиц, наделенных властными полномочиями, являются различными. В данном случае необходимо признать, что правовой статус таких лиц опосредует возможность наличия и такого непосредственного дополнительного объекта преступного посягательства, как их деловая репутация. Так, к примеру, С.С. Касьянчик [2, 118] в своем научном исследовании обосновывает целесообразность рассмотрения деловой репутации должностных лиц органов государственной власти в качестве самостоятельного объекта защиты, осуществляемой посредством охранительных административно-правовых норм.

Таким образом, вопрос баланса между правом на свободу выражения взглядов и защитой права на уважение чести и достоинства как каждого человека, так и отдельных лиц, является неоднозначным. Следует учитывать, что нормативная «конкуренция» общепризнанного естественного права на уважение чести и достоинства, и политического права на свободу мысли и слова в отношении лиц, наделенных по роду своей деятельности или в связи с занимаемой должностью, властными полномочиями, имеет особое значение. В данном случае, по мнению автора, законодательно предоставляемые правовые возможности по свободе мысли и слова выступают мерой индивидуальной ответственности каждого, и их реализация не должна нарушать права других лиц.

Уголовно-правовая охрана чести и достоинства представителей власти в Российской Федерации осуществляется на основе норм статей 297, 298.1 и 319 УК РФ. Составы преступлений, предусмотренных указанными нормами, предполагают многообъектность преступного посягательства. В частности, право на уважение чести и достоинства выступает дополнительным непосредственным объектом преступлений против правосудия и порядка управления.

Прежде всего, следует рассмотреть деяния, посягающие на честь и достоинство отдельных лиц в ходе судебного разбирательства.

Так, ч. 1 ст. 297 УК РФ установлена уголовная ответственность за неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства.

Наличие мер уголовно-правовой ответственности за проявление неуважения к суду призвано обеспечить установленный законом порядок осуществления правосудия, является необходимым элементом обеспечения принципа независимости судебных органов, руководящая роль которого отмечается и на международном уровне.

Сравнительный анализ положения законодательства зарубежных стран свидетельствует, о единообразном подходе законодателя относительно важности нормативной регламентации основ обеспечения независимости государственных органов, осуществляющих правосудие, что, в частности, осуществляется посредством установления запрета на проявление различных форм неуважения по отношению к суду, что охватывает большой спектр действий и поступков как участников процесса, так и посторонних лиц, которые мешают судье реализовывать свои полномочия по отправлению правосудия. Неуважением к суду может быть выражено некорректным поведением присутствующих в зале судебного заседания, оскорбительными высказываниями в адрес судьи и участников процесса, неподчинением требованиям суда, неуважительным отношением к замечаниям. В некоторых государствах к этому перечню также относятся преждевременные публикации в прессе, обсуждение судебных процессов, а также, фактически, любые критические замечания в адрес судей.

Становление и активное развитие института уголовной ответственности за проявление неуважения к суду, преимущественно, свойственно государствам англосаксонской правовой семьи, что обусловлено авторитетностью института судебного процесса, сформированной в результате многовековой традиции утверждения в обществе уважения к суду как к важной государственной институции.

Уголовный кодекс Российской Федерации под неуважением к суду понимает оскорбление участников судебного разбирательства и дифференцирует уголовную ответственность в зависимости от процессуального статуса потерпевшего лица.

Отдельный интерес по вопросу проявления неуважения к суду, выразившегося в форме выражения оскорбления участников судебного процесса является практика Европейского Суда по правам человека.

В решении от 16 апреля 2018 года по делу Чеферин против Словении Европейский Суд по правам человека установил, что господин Чеферин, будучи практикующим адвокатом, во время судебного заседания в своём выступлении использовал в оценке экспертов такие фразы как: «сведения, лишённые всяческого смысла», «профессионально слабые», «придуманные конструкции», указывая, что «психиатр использовал психологические методы, которые абсолютно не имеют обоснования» и «психолог использовал устаревшие методы из каменного века психологии и антинаучные психодинамические концепции», а также называл весь судебный процесс фарсом. Предоставляя оценку установленным фактическим обстоятельствам дела, Европейский Суд по правам человека акцентирует внимание на том, что указанные высказывания, хоть и имели отрицательное, местами враждебно беглое значение, но являются оценочными суждениями, касающимися сертифицированных экспертов и выполнения обязанностей прокурором в процессе против клиента заявителя. Европейский Суд по правам человека пришел к выводу о том, что эти суждения нельзя расценивать как персональные атаки или как такие, которые направлены на личное оскорбление экспертов, прокурора или суда.

Таким образом, суд при оценке выражений участников судебного разбирательства должен руководствоваться не исключительно семантическим окрасом лексических единиц, но и учитывать, какое значение имеют выраженные и озвученные заявления по отношению к фактическим обстоятельствам дела. Кроме того, рассмотренное решение наглядно отражает общую позицию Европейского Суда по правам человека в отношении необходимости соблюдения баланса между обеспечением свободы слова и защитой авторитета судебной власти.

Обобщенный анализ материалов судебной практики по вопросу привлечения к уголовной ответственности лиц, проявивших неуважение к суду, представлен в работе А.В. Курсаева [3, 76]. Данный автор указывает на необходимость установления признаков оскорбительности преступного деяния, выраженных в способе совершения посягательства. В свою очередь, интерпретация таких способов является важным условием правильной квалификации деяния.

Форма выражения оскорбления по отношению к участникам судебного разбирательства уголовным законодательством не определена. Такое оскорбление может быть выражено и устно, и письменно (к примеру, путем подачи жалобы, текст которой содержит оскорбительные оценочные суждения, направленные в адрес личности отдельных лиц), а также размещено в сети Интернет.

К примеру, согласно материалам Приговора №1-10/2015 1-291-2014 от 30 апреля 2015 года [4] в зале судебного заседания были озвучены оскорбительные слова и выражения в адрес потерпевшего – адвоката, тем самым унизив его профессиональную честь и достоинство. Факт совершения преступления подтверждается показаниями свидетелей, а также выпиской из протокола судебного заседания. Примечательно, что в ходе судебного разбирательства по данному делу был привлечен эксперт-лингвист и проведена соответствующая экспертиза, в результате которой было установлено, что все произнесенные слова и выражения относятся к инвективной лексике. По форме оскорбление являлось устным сообщением сведений.

Вместе с тем, следует отметить, что если форма оскорбительной информации, направленной на личность судьи или же участников судебного разбирательства, наделенных властными полномочиями, не доводится до них непосредственно, а размещается на информационных носителях, доступных для восприятия неопределенным

кругом лиц, то такое деяние может быть квалифицировано по ст. 319 как публичное оскорбление представителя власти. Такая позиция находит подтверждение при изучении судебной практики Верховного Суда Российской Федерации

Кроме того, Т.Б. Гулиева и Т.Г. Черненко в своем исследовании указывают на обязательный квалифицирующий признак объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 297 УК РФ – время его совершения, которое определяется продолжительностью судебного разбирательства по конкретному делу. В случае оскорбления судьи или же других участников судебного разбирательства, наделенных властными полномочиями, вне данного временного промежутка, деяние следует квалифицировать по ст. 319 УК РФ. Однако в данном случае возникает вопрос о возможности квалификации оскорбления, нанесенного в адрес лиц, принимавших участие в судебном разбирательстве, но не наделенных властными полномочиями, если такое деяние имеет отношение, например, к результатам судебного рассмотрения дела. Ввиду отсутствия общей нормы, предусматривающей уголовную ответственность за оскорбление личности, такое деяние может быть квалифицировано только как административное правонарушение.

По мнению автора, неуважение к суду также может быть выражено не только лишь при помощи вербальных средств общения, но и путем применения вербальных жестов, реализации определенной меры поведения относительно суда в целом и участников судебного разбирательства, в частности, которая может выражаться, например, в умышленной неявке участника судебного разбирательства в судебное заседание без уважительной причины, однако действующим законодательством Российской Федерации за неявку участника судебного разбирательства в судебное заседание без уважительной причины не предусмотрена возможность привлечения физического лица ни к административной, ни к уголовной ответственности. Кроме того, исходя из изучения диспозиций норм статьи 297 УК РФ, в понимании уголовного законодательства проявление неуважения к суду возможно только посредством выражения оскорбления.

В данном контексте отдельный интерес представляют положения, отображенные в научной работе Б.А. Тугутова [5, 38]. В частности, данный автор на основе анализа материалов судебной практики указывает на необходимость своевременного выявления и документирования преступлений, выраженных неуважением к участникам судебного разбирательства, а также на целесообразность выработки единообразного правоприменительного подхода к осуществлению экспертно-лингвистической деятельности.

И.А. Петрова и Е.А. Майорова [6, 2850] отмечают, что при рассмотрении дела о неуважении к суду необходимым является установление факта негативного влияния такого преступного посягательства на общий ход судебного разбирательства, а также на возможность принять законное и справедливое решение по делу. Такая позиция представляется широким толкованием рассматриваемой статьи, прежде всего, ввиду отсутствия в диспозициях норм статьи 297 УК РФ каких-либо законодательных указаний на обстоятельства совершения преступления, а также на его мотивы и цели.

Отдельное внимание следует уделить изучению вопроса о том, кого следует понимать под «иным лицом, участвующим в отправлении правосудия», за оскорбление которого санкцией нормы ч. 2 ст. 297 предусмотрены меры уголовной ответственности. Так, можно согласиться с мнением М.И. Гешелина [7, 103] о том, что законодателем в данном случае в качестве возможного потерпевшего подразумевался арбитражный заседатель.

Также к преступлениям, дополнительным непосредственным объектом посягательства которых является честь и достоинство отдельных категорий лиц, относятся деяния, предусмотренные нормами статьи 298.1 УК РФ.

В частности, диспозиция нормы ч. 1 ст. 298.1 УК РФ определяет преступным распространение клеветнической информации о судье, присяжном заседателе, другом

лице, которое участвует в отправлении правосудия. При этом, для квалификации данного деяния важной является его связь с рассмотрением дел или же материалов дела в суде.

Согласно ч. 2 ст. 298.1 УК РФ потерпевшими от клеветы могут быть:

- прокурор, следователь, лицо, производящее дознание – в связи с производством предварительного расследования;
- судебный пристав – в связи с исполнением приговора, решения суда, иного судебного акта.

В соответствии с ч. 3 ст. 298.1 УК РФ уголовно наказуемой является клевета в отношении перечисленных выше лиц при наличии рассмотренных обстоятельств осуществляемой ими деятельности, сопряженная с обвинением в совершении преступления, которое отнесено уголовным законодательством к тяжким или же особо тяжким.

По мнению автора, в тех случаях, когда содержание клеветнической информации сопряжено с обвинением должностных лиц в совершении ими преступления (чаще всего коррупционной направленности), такое деяние следует отграничивать от ложного доноса, уголовная ответственность за который предусмотрена нормами статьи 306 УК РФ. При этом, одно из определяющих значений в данном случае имеет направленность преступного умысла: при клевете – на унижение чести и достоинства, деловой репутации потерпевшего, а при заведомо ложном доносе – на создание условий для привлечения заведомо невиновного лица к уголовной ответственности.

Таким образом, институт уголовно-правовой охраны чести и достоинства лиц, принимающих участие в судебном разбирательстве, а также производящих предварительное расследование, осуществляющих принудительное исполнение приговора, решения суда, другого судебного акта выступает важной основой и предпосылкой укрепления авторитета органов судебной власти и правоохранительных органов, позволяет создать надлежащие условия для законного, справедливого и эффективного отправления правосудия.

К преступлениям, которые посягают на честь и достоинство также относится деяние, уголовная ответственность за совершение которого предусмотрена статьей 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти».

Так, уголовно наказуемым является публичное оскорбление, нанесенное представителю власти. В данном контексте отдельную онтологическую необходимость представляет толкование термина «оскорбление».

К.И. Бринев отмечает, что «...проблема оскорбления в юридической лингвистике является, пожалуй, к одной из самых неоднозначных и сложных. В теории лингвистической экспертизы, отсутствует ясная формулировка проблемы оскорбления, а в экспертной практике – единые основания принятия исследовательских решений» [8, 15].

Нормативная уголовно-правовая дефиниция рассматриваемого понятия содержалась в статье 130 УК РФ, однако впоследствии такое деяние как оскорбление было декриминализовано и, следовательно, в настоящее время в уголовном законодательстве отсутствует трактовка данной категории.

Вместе с тем, нормативная трактовка понятия «оскорбление» содержится в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, в соответствии со статьей 5.61 которого под оскорблением следует понимать унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. Однако, исходя из устоявшихся правил юридической техники, толкование понятия административного правонарушения «Оскорбление» нельзя экстраполировать на уголовно наказуемое преступление «Оскорбление».

Г.С. Иваненко [9, 93] указывает, что при квалификации речевого деяния как оскорбления необходимо доказать такие факторы:

- высказывание относится к конкретному лицу;

- произнесенные в адрес лица слова и выражения содержат негативные коннотации;

- произнесенные в адрес лица слова и выражения имеют неприличную форму.

Кроме того, признаки оскорбления должны быть очевидными. Они являются таковыми только тогда, когда действия лица, или же произнесенные им слова направлены против конкретного человека и отсутствуют сомнения в том, что речь идет именно о нем.

О.М. Дементьев, М.Н. Кочеткова и А.Н. Шилкина в своей работе в качестве примера приводят такой факт: «...Верховный Суд Российской Федерации прекратил уголовное дело об оскорблении и клевете в связи с тем, что обвиняемый в своих публикациях не указывал действительных фамилий конкретных лиц, хотя сюжеты брал из реальных событий»[20, 28].

Отдельное внимание следует уделить понятию неприличия языковой формы утверждаемых характеристик относительно личности лица, как важного признака преступности совершаемого деяния. Следует согласиться с мнением исследователей об использовании лингвистической методологии, подразумевающей общее разделение лексики и фразеологии на нормативную и ненормативную, публичное использование которой является недопустимым. Однако следует учитывать также особенности коммуникативных ситуаций и определенные контексты употребления лексических единиц, которые могут восприниматься как нормативные или же ненормативные в зависимости от таких фактических обстоятельств.

Изложенные факты свидетельствуют, прежде всего, о необходимости применения специальных знаний путем привлечения высококвалифицированных специалистов – лингвистов для осуществления лингвистической экспертизы в ходе досудебного расследования и раскрытия преступлений, посягающих на честь и достоинство личности.

Анализ положений нормы ст. 319 УК РФ свидетельствует, что для квалификации оскорбления представителя власти как уголовно наказуемого деяния, необходимым является наличие совокупности таких признаков объективной стороны состава преступления:

- публичность совершения оскорбления, что предполагает негативную оценку личности субъекта властных полномочий и (или) его деятельности, выраженную в неприличной форме, что является доступным для восприятия неограниченного круга лиц;

- наличие обстоятельства времени совершения преступления, ограниченного хронологическим периодом выполнения потерпевшим должностных обязанностей или же мотива преступного посягательства, обусловленного исполнением потерпевшим должностных обязанностей.

По мнению автора, целесообразным является установление публичности в качестве признака, посредством которого конструируется квалифицированный состав оскорбления представителя власти.

Так, к примеру, квалифицированный состав преступления «Оскорбление представителя власти», выделенный по признаку публичности его осуществления закреплен в диспозиции нормы ч. 2 ст. 378 Уголовного кодекса Республики Казахстан.

Предлагается дополнить статью 319 УК РФ частью 2, предусматривающей уголовную ответственность за оскорбление представителя власти, совершенное публично или с использованием средств массовой информации, или в сети Интернет. Из диспозиции нормы ч. 1 ст. 319 УК РФ, соответственно, исключить признак публичности совершения оскорбления.

Кроме того, с целью выработки единообразного законодательного подхода к нормам института уголовно-правовой охраны чести и достоинства отдельных категорий должностных лиц, по мнению автора, необходимо предусмотреть статью, регламентирующую привлечение к уголовной ответственности за клевету в отношении представителя власти. Структура такой статьи должна состоять из части, диспозиция нормы которой определит общий состав преступления данного преступления, а также из

частей, которыми будут предусмотрены квалифицированные составы – по аналогии с диспозициями норм ч. 2 и ч. 5 ст. 128.1 УК РФ.

Таким образом, рассмотрение многообъектных составов преступлений, предусмотренных нормами диспозиций статей 297, 298.1 и 319 УК РФ, позволяет сформулировать такие выводы.

Установлено, что меры уголовно-правовой ответственности за проявление неуважения к суду призваны обеспечить установленный законом порядок осуществления правосудия и, вместе с тем, косвенно, – охрану и защиту чести и достоинства лиц, принимающих участие в судебном разбирательстве, осуществляющим отправлении правосудия. При этом, обязательным квалифицирующим признаком объективной стороны состава преступления, предусмотренного нормами диспозиций ст. 297 УК РФ является время его совершения, которое определяется продолжительностью судебного разбирательства по конкретному делу. В случае же оскорбления судьи или же других участников судебного разбирательства, наделенных властными полномочиями, вне данного временного промежутка, деяние следует квалифицировать по ст. 319 УК РФ. Однако в данном случае возникает вопрос о возможности квалификации оскорбления, нанесенного в адрес лиц, принимавших участие в судебном разбирательстве, но не наделенных властными полномочиями, если такое деяние имеет отношение, например, к результатам судебного рассмотрения дела. Ввиду отсутствия общей нормы, предусматривающей уголовную ответственность за оскорбление личности, такое деяние может быть квалифицировано только как административное правонарушение.

В данном контексте необходимо отметить, что отсутствие общей уголовно-правовой нормы, определяющей общественную опасность и уголовную наказуемость такого деяния как оскорбление и одновременное существование квалифицированных составов такого деяния, противоречит конституционному принципу государственного гарантирования равенства каждого в своих правах. Кроме того, данный факт усложняет квалификацию деяния как оскорбления, ввиду отсутствия его уголовно-правовых признаков.

Обоснована целесообразность установления публичности в качестве признака, посредством которого конструируется квалифицированный состав оскорбления представителя власти. Предложено дополнить статью 319 УК РФ частью 2, предусматривающей уголовную ответственность за оскорбление представителя власти, совершенное публично или с использованием средств массовой информации, или в сети Интернет. Из диспозиции нормы ч. 1 ст. 319 УК РФ, соответственно, исключить признак публичности совершения оскорбления.

Кроме того, с целью выработки единообразного законодательного подхода к нормам института уголовно-правовой охраны чести и достоинства отдельных категорий должностных лиц, обоснована необходимость предусмотрения статьи, регламентирующую привлечение к уголовной ответственности за клевету в отношении представителя власти. Структура такой статьи должна состоять из части, диспозиция нормы которой определит общий состав преступления данного преступления, а также из частей, которыми будут предусмотрены квалифицированные составы – по аналогии с диспозициями норм ч. 2 и ч. 5 ст. 128.1 УК РФ.

Список литературы

1. Краснова П.В. Свобода слова и право на информацию как основные факторы формирования гражданского общества [Текст] / П.В. Краснова // Научные записки молодых исследователей, 2015. – № 4. – С. 66-71.

2. Касьянчик С.С. Деловая репутация должностного лица государственного органа как объект административно-правовой защиты [Текст] / С.С. Касьянчик // Вестник Полоцкого государственного университета, 2014. – №5. – С. 115-121

3. Курсаев А.В. Уголовно-правовая характеристик способов неуважения к суду [Текст] / А.В. Курсаев // Вестник Московского университета МВД России, 2016. – №6. – С. 69-77.

4. Приговор №1-10/2015 1-291/2014 по уголовному делу №1-10/2011 от 30 апреля 2015 г. [Электронный ресурс] : Северодвинский городской суд (Архангельская область). – Режим доступа: http://sudact.ru/regular/doc/wHZF119I7VY9/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+298.1.+Клевета+в+отношении+судьи%2С+присяжного+заседателя%2С+прокурора%2С+следователя%2С+лица%2С+производящего+дознание%2С+судебно+го+пристава%28УК+РФ%29®ular-doc_type=1008®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1525345130348. – Дата обращения: 03.05.2018. – Загл. с экрана

5. Тугутов Б.А. Практика привлечения к ответственности за неуважение к суду [Текст] / Б.А. Тугутов // Глаголь правосудия, 2017. – №1(13). – С. 35-39.

6. Петрова И.А. Недостатки в правовом регулировании института ответственности за неуважение к суду и пути их преодоления [Текст] / И.А. Петрова // Актуальные проблемы российского права, 2014. – №12(49). – С. 2847-2853.

7. Гешелин М.И. Вопросы техники конструирования и применения нормы об ответственности за неуважение к суду (ст. 297 УК РФ) [Текст] / М.И. Гешелин // Правовые вопросы современности: теория и практика : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 2009. – №. – С.100-103.

8. Бринев К.И. Решение проблемы оскорбления в лингвистической экспертологии [Текст] / К.И. Бринев // Вестник Челябинского государственного университета, 2009. – № 34 (172). – С. 15-20.

9. Иваненко Г.С. Еще раз о «неприличной форме выражения» [Текст] / Г.С. Иваненко // Юрислингвистика. – 2013. – № 2. – С. 92-96.

УДК 340

СПЕЦИФИКА ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ НА ОСНОВЕ ДЕЙСТВИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Олейниченко Вера Владиславовна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

E-mail: averynka@gmail.com

Аннотация: в статье автором проведен анализ правовых отношений, возникающих на основе действия чрезвычайного законодательства Донецкой Народной Республики, выявлены их особенности.

Ключевые слова: правовые отношения, чрезвычайное положение, чрезвычайная ситуация, чрезвычайно-правовые отношения.

Большинство конституций современных государств и международно-правовых актов о правах человека закрепляют неприкосновенность и абсолютный приоритет общих прав человека. Эти принципы закреплены и в ст. 3 Конституции Донецкой Народной Республики (далее по тексту – ДНР), которая определяет, что «...человек, его права и свободы являются высшей ценностью...», а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина определяют содержание и направленность деятельности государства [1]. Это свидетельствует о том, что реальное обеспечение прав и свобод граждан и безопасности личности относится к жизненно важным интересам государства.

Юридические нормы, действующие в обычных условиях, не могут быть реализованы при существовании чрезвычайной ситуации (далее по тексту – ЧС), поскольку под влиянием угрозы и поражающих факторов меняются сами общественные отношения, мотивы поведения, потребности и интересы людей, требующие качественно иного юридического регулирования. Закрепление режима чрезвычайного положения в законодательстве ДНР позволяет констатировать необходимость научного исследования специфики правовых отношений, возникающих на основе действия чрезвычайного законодательства.

Правовые отношения – «... форма, в которой абстрактная норма права приобретает свое реальное бытие, воплощаясь в реальном конкретном общественном отношении» [2, 6]. В этом смысле не является исключением и институт чрезвычайного законодательства, нормы которого также реализуются через соответствующие правовые отношения. Именно в данных отношениях проявляется, обнаруживает свою социально-политическую и правовую природу чрезвычайное законодательство, что дает возможность решить целый ряд вопросов теории и практики.

В юридической науке существует множество определений понятия «правоотношение». Так, на взгляд Н.И. Матузова, правовые отношения – это по содержанию те же общественные отношения, но их особый вид, облеченные в юридическую оболочку, получившие в результате новое качество и правовую форму [3, 472].

С.Ф. Кечекьян определял правоотношения в качестве особых идеологических отношений, возникающих в процессе правового регулирования поведения людей и представляющих собой связь прав одного лица с корреспондирующими ему обязанностями других лиц [4].

С точки зрения Ю.Г. Ткаченко, правовое отношение выступает в роли модели индивидуального поведения людей, возникающую на основе общей модели-нормы права и указывающую рамки возможного (субъективное право) и необходимого поведения (юридическая обязанность) [5, 115].

Отталкиваясь от указанных выше определений можно сформулировать следующее определение: правоотношения – урегулированные правом и находящиеся под охраной государства общественные отношения, участники которых выступают в качестве носителей взаимно корреспондирующих друг другу юридических прав и обязанностей [6].

Правовые отношения, возникающие на основе действия чрезвычайного законодательства, составляют один из важнейших элементов механизма правового регулирования общественных отношений при введении чрезвычайного (военного) положения. Являясь разновидностью правовых отношений, складывающихся в различных областях и сферах государственной жизни, они обладают всеми основными признаками, которые присущи правоотношениям в целом (двусторонняя связь, возникшая на основе норм права, имеют волевой характер, обеспечены государством). В то же время чрезвычайно-правовые отношения имеют ряд особенностей, отличаются своей спецификой, качественной неоднородностью в русле общей теории правоотношения, что может служить основой для их отграничения от других видов правоотношений.

Одной из отличительных черт чрезвычайных правоотношений является их высокая политическая и правовая значимость. Своеобразие их состоит прежде всего в том, что они определяют основные черты механизма государственного управления и опосредуют важнейшие связи личности и общества с государством в условиях чрезвычайной ситуации, а, следовательно, устанавливают гарантии защиты национально-государственной и территориальной организации государства в целом. Специфика исследуемых правоотношений выражается в своеобразии их элементов, структурной организации. Естественно, что эти особенности обусловлены особым правовым режимом, в условиях которого правоотношения возникают, изменяются и прекращаются.

Правоотношения, возникающие на основе действия норм чрезвычайного законодательства **строятся на жестких началах «власть – подчинение»**. Для этих отношений характерно отсутствие юридического равенства сторон: государственные органы, осуществляющие управление в условиях чрезвычайного положения, наделяются чрезвычайными полномочиями для принятия мер, необходимых для скорейшей нормализации обстановки. В чрезвычайных правоотношениях непосредственно выражается воля и интересы государства, иначе говоря, публично-правовой, т.е. государственный интерес. Чрезвычайно-правовые отношения прямо связаны с обеспечением экстремальных целей и задач государства.

Отличается спецификой и **характер правового воздействия на субъектный состав** чрезвычайных правоотношений, что выражается в создании «режима правовых ограничений». Причем, в чрезвычайных условиях такой вид регулирования становится преобладающим, а правовые отношения носят ограничительный характер. Данные ограничения, по обоснованному мнению А.В. Губченко, вызваны: во-первых, потребностью сохранения конституционного строя и законности в условиях социально-политической напряженности; во-вторых, необходимостью использования специальных сил, средств и методов противодействия возникшим угрозам; в-третьих, стремлением вывода страны из чрезвычайной ситуации к нормальным условиям [7, 140].

Возникновение исследуемых правоотношений может сопровождаться перераспределением полномочий республиканских органов исполнительной власти либо введением особого управления территорией, на которой действует чрезвычайное положение [8]. В частности, ст.ст. 18, 19, 21 Закона ДНР «Об особых правовых режимах» № 23 – ИНС от 24.03.2015 г. (далее по тексту – Закон ДНР № 23) предусмотрено создание следующих особых органов власти (должностных лиц): комендант территории, на которой введено чрезвычайное положение; объединенный оперативный штаб; временный специальный орган управления или республиканский орган управления территорией, на которой введено чрезвычайное положение [8]. Поскольку исследуемые правовые отношения в определенной степени нарушают нормальную деятельность системы органов государственной власти, полностью либо частично их функции и полномочия передаются временным специально созданным чрезвычайным органам.

Объектами правовых отношений, складывающихся на основе действия законодательства о чрезвычайном положении выступают главным образом высшие социальные ценности: общественный и государственный строй, конституционные основы государства и его территориальная целостность, суверенитет, государственность, демократические устои общества, жизнь и безопасность граждан, их права и свободы, законность, мир и международный порядок и другие ценности человечества, которые не могут быть принесены в жертву чьим-либо личным интересам и амбициям.

Общерегулятивный характер анализируемых правоотношений проявляется в том, что они охватывают всю систему субъектов права, так или иначе связанных с территорией действия чрезвычайных режимов. В этом качестве могут выступать государства, нации, органы государственной власти и местного самоуправления, их должностные лица, предприятия, учреждения, организации, в том числе международные, общественные движения и политические партии и, конечно, в число субъектов попадают все без исключения население (граждане, иностранные граждане и лица без гражданства) территории государства или отдельной местности, где вводится чрезвычайное (военное) положение (ст. 1 Закона ДНР № 23) [8]. Широкий круг участников правовых отношений в условиях действия особых (чрезвычайных) режимов как особой разновидности правовых отношений обусловлен всеобщностью, универсальностью предмета правового регулирования законодательства о чрезвычайных ситуациях. Множественность участников правоотношений порождает многообразие их интересов, что усугубляет социальные противоречия, которые при чрезвычайных обстоятельствах могут явиться дополнительным источником угроз безопасности. Преодоление конфликта возможно

путем определения приоритетов законных интересов участников правовых отношений, что позволит устанавливать между ними координационные и субординационные связи, сочетать их, интегрировать и разграничивать. В реальности интересы участников правоотношений противоречивы и зачастую сталкиваются, что провоцируется такими факторами, как неправильная правовая политика, политические амбиции, намеренное инициирование конфликта. Все это, конечно, самым негативным, трагическим образом сказывается на общественном развитии. И хотя баланс интересов должен определяться, исходя из приоритета прав и свобод человека и гражданина (ст. 3 Конституции ДНР), первичным при чрезвычайных обстоятельствах оказывается именно государственный (публичный) интерес, поскольку чрезвычайно-правовые отношения направлены на обеспечение таких приоритетов в государстве, как устранение угроз безопасности населения и самого государства [1]. Таким образом, **юридическое содержание** исследуемых правоотношений также имеет свою качественную специфику. С одной стороны, нарушается баланс в содержании прав и обязанностей субъектов этих правоотношений; с другой, допускается сильный крен в сторону расширения прав государства, его органов и должностных лиц и, соответственно, увеличения обязанностей граждан и юридических лиц. При чем, это нормальное, совершенно естественное положение вещей, что, собственно говоря, и характеризует введение особого правового режима. Статья 59 Конституции ДНР [1] и ст. 1 Закона ДНР N 23 [8], определяя содержание режима чрезвычайного положения, прямо называют в качестве важнейших его характеристик установление особого порядка деятельности государственных органов и ограничение прав и свобод граждан и юридических лиц, а также возложение на последних дополнительных обязанностей.

В характере правоотношений, возникающих на основе чрезвычайного законодательства, находит отражение специфика соответствующих чрезвычайных норм. Это вызвано тем, что при чрезвычайных ситуациях имеют место специфические отношения, регулирование которых осуществляется с помощью специальных исключительных правовых предписаний, действующих только в условиях чрезвычайного положения [9, 79]. Так как нормы чрезвычайного законодательства пронизывают многие отрасли права, то и правоотношения, возникающие на их основе, будут – государственно-правовыми, административно-правовыми, финансово-правовыми и т.п.

Динамика чрезвычайных правоотношений связана с **юридическими фактами**, которые как бы вводят субъективные права и юридические обязанности в действие. В зависимости от характера связи с индивидуальной волей лиц юридические факты делятся на события и действия. В сфере функционирования исследуемого вида правоотношений имеют место и те, и другие. Среди событий, которые объективно не зависят от воли и сознания людей, можно выделить стихийные бедствия, катастрофы, природные пожары, пандемии, панзоотии, повлекшие человеческие жертвы, значительные материальные потери и т.д. Следует отметить, что к числу действий, с которыми нормы чрезвычайного законодательства связывают возникновение правоотношений, относятся неправомерные действия: попытка захвата власти, массовые беспорядки, террористические акты и т.п. К числу факторов, создающих «почву» для обострения социальных проблем и противоречий, можно отнести: социально-экономический кризис, финансовую нестабильность, люмпенизацию значительной части населения, криминализацию общества, усиление влияния политической оппозиции, политической борьбы за власть и, как следствие, бездействие власти. При этом обязательным условием, вызывающим соответствующие правоотношения, является издание специального правового акта – Указа Главы ДНР: «Особые правовые режимы в Донецкой Народной Республике могут вводиться исключительно на основании, предусмотренных настоящим Законом, и только указами Главы Донецкой Народной Республики» (п.1 ст. 3 Закона ДНР № 23) [8].

Другими словами, **чрезвычайно-правовые отношения не могут автоматически появиться и затем функционировать без волеизъявления, выраженного в определенной форме.**

Чрезвычайные правоотношения имеют и свою специфику действия во времени. Статьей 12 Закона ДНР № 23 срок действия чрезвычайного положения ограничен 30 сутками (для введенного на всей территории) и 60 сутками (введенного в отдельных местностях). При этом продление срока действия чрезвычайного положения может быть многократным, но общая продолжительность его действия не должна превышать на всей территории ДНР шесть месяцев, а на части ее территории – девять месяцев (п.3 ст. 12 Закона ДНР № 23) [8]. Таким образом, они не носят длящийся характер. По мере нормализации кризисной ситуации и отмены особого правового режима, данные отношения прекращают свое существование. Следовательно, чрезвычайные правовые отношения отличаются краткосрочностью.

Особенности исследуемых правоотношений проявляются также и по территории их действия – как вся территория Республики, так и отдельные ее местности. Критерием определения территории, на которой будет введено чрезвычайное положение, является территориальная распространённость воздействия негативного фактора.

Необходимо отметить двойственную природу правовых отношений, складывающихся на основе норм чрезвычайного законодательства. С одной стороны, они – регулятивные, поскольку являются результатом осуществления регулятивных юридических норм, связанных с установлением правил поведения, прав и обязанностей граждан, организаций, государственных органов на период объявления чрезвычайного (военного) положения. В то же время, с учетом и функционального назначения, такие правоотношения могут быть охарактеризованы и как охранительные. В этом плане они выступают своеобразными, исходящими от государства, правовыми мерами регулирования поведения субъектов в кризисной ситуации, когда нормальная реализация субъективных прав и юридических обязанностей нарушена, когда возникли сбои в механизме правового регулирования и требуется восстановление прав и свобод, устранение препятствий в их реализации, защита охраняемых законом интересов участников общественной жизни, вовлеченных в события чрезвычайного характера.

Исследование особенностей правовых отношений в условиях особых (чрезвычайных) режимов в современных условиях представляет повышенное значение. Социальные, экономические, территориальные, религиозные, национально-этнические и другие противоречия, стремление государственной власти к их разрешению с помощью чрезвычайных средств и методов правового регулирования актуализирует эту проблематику. Государство, понимая серьезность существующих угроз безопасности личности, общества, государства, придает общественным отношениям в условиях острой кризисной ситуации правовую форму. Чрезвычайная ситуация прерывает нормальное течение во всех сферах общественной жизни; в общественных отношениях появляется крайняя напряженность. Глобальные чрезвычайные ситуации ставят проблему обеспечения целостности социума, защиты от угроз безопасности граждан и государства. Их решение вызывает необходимость правовой организации государственного управления в чрезвычайных ситуациях, создания эффективной системы государственного и общественного контроля за реализацией чрезвычайных властных полномочий и гарантий прав и свобод граждан, исследования механизма действия права при чрезвычайных ситуациях в целом.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 г. Постановление № 1-1 (с учетом изменений, внесенных Законами ДНР [от 27.02.2015 года № 17-ІНС](#), [от 29.06.2015 года № 63-ІНС](#), [от 11.09.2015 года № 92-ІНС](#), [от 29.12.2017 года](#)

[№ 205-ИНС](https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/)) [Электронный ресурс] / [режим доступа] <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/> (дата обращения: 30.03.2018)

2. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. – Москва: Юрид. лит., 1974. – 348 с.

3. Теория государства и права: учебник / Под. ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – Москва: Юристъ, 2004. – 512 с.

4. Кечекьян С.Ф. К вопросу о социалистических правоотношениях // Советское государство и право. – 1956. – № 3. [Электронный ресурс] / [режим доступа] <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1128521> (дата обращения: 02.04.2018)

5. Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений / Ю.Г. Ткаченко. – Москва: Наука, 1980. – 239 с.

6. Фомин А.А. Чрезвычайное законодательство в Российском государстве (теоретико-правовое исследование) . – Автореф. дисс.... канд. юрид. наук. – Саратов, 2001. [Электронный ресурс] / [режим доступа] <http://www.disscat.com/content/chrezvychainoe-zakonodatelstvo-v-rossiiskom-gosudarstve-teoretiko-pravovoe-issledovanie> (дата обращения: 02.04.2018)

7. Губченко А.В. Глобальная безопасность и политическая стратегия современного государства: монография / А. В. Губченко. - Москва: Печ. салон "Граница", 2006. - 167 с.

8. Закон Донецкой Народной Республики «Об особых правовых режимах» № 23 – ИНС от 24.03.2015 г. [Электронный ресурс] / [режим доступа] <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-osobyh-pravovyh-rezhimah/> (дата обращения: 02.04.2018)

9. Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права / И.Н. Сенякин. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1987. – 224 с.

УДК 343.4

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Подлесная Наталия Владимировна

Студентка 2 курса, ОУ «Магистр»

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

E-mail: nnpodlesnaia@gmail.com

Аннотация: Осуществляется уголовно-правовой анализ признаков объективной и субъективной стороны уголовно наказуемого нарушения неприкосновенности частной жизни по действующему уголовному праву России.

Ключевые слова: объективная сторона преступления, субъективная сторона преступления, неприкосновенность частной жизни, уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни.

На сегодняшний день вопрос нарушения неприкосновенности частной жизни остро стоит перед обществом и государством, что связано с развитием социальных, экономических и политических отношений, а также с внедрением во все сферы жизнедеятельности людей информационно-телекоммуникационных систем. Так, нарушение неприкосновенности частной жизни относится к преступлениям, посягающим на конституционные права и свободы человека и гражданина.

Теоретические аспекты уголовно-правовой охраны частной жизни рассматривались в работах Хазиева Р.М., Булыгина Е.В., Рожнова А.А., Нуркаева Т.Н. и др.

Таким образом, под непосредственным объектом следует понимать право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени; право на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица лишь с его согласия [1, с.143]. Что касается исследования субъективных признаков преступления, оно будет считаться неполным без рассмотрения вопросов относительно субъекта нарушения неприкосновенности частной жизни. О субъекте преступления, научные знания эволюционировали от признания субъектом людей, животных и неодушевленных предметов к констатации рассмотрения под данной категорией исключительно людей, как физических вменяемых лиц. Однако, устоявшейся теоретической модели рассматриваемых понятий учеными не разработано [2, с. 12].

Под «частной жизнью» следует понимать ту область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства (в случаях, если она не носит противоправный характер).

По содержанию права на неприкосновенность частной жизни в специальной литературе существует несколько позиций. По мнению Л.И. Котиевой, право на частную жизнь состоит из: 1) гарантированной государством возможности человека общаться с другими людьми без вмешательства государства и общества; 2) управлять информацией о себе самом; 3) препятствовать распространению сведений интимного характера.

В свою очередь, С.Н. Мамедов пришел к выводу, что понятие «неприкосновенность частной жизни» достаточно широкое и включает в себя «неприкосновенность личной жизни» и «неприкосновенность семейной жизни». Соответственно, неприкосновенность частной жизни охватывает как неприкосновенность личной жизни, так и неприкосновенность всего, что касается семьи как социального института.

Неординарностью в определении содержания права на неприкосновенность частной жизни отмечается позиция Э.А. Цадыковой, определяющая двухаспектный подход к рассмотрению права на неприкосновенность частной жизни: в качестве самостоятельного субъективного права и в качестве комплекса его содержательных компонентов (право на неприкосновенность личной и семейной тайны, жилища, на тайну телефонных и других разговоров, переписки, сообщений, носящих личный характер, на тайну информации о приватной жизни лица).

Исходя из вышеизложенного следует отметить, что возведение неприкосновенности частной жизни к определенному набору тайн приводит к необоснованному сужению содержания данного права. К тому же, недостаточно корректным представляется отождествление права на неприкосновенность частной жизни с набором других конституционных прав человека, которыми являются право на тайну жилища, коммуникаций. Для этого в конституциях и международно-правовых актах эти права закреплены в различных статьях: они смежны с правом на неприкосновенность частной жизни, но выходят за рамки последнего. Например, право на тайну коммуникаций охватывает коммуникации любого содержания, а не только частного, а право на неприкосновенность жилища направлено на защиту не только частной сферы, но и имущественных прав личности. В свою очередь профессиональные тайны защищают не только сведения о лице (персональные данные), но и любую информацию, полученную при выполнении соответствующих профессиональных обязанностей. Поэтому указанные права следует рассматривать как смежные по содержанию, но не «поглощающие» друг друга.

Раскрывая содержание права на неприкосновенность частной жизни, нужно учитывать, что объект данного права включает в себя несколько сфер (аспектов), в которых лицо находится в разных состояниях приватности имеющей определенные измерения. Так, можно выделить следующие правомочия и их классификацию:

1. По аспектам частной жизни: право на физическую (телесную, тактильную) приватность; право на фонетическую (звуковую) приватность; право на визуальную (зрительную) приватность; право на одорологическую (запаховую) приватность; право на географическую (дислокационную) приватность; право на информационную приватность (в том числе на тайну личной и семейной жизни).

2. По состояниям приватности: право на личную автономию (уединение); на защищенное и ограниченное общение (интимность); быть неузнанным (анонимность); на эмоциональное высвобождение (несдержанность); на регулятивно-волевую автономию (автономность); на тайну частной жизни.

3. По измерениям: право на пространственную приватность (собственное физическое пространство); право на временную приватность (время для личной жизни).

Объективная сторона преступления против неприкосновенности частной жизни характеризуется незаконным сбором и распространением конфиденциальной информации о лице, что обуславливает необходимость определения содержания данных понятий. Это преступление может быть совершено путем физических и информационных действий или их сочетанием. Информационные действия заключаются в передаче информации другим лицам в словесной (вербальной) форме, или в совершении любых других действий, несущих информацию (например, конклюдентных действий, смысловых жестах, выразительных движениях (мимике), включая современные средства связи.

Под незаконным сбором конфиденциальной информации о лице понимают получение неуполномоченным на это субъектом, любым противоправным способом, информации о частной жизни другого лица, содержащей его личную и семейную тайну.

Опираясь на содержательный и этимологический анализ понятия «тайна», следует сделать вывод, что в общем виде понятием «тайна» охватывается все то, что лицо желает скрыть от других, что не подлежит огласке, секрет. В уголовно-правовой литературе господствует мнение, что предметом тайны выступает информация, доступ к которой запрещен, разглашение которой может нанести ущерб интересам государства, общества и личности.

Юридически значимые признаки тайны личного характера исследованы Ю.А. Говенко и по сути они сводятся к признакам тайны в целом, однако, эти сведения носят исключительно частный характер и законодательство предоставляет частным лицам право самостоятельно определять и защищать секретность такой информации.

При этом в определенных случаях, личные тайны могут стать и профессиональными тайнами, на что указывают некоторые исследователи. Именно поэтому необходимо отметить, что некоторые из указанных тайн личного характера (доверенные представителям определенной профессии) включены в УК РФ как предмет других преступлений.

Распространение конфиденциальной информации о лице – это совершение в любой форме действий, которые заключаются в передаче содержания конфиденциальной информации о лице хотя бы одному постороннему лицу, не имеющему права на ознакомление с такой информацией, как вместе с носителем информации, так и без него, а также путем предоставления такому лицу доступа к носителю или сообщение сведений, закрепленных на носителе, в результате чего эта информация адекватно воспринимается посторонним лицом. Распространение такой информации является окончанным с момента его восприятия лицом, не имеющим права на ознакомление с ней. Следует также согласиться с мнением, что условия передачи информации могут быть различными (продажа, обмен, дарение, платное или бесплатное временное пользование), так же, как и способы передачи.

С точки зрения объективной стороны состав данного преступления кроме деяния характеризуется преступным последствием:

- 1) вред здоровью несовершеннолетнего;
- 2) психическое расстройство несовершеннолетнего;

3) или иные тяжкие последствия.

Обязательным признаком объективной стороны является причинная связь между распространением соответствующих сведений о несовершеннолетнем и наступлением одного из указанных последствий [3, с. 244]

В свою очередь, субъектом преступления может быть только физическое лицо (человек), как социальное существо. Под физическим лицом следует понимать отдельного, индивидуально-определенного человека, наделенного исключительными признаками, обладающего сознанием и возможностью контролировать свои поступки. Соответственно, не может быть признано субъектом преступления кто-либо или что-либо, не наделенное признаками человека, а именно – объекты неживого и живого происхождения.

В научной литературе также существует мнение, что нарушение неприкосновенности частной жизни опасно само по себе независимо от мотивов, побудивших субъекта совершить преступление и цели, которую он стремился достичь [4, с. 137]. Кроме этого, российские ученые обосновывают мнение о том, что предвидение мотива как обязательного признака аналогичного преступления, не целесообразно, поскольку неоправданно ограничивает возможность применения аналогичной нормы [5, с. 201-202]. Несмотря на распространенность случаев сбора, хранения или сбыта конфиденциальной информации о лице по другим личным интересам, устанавливать мотив и цель как обязательные признаки в составах преступлений против приватности не стоит, поскольку это значительно усложнит доказывание преступления в суде. Помимо этого, общественная опасность преступлений против приватности заключается во вреде, который наступает за сам факт вмешательства в частную жизнь, а не о том, какими мотивами при этом руководствовался субъект преступления.

Зарубежное уголовное законодательство отмечает, что многие государства не связывают ответственность за посягательство на неприкосновенность частной жизни с мотивами действий субъекта (например, об этом свидетельствует анализ уголовного законодательства Республики Болгария, Латвийской, Эстонской Республики, ФРГ, Испании, Швейцарии). Так, в основу определения правомерности действий с конфиденциальной информацией о личности положен не субъективный критерий мотива и цели такого деяния, а объективный критерий общественного интереса, который, в конечном счете, достигается или не достигается сбором, распространением и другими действиями относительно конфиденциальной информации о лице.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что представляется абсолютно правильным не связывать уголовную ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни в основном и квалификации данного деяния с личными мотивами.

Таки образом, с точки зрения объективной стороны уголовно-наказуемое нарушение неприкосновенности частной жизни законодатель связывает с осуществлением разных деяний: активных и пассивных, информационных и физических, предметных и беспредметных, характеризующихся определенным способом или причиняющих определенный вред. Это является, следствием дифференциации уголовной ответственности за многообразные посягательства на неприкосновенность частной жизни ее обладателей. Также констатируем, что нарушение неприкосновенности частной жизни может быть совершено только умышленно. Мотив и цель выступают факультативными признаками данного преступления, которые на квалификацию не влияют, однако, обязательно должны быть установлены, тщательно исследованы и доказаны. Это в свою очередь, позволит дать правильную оценку совершенному деянию. Исследование мотивов нарушения неприкосновенности частной жизни свидетельствует, что чаще всего это преступление совершается по двум альтернативным мотивам, которыми являются корыстные мотивы и другие личные интересы.

Также, при нарушениях неприкосновенности частной жизни, субъект должен осознавать: 1) общественную опасность деяния относительно охраняемых ценностей, то есть правоотношений, складывающихся в процессе реализации человеком своего права на неприкосновенность частной жизни и направленных на охрану и обеспечение конституционного права на личную и семейную тайну, включая специфику предмета преступления и потерпевшего и обязательные признаки объективной стороны; 2) противоправность своих действий в общих чертах без осознания квалификации, вида и размера наказания за их совершение. Представляется, что этот вывод относительно осознания субъектом противоправности своих действий имеет важное значение для применения ст. 137 УК.

Список литературы:

1. Хазиев Р.М. Частная жизнь и ее неприкосновенность как многоаспектный феномен // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 10 (65). – С. 142-144.
2. Булыгина Е.В. Взаимосвязь элементов состава преступления // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2017. – № 14 (14). – С. 11-14.
3. Абдулгазиев Р.З., Аршинов А.С. О некоторых уголовно-правовых аспектах объективной стороны преступлений, посягающих на неприкосновенность частной жизни / Р.З. Абдулгазиев, А.С. Аршинов // Актуальные проблемы современной науки: IV международная научно-практическая конференция (Алушта, 27-30 апреля 2015 года). – Ставрополь: НОУ ВПО «СевКавГТИ», 2015. – Выпуск 4. – Т. 3. – 244 с.
4. Рожнов А.А. Профессиональная тайна в уголовном праве России: История и современность. – Ульяновск: УпГУ, 2002. – 170 с.
5. Нуркаева Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами: вопросы теории и практики. – СПб: Изд. Юридический центр Пресс, 2003. – 254 с.

УДК 340

ПОНЯТИЕ «РУССКОГО МИРА» В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Свириденко Андрей Александрович

Студент 1 курса Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко

Бабичева Наталья Александровна

старший преподаватель кафедры теории и истории государства Луганской академии

внутренних дел имени Э.А. Дидоренко

E-mail: andreya013@yandex.ua

Аннотация: В данной работе рассматриваются вопросы, связанные с развитием концепции «Русского мира» и место народов Донбасса в ней. А также затрагиваются вопросы правосубъектности молодой Луганской Народной Республики. Однако, не смотря на неоднозначность признанности ЛНР в мировом сообществе, автор приходит к мнению, что у Республики есть будущее, т.к. предпринимается множество различных шагов и мероприятий – проведение конференций, круглых столов, форумов, выставок достижений народного хозяйства, в которых принимают участия иностранные инвесторы, наши спортсмены участвуют на международных соревнованиях. Также автор приходит к мысли, что «Русский мир» - это цивилизация, и как цивилизация он шире этносов, наций, территорий, религий, политических систем или идеологий.

Ключевые слова: «Русский мир», Донбасс, референдум, ЛНР, ДНР.

В последнее время понятие «Русский мир» все чаще используется в литературных источниках, становится предметом дискуссий на научных и политических площадках. Движущей силой продвижения концепции «Русского мира» стало выступление президента Российской Федерации Владимира Путина в послании Федеральному Собранию еще в 2007 году. «Русский мир – это Россия плюс русское зарубежье, все те, кто ментально осознает свою вовлеченность в Русский мир. И в этом смысле принадлежность к нему – это самоощущение. Русский мир – это люди, которые ощущают себя к нему принадлежащими»[1, с. 4].

Для жителей Донбасса понятие «Русский мир» это не просто словосочетание. Это способ выразить свое мироощущение, свою этнокультурную идентичность, ведь исторически территория Донбасса всегда была частью России и в своем большинстве была заселена русскими людьми и иностранцами русской службы.

В 2014 году, после вооруженного переворота и неправомерной смены власти в Киеве, жители Луганского и Донецкого регионов закономерно не смирились с утвержденными «Парламентом» Украины запретами русского языка и навязыванием идеалов, противоречащих мироощущениям населения живущего по принципам «Русского мира». Именно с этих событий и начинается становление государственности молодых Луганской и Донецкой Народных Республик. И именно рассмотрение исторических этапов становления новых государств является актуальной проблемой в настоящее время.

Безусловно, основополагающим в становлении Республики стал референдум о самоопределении, состоявшийся 11 мая 2014 года. По итогам которого, 96,2% населения высказалось за независимость региона и создание Луганской Народной Республики.

Необходимо отметить, что в референдуме принимало участие население всей бывшей Луганской области, и соответственно Луганская Народная Республика провозглашалась в пределах всей области. Но из-за непрекращающихся военных действий государственные органы власти Республики осуществляют свои полномочия не на всей объявленной территории ЛНР. Поэтому необходимо отстаивать территориальную целостность, что является приоритетным в государственном строительстве. С этой целью 7 октября 2014 года Указом Главы ЛНР № 15 Армия Юго-Востока была преобразована в Народную милицию Луганской Народной Республики[2]. Благодаря профессионализму и хорошей боевой подготовке Народная милиция ЛНР смогла вернуть Чернухино, а также принимала активное участие в боях за освобождение важного стратегического пункта ДНР – Дебальцево. По этому поводу и.о. министра иностранных дел Луганской Народной Республики Дейнего Владислав Николаевич высказался: «Это город, который находится на стыке республик и символизирует их единство, но еще более символично то, что камнем преткновения для подписания комплекса мер по выполнению Минских соглашений, был именно вопрос Дебальцево. И на мой взгляд, нам удалось отстоять позицию»[3].

На данный момент так же остро стоит вопрос о признании Луганской Народной Республики мировым сообществом. Еще 11 июня 2014 года Республика обратилась к Российской Федерации, а также к 14 другим государствам, с просьбой о признании её независимости. Сегодня независимость Луганской Народной Республики признали Донецкая Народная Республика и частично признанное государство Южная Осетия. К сожалению, Республика пока не получила признания со стороны хотя бы одного государства-члена ООН, что является безусловным препятствием на пути установления дипломатических отношений нашего государства с остальным мировым сообществом. Тем не менее, предпринимаются множество различных шагов и мероприятий – проведение конференций, круглых столов, форумов, выставок достижений народного хозяйства, в которых принимают участия иностранные инвесторы, наши спортсмены

участвуют на международных соревнованиях – все это явно показывает, что у Республики есть будущее.

Стоит так же отметить, что значимым в процессе становления государственности стал указ президента Российской Федерации Владимира Путина «О признании в Российской Федерации документов и регистрационных знаков транспортных средств, выданных гражданам Украины и лицам без гражданства, постоянно проживающим на территориях отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины»[4]. Данный Указ преследует цели защиты прав и свобод человека и гражданина, опирается на общепризнанные принципы и нормы международного гуманитарного права. При этом он имеет огромное политическое значение, отражающееся на моральном укреплении духа жителей Луганской Народной Республики.

Невозможно не затронуть проблему формирования органов государственной власти. Так первые выборы депутатов Республиканского собрания ЛНР прошли 18 мая 2014 года, в которых приняли участие большинство жителей Луганщины. Того же 18 мая 2014 года был принят «Временный Основной Закон (Конституция) Луганской Народной Республики». Следующим этапом на пути формирования государственности стали всеобщие выборы парламента и главы Республики, прошедшие 2 ноября 2014 года. Явка составила 99,9% населения.

Окончательно все ветви власти были сформированы после принятия закона о судебной системе от 15 мая 2015 года. И, следовательно, можно говорить о том, что государственность молодой Республики сложилась.

На сегодняшний день в основу формирования государства в Луганской Народной Республике заложены различные государственно-правовые явления и ценности – человек, его права и свободы; господство права; верховенство закона; демократия; разделение государственной власти на законодательную, исполнительную, судебную. Луганская Народная Республика выстраивает такие взаимоотношения со своими гражданами, при которых республика, её учреждения и должностные лица служат всему обществу, а не отдельной его части. Республика ответственна перед человеком и гражданином, рассматривает человека, его жизнь и здоровье, личную неприкосновенность и безопасность, честь и достоинство как высшую ценность, а также главной обязанностью государственной власти является признание, соблюдение и защита прав и свобод, чести и достоинства человека и гражданина. А граждане в свою очередь несут ответственность перед республикой и обеспечивают защиту её интересов. В ЛНР обеспечивается реализация возможности в рамках закона отстаивать и пропагандировать свои взгляды и убеждения. Все явления и ценности нашли свое закрепление во Временном Основном Законе (Конституции) ЛНР от 18 мая 2014 года[5].

Возможно, ли считать Луганскую Народную Республику правовым государством? Для того чтобы ответить на этот вопрос необходимо определить какое государство может считаться правовым.

Современные исследователи теории государства и права по-разному трактуют понятие правового государства, акцентируют внимание на разных его аспектах. А. В. Малько утверждает, что можно выделить два главных элемента в идее правового государства:

- 1) наиболее полное обеспечение прав человека;
- 2) ограничение правом государственной власти.

Следуя данной мысли, он дает следующее понятие правового государства: «Правовое государство это организация политической власти, создающая условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также для наиболее последовательного связывания с помощью права государственной власти в целях недопущения злоупотреблений»[6].

Л. И. Спиридонов полагал, что правом государством нужно считать государство, которое будет поставлено «под контроль права».[7, с. 122]

В. В. Лазарев считает, что «главным пунктом в содержании теории правового государства является идея народного суверенитета».

Г. Г. Манов рассматривает правовое государство как «политическую ценность гражданского общества», подчеркивая, что взаимодействия гражданского общества и правового государства «принципиально складываются по правилам соотношения формы и содержания»[8].

А.В. Корнеев и В.В. Лазарев полагают, что главным пунктом в содержании «теории правового государства» является идея народного суверенитета[9].

Но основная мысль всех идей ученых сводится к следующему: Правовое государство - это такая форма организации и деятельности государственной власти, создающая условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, и наиболее последовательного связывания с помощью права государственной власти в целях недопущения злоупотреблений[10, с. 137]. При этом право играет приоритетную роль лишь тогда, когда оно выступает мерой свободы для абсолютно каждого гражданина государства, если действующие законы посвящены служению народу, а их реализация является воплощением справедливости.

Правовое государство основывается на верховенстве закона, а это означает, что ни один гражданин не освобождается от обязанностей соблюдать закон. Из этого следует важнейшее положение, согласно которому именно народ является источником власти и носителем суверенитета, делегирующий часть своих полномочий государству. Следовательно, государственная власть, помимо всего прочего, должна быть легитимной, признаваться обществом справедливой, в силу определенных причин «имеющей право» властвовать, а законы должны соответствовать праву, а деятельность государства должна осуществляться в соответствии с законом[11].

Следовательно, правовым государством является то суверенное государство, которое концентрирует в себе суверенитет народа, наций и народностей, населяющих страну. Лишь то государство способно обеспечить свободу государственных отношений, которое осуществляет верховенство, всеобщность, полноту и исключительность власти. Принуждение в правовом государстве осуществляется на основе права, исключает беззаконие и произвол, так как ограничено правом. Когда нарушается суверенитет государства и интересы его граждан, то государство применяет силу в правовых рамках. Если поведение отдельного человека угрожает свободе других людей, то свобода данного человека будет ограничена правом.

Правовое государство – это организация политической власти, создающая условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также для наиболее последовательного связывания с помощью права государственной власти в целях недопущения злоупотреблений[12].

Сопоставим следующие признаки правового государства и Луганскую Народную Республику:

1. Если говорить о соответствии национального законодательства ЛНР международным нормам и принципам, то конституционное законодательство Луганской Народной Республики базируется на основополагающих международных документах в этой сфере. А именно: Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.

2. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Данный признак закреплен в ст. 3 Временного Основного Закона (Конституции) ЛНР[5]: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». В то же время в Конституции в качестве обязанностей государства устанавливается признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина.

3. Верховенство закона, верховенство и прямое действие Конституции. В ЛНР Конституция имеет высшую юридическую силу, и все законы и другие нормативные акты соответствуют ей.

4. В ЛНР государство подчиняется праву, т.е. деятельность государственных органов и должностных лиц ограничивается правом.

5. Единство обязанностей и прав личности, взаимная ответственность государства и личности. На основе взаимных прав и обязанностей строятся взаимоотношения государства и личности. Способом ограничения политической власти является взаимная ответственность личности и государства. В статье 3 Конституции ЛНР было не только установлено, что человек, «его права и свободы являются высшей ценностью», но и что государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина.

6. В ЛНР действует принцип разграничения сфер деятельности государства. Власть разделена на законодательную (Народный Совет), исполнительную (Совет Министров и Глава ЛНР) и судебную (Судебная система ЛНР). Каждая из этих ветвей является сдерживающей для другой, при этом оставаясь самостоятельной. Система сдержек и противовесов, представляет собой совокупность ограничений в соответствии с правом в отношении конкретной ветви государственной власти - законодательной, судебной, исполнительной.

В ЛНР идеи прав и свобод человека являются ключевыми в конституционном и текущем законодательстве во Временном Основном Законе (Конституции) Луганской Народной Республики, законодатель закрепил многие нормы, гарантирующие права человека. Однако хотелось бы обратить внимание на то, что на данный момент существуют некоторые проблемы в механизме их реализации. На наш взгляд, исключительно важно наладить механизм защиты прав и свобод человека. А именно, создать национальные, демократические институты по правам человека:

1. Ускорить налаживание работы Верховного Суда, а именно конституционного судопроизводства;
2. Назначить уполномоченного по правам человека (Омбудсмана);
3. Сформировать Национальный центр Республики по правам человека;
4. Создать Институт мониторинга действующего законодательства при Главе Луганской Народной Республике.

В теории государства и права конституционный контроль рассматривается как самостоятельная гарантия правовой защиты, хотя и производная в своем генетическом аспекте от гарантий судебного контроля. Сказанное обусловлено как утверждением конституционного судопроизводства в качестве самостоятельного вида судопроизводства, так и его спецификой[13, с.34]. Особое значение для юридического обеспечения реализации конституционных прав и свобод граждан имеет рассмотрение Верховным Судом ЛНР индивидуальных и коллективных жалоб.

Основная цель деятельности института уполномоченного по правам человека - содействие реализации прав и свобод человека и гражданина в ЛНР. Задачи, решаемые на пути к этой цели - восстанавливающая нарушенные права и свободы, посредническая, правотворческая, информационно-воспитательная.

В этом вопросе, на наш взгляд, следует обратиться к мировому опыту, реализации этого института в РФ, а именно статьи 1 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»[14].

Значимость этого института создания можно определить посредством тех основных задач, которые будут отнесены к его компетенции. В этом вопросе, целесообразным кажется, обратиться к опыту Республики Узбекистан, а именно Указ Президента Республики Узбекистан И. Камиров от 31 октября 1996 г., № УП-1611[15], в котором компетенция данного органа сводится к следующему: разработка национального плана действий, а

также стратегии реализации положений Конституции, законов и общепризнанных норм международного права в области прав человека; развитие сотрудничества Республики с международными и национальными организациями в области прав человека; осуществление консультативных функций органам государственной власти и управления, а также общественным объединениям по правам человека; создание информационной базы данных по осуществлению и развитию прав человека в; подготовку рекомендаций государственным органам по совершенствованию их деятельности в области соблюдения и защиты прав человека.

Все выше изложенные задачи, которые могут быть, отнесены к компетенции Национального центра ЛНР по правам человека свидетельствуют о важности создания такого института для обеспечения прав и свобод человека и гражданина на территории ЛНР.

Институт мониторинга действующего законодательства при Главе Луганской Народной Республике, на наш взгляд, может представлять из себя научно-исследовательское экспертное учреждение, на которое будет возложено проведение экспертиз проектов законов на всех стадиях законотворческого процесса и подготавливает оценки, заключения по законопроектам; осуществление мониторинга исполнения действующего законодательства.

Институт мониторинга действующего законодательства при Главе Луганской Народной Республике может способствовать эффективности законотворческой деятельности, изучение соответствия законодательства Республики общепризнанным международным нормам и стандартам, выработка предложений по их имплементации в национальное законодательство, что в свою очередь будет способствовать содействию реализации прав и свобод человека и гражданина в ЛНР.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному можно определить, что «Русский мир» - это цивилизация, и как цивилизация он шире этносов, наций, территорий, религий, политических систем или идеологий. Приоритетом ЛНР являться уважение и защита прав и свобод человека и гражданина. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина на данный момент является важнейшей обязанностью в молодом государстве. Эта обязанность реализована, т.к. в ЛНР утвердилось понимание необходимости соблюдения и исполнения Временного Основного Закона (Конституции) ЛНР и иных нормативных правовых актов, после того как в Украине был поправлен конституционный порядок.

Выступая 16 марта 2017 года на торжественном собрании, посвященного Дню Общекрымского референдума, Плотницкий Игорь Венедиктович отметил следующее: «Была территория – стало государство. Были люди – стал народ. В результате всех испытаний мы поняли: время разбрасываться землями и людьми закончилось. Настало время собирать камни и строить справедливый и несокрушимый Русский мир»[16]. Безусловно, Луганская Народная Республика проходит сложный путь становления своей государственности, но, несмотря на все трудности, на политической карте мира появилось новое государство и оно является неотъемлемой частичкой великого Русского мира.

Список литературы:

1. Смыслы и ценности Русского мира. Сборник статей и материалов круглых столов, организованных фондом «Русский мир» // под редакцией Вячеслава Никонова. - 2010. – С.112. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://russkiymir.ru/events/docs/Смыслы%20и%20ценности%20Русского%20мира%202010.pdf>.
2. Народная милиция ЛНР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Народная_милиция_ЛНР.
3. О роли Дебальцево в становлении государственности Республик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=5o5i0A_iYLM.

4. Указ президента России о признании документов ДНР и ЛНР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politikus.ru/v-rossii/90881-vladimir-putin-podpisal-ukaz-o-priznanii-rossiye-dokumentov-dnr-i-lnr.html> (дата обращения: 15.09.2017).
5. Временный Основной Закон (Конституция) ЛНР от 18 мая 2014 года № 1-I // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/konstitutsiya>.
6. История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов в 2 ч. Ч.1 / Под ред. О.А. Жидкова и Н.А. Крашенинниковой. – М.: НОРМА, 2002. – 624 с.
7. Спиридонов Л.И. Теория государства и права (конспект курса). СПб., 1994. – 180 с.
8. Теория государства и права/ Под.ред. Г.Н. Манова. М. 1995. – 242с.
9. Общая теория государства и права/ Под.ред. Лазарева. М. 2000. – 424с.
10. Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. – М.: Юристъ, 2000. – 512с.
11. Коваленко А.И. Правовое государство: концепции и реальность. М., 1993. – 280 с.
12. Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова и А.В Малько. М.: Юристъ, 2004. С. 254
13. Комаров С.А. Общая теория государства и права. СПб., 2013. – 520с.
14. Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 N 1-ФКЗ (ред. от 31.01.2016) "Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13440/
15. Указ Президента Республики Узбекистан от 31 октября 1996 г., № УП-1611 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=177813
16. Игорь Плотницкий: Настало время строить справедливый и несокрушимый Русский мир. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://miaistok.su/igor-plotnitskij-nastalo-vremya-stroit-spravedlivyj-i-nesokrushimyj-russkij-mir/>

УДК 130.2: 32(091)

К ВОПРОСУ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КОНЦЕПТА «РЕВОЛЮЦИЯ»

Северилова Полина Вячеславовна

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии
ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры», г.
Донецк

E-mail: p.v.severilova@donnasa.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы происхождения понятия «революция». Автор предлагает обоснование данного концепта как одного из ключевых концептов политической истории и формы выражения «духа времени» культуры эпохи Модерна.

Ключевые слова: революция, политическая идеология, культурный концепт, Новое время.

Всё новое, являющееся в мире людей, нуждается в новом слове, создано ли оно заново, чтобы отвечать новому опыту, или старому слову придано совершенно новое значение.

(Ханна Арент «О революции» [1])

Возможности применения понятия «революция» сегодня столь широки, что трудно найти в современной культуре сферу, где бы оно не использовалось. Говорят и пишут о социальных революциях, об идеологических революциях и революциях сознания, о революциях в науке и культурных революциях, о технологических революциях и революциях экономических, в том числе, «революциях продукта», революциях в медицине и моде, вплоть до «революции исподнего», о сексуальной революции и революции гендера, и даже «революции» как компьютерной игре, у которой более чем двадцать миллионов скачиваний... Тем самым, сфера его употребления сегодня не имеет четких границ и выходит далеко за рамки только политики. Очевидно, «революция» – это и политический концепт, и идеологема, неотъемлемая составляющая словаря современной цивилизации, выражающая смысл ее целеполагания и мыследеятельности. Этот факт и определяет интерес к изучению феномена концептуализации «революции» в современной социальной философии, философии политики, философии права, психологии, представленный работами Х. Арент, Г. Лебона, К. Поппера, П. Сорокина, Ч. Тилли, С. Хантингтона и многих других авторов.

Цель настоящей статьи – исследование проблемы генезиса и становления «революции» как ключевого концепта политической истории и культуры эпохи Модерна.

История слова «революция» в России начинается в XVIII в., хотя в русском языке существовало и исконное понятие с подобным значением. Речь идет о слове «переворот». Сегодня оба понятия (*переворот* и *революция*) либо отождествляются, либо противопоставляются, в том числе, когда применяются к анализу событий «русской революции» 1917 года. В XVIII в., под влиянием французского термина, русское «переворот» семантически сближается с французским, и, наряду с прямым, приобретает переносное значение: «нечаянная и сильная перемена дел и обстоятельств» [2, 207]. Макс Фасмер прямо указывает на путь, которым это слово приходит в русский язык, отмечая, что *революция* приходит из польского и означает «переворот» [3, 456]. И в Словаре В.И. Даля первое значение определяется как «переворот», «внезапная перемена состоянья, порядка, отношений; смута или тревога, беспокойство» и далее: «революция в погоде, в пищеварении, в общественном мнении...», сам характер переворота определяется как насильственный: это «смуты государственные, восстание, возмущенье, мятеж, крамолы и насильственный переворот гражданского быта» [4]. Согласно Словарю Брокгауза и Эфрона, «революция» – это «полный и притом если не внезапный, то, по крайней мере, весьма быстрый переворот во всем государственном и общественном строе страны, обыкновенно сопровождаемый вооруженной борьбой» [5]. При этом, в статье указывается, что в языке политики и истории это слово приняло «совершенно иной смысл» [5]. О каком смысле идет речь, станет понятно, если мы рассмотрим подробнее происхождение этого понятия и его судьбу в истории.

Следует начать с того, что слово «революция» происходит от лат. *révolution*, лат. — *revolutio* (из лат. *revolvere*, *revolutum* — «возвращаться назад»). Первоначально этот астрономический термин был связан с обозначением вращений небесных тел вокруг своей оси или вокруг других тел [2]. В средневековой и новоевропейской науке *révolution* употребляется в значении – «движение», «обращение», «круговращение», и потому, например, логично название работы Н. Коперника «Об обращении небесных тел» на латыни звучало, как: «De revolutionibus orbium caelestium» [5].

Кроме пространственных значений (перемещения в пространстве), этот термин мог указывать и на временные изменения и константы: на «само время, в течение которого небесное тело свершает свой круговорот», или же на определенный цикл, период времени

или эпоху. В дальнейшем, следуя первому значению: «обращение», «оборот», слово *révolution* стало применяться в науке в значении: «поворот», «изменение», «крупное изменение», (например, в геологии – резкое изменение в геологическом строении земной поверхности) [2].

Французское *révolution* генетически было связано с латинским *revolutio* и вошло во французский язык со значением: «возврат назад, к исходному пункту», «переворот» [2]. В том же значении оно встречается и в языке средневековой Англии. Именно там, в XVII веке, в период гражданских смут, *révolution* становится идеологическим понятием, которым определяется сущность политических процессов, связанных с силовым захватом (сменой) незаконной власти.

Первоначально название «революция» закрепляется за «славными» событиями 1688 года, государственным переворотом, в результате которого произошло смещение с престола «тирана», Якова II Стюарта и был провозглашен королем Вильгельм III Оранский – «защитник свободы и протестантской веры». Для участников и современников событий сама революция становится синонимом: «возвращения (при помощи силы) власти законному правителю», «восстановления законной власти» как «возвращения трона законному претенденту» [6, 30].

Английские мятежники, тем самым, стали «реставраторами», а не революционерами, в современном смысле этого слова. Восстановление справедливости и законности, они, скорее, понимали как возвращение утраченных старых прав и свобод, узурпированных тираном [6, 29-30]. С одной стороны, «Славная революция» была династическим переворотом, с другой стороны, именно она стала началом формирования в Англии нового государственного строя – конституционной монархии. Текст «Билля о правах» свидетельствовал о существенных ограничениях исполнительной (королевской) власти – властью законодательной (парламентом), несмотря на то, что в преамбуле «Билля» – первой конституции Нового времени, говорится о том, что цель его принятия – это «восстановление и подтверждение древних прав и вольностей» [7, 338].

Так, на этапе своего формирования, первоначальный смысл концепта *революция*, как и суть идеи революции, оказываются противоположными современным. Однако, именно такое, характерное для своего времени, понимание смысла концепта становится классическим и получает всестороннее теоретическое обоснование в трудах философов-просветителей. В работах Дж. Локка мятежниками именуется тираны, а не восставшие против них, и, соответственно, бунт против тиранов становится «законным» восстанием [8, 30].

Дж. Локк оправдывает восстание как реализацию естественного права народа применять силу тогда, когда власть, из-за злоупотреблений, право на власть утрачивает [8, 352]. Хотя, говоря в заключении второго трактата «О правлении» о праве народа действовать как верховная власть, Дж. Локк предполагает, что народ, вернув себе прерогативу быть законодательным органом, может сохранить старую форму власти, но может создать и новую, в том числе, «передать эту власть в новые руки» [8, 405]. Тем самым, само понятие «революции» получает в дальнейшем возможность более широкого толкования, а философские труды Дж. Локка становятся основой разработки как самой идеи революции, так и сценариев «будущих революций, уже знавших свое имя» [6, 30]. По мнению современных ученых, одним из первых ввел это новое понимание революции Т. Гоббс, который писал о том, что революция состоит в разрушении старого порядка и строительстве нового [9].

Во Франции *révolution* входит в политический словарь только к середине XVIII в., а как устоявшийся термин политики и социальной философии получает распространение в период французской революции 1789 г.. Об этом свидетельствует, в частности, первое издание французского академического Словаря 1694 г., в котором, в статье «революция» по-прежнему приведены только астрономические и естественно-научные значения слова. Только во втором издании 1714 года в статью внесено дополнительное значение –

«изменения, происходящие в делах общественных» [10, 207]. Так, академиками было отмечено социальное значение термина, а политическое было проигнорировано. Однако иной подход представлен в «Энциклопедии» французских просветителей («Энциклопедия, или толковый словарь наук, искусств и ремёсел» д'Аламбера и Дидро). В ней, в статье «революция» Л. де Жокура, политическое значение слова выступает первым и единственным. «Революция», – пишет автор, – «на политическом языке означает значительное изменение в управлении государством», при этом, историческим образцом становится все та же Английская революция 1688 года [11, 207].

Отцы-идеологи Американской революции также ссылались на опыт британцев при обосновании легитимности своих революционных требований, однако всеми способами пытались избежать исторических параллелей, чтобы обойти обвинения в бунте. Для этого, прежде всего, понадобилось объявить американцев самостоятельной новой нацией. В качестве философской основы было использовано учение Локка и других просветителей о «естественных правах народа», однако такое понимание революции радикально отличалось от европейского. «Истинная революция», – писал Дж. Адамс, – это «радикальное изменение в принципах, чувствах и страстях» [6, 32]. Пейн осознанно противопоставляет революцию Нового света – всему революционному опыту света Старого, называя американскую революцию – контрреволюцией [6, 33]. Так, в трудах идеологов американской революции вырабатывается новое понимание концепта *революция*, который теперь уже не связан со своим первым значением – «возвратом к прошлому», но приобретает новый смысл – «движение вперед», к новому будущему.

Тем самым, не только формируется новая политическая идеология, но получает всестороннее обоснование новый политический концепт, семантика которого определяется кругом идей философов просветителей, существенно переосмысленных творцами «Декларации независимости». Очевидное влияние на становлении нового культурного концепта оказала также протестантская догматика и тот дух секуляризма, который характеризует все стороны жизни и мысли общества эпохи Модерна, следствием которого является крушение идеи сакральности власти, незыблемости социальной иерархии и связанных с ними привилегий. Теперь революция – это не реставрация добрых старых порядков и не возвращение к прежним свободам и правам, революция – это политический переворот, целью которого является возникновение нового типа государства и общества.

Даже деятели Французской революции не сразу осознали значимость новой идеологии, они продолжали трактовать ее как восстановление утраченной законности, прежних прав и свобод, символом которых был провозглашен Декретом учредительного собрания (Статья XVII) не кто иной, как Людовик XVI [12]. И только после захвата власти якобинцами летом 1793 года, массового убийства роялистов в сентябре, а затем казни Людовика XVI и его семьи, стало очевидно, что революция – это радикальный разрыв с прошлым как необходимое условие строительства будущего.

Не случайно язык периода якобинской Диктатуры и методы революционного террора вошли в плоть и кровь теории и практики Октябрьского переворота в России. Цитируя Маркса и Энгельса, Ленин, в статье «Государство и революция» – одной из программных работ 1917 года, прямо заявляет, что «буржуазное государство смениться государством пролетарским (диктатурой пролетариата) *не может* путем «отмирания», что «смена буржуазного государства пролетарским невозможна без *насильственной революции*», и это «вынуждает революцию *«концентрировать все силы разрушения»*» [13].

Таким образом, концепт «революция» оказывается навсегда связанным с пафосом разрушения, с идеей насилия и террора, которые становятся основными методами строительства «нового мира», с процессом коренной ломки мира «старого» и радикальным его переустройством. При этом, сама новизна, «все новое» провозглашается высшей ценностью, ради которой все бывшее прежде должно быть принесено в жертву и отвергнуто.

Х. Арендт писала, что мы можем говорить о революции только тогда, когда основной движущей силой является «пафос новизны» [1]. Действительно, «новое» как таковое становится основополагающей целью и ценностью, ради которой, собственно, революция совершается. При этом очевидно, что идея нового (светлого и счастливого будущего), оказывается связана с пафосом отрицания. Свобода от «старого» трактуется преимущественно в негативном, отрицательном смысле, как свобода «от» прошлого и от всего того, что может помешать приходу нового будущего: от запретов и ограничений, от нравственной ответственности, от каких бы то ни было привязанностей «к последним вещам», как вседозволенность. Так понимаемое «новое» с необходимостью выступает как отрицание традиции, с ее памятью Вышнего, памятью смертной, всякой метафизикой, всем тем, что связано с идеей священного, с христианской верой, и тем, что для нее свято и чтимо, или же, так или иначе, может напоминать человеку о том, «откуда он», «кто он» и «куда он идет». Отсюда, совершенно закономерно является то, что начало двух самых кровавых европейских революций, проходивших под лозунгами «свободы» от старого, было сопряжено с открытым богоборчеством, войной с христианской церковью и с самой идеей священного, воплощенной, в том числе, в самодержавной власти и личности монарха.

Так, концепт «революция» становится одним из символов эпохи Модерна, не только политическим, но и культурным концептом, выражающим суть и дух Нового времени, для которой идея и практика революции становится основной движущей силой цивилизационного развития. Революциями новоевропейская история и культура открываются, и ими же завершаются, освобождая место для постистории, посткультуры и последнего человека.

Список литературы:

1. Арендт Ханна О Революции / Ханна Арендт. – М.: Европа, 2011. – 464 с. [Электронный ресурс] // URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1034585/6/Arendt_-_O_revolyucii.html
2. Виноградов В. В. История слов [Текст] / В. В. Виноградов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык: история и современное состояние». Институт русского языка РАН / Отв. ред. чл.-корр. РАН Н. Ю. Шведова. – М.: Толк, 1994. – 1138 с.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. В 4 т. Т. 3 (Муза-сят) / Пер с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд. стер. – М.: Прогресс. – 1987. – 832с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. /В.И. Даль. – Спб., 1863-1866. [Электронный ресурс] // URL: https://royallib.com/book/dal_vladimir/tolkoviy_slovar_givogo_velikorusskogo_yazika.html
5. Революция // Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (В 86 томах с иллюстрациями и дополнительными материалами) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/>
6. Одесский М., Фельдман Д. Поэтика власти. Тираноборчество. Революция. Террор / М. Одесский, Д. Фельдман. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 263 с.
7. Завалько Г.А. Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. Изд. 2-е, испр. и доп. / Г.А. Завалько. – М.: КомКнига, 2005. – 320 с. [Электронный ресурс] // URL: http://aleksandr-kommari.narod.ru/zavalko_revolutions.html
8. Билль о правах // Дмитриевский Н П. Законодательство английской революции, 1640-1660 гг. – М.-Л., 1946. – С. 338–340.
9. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения: В 3 т. – Т. 3. / Дж. Локк. – М.: Мысль, 1988. – С. 137–405.

10. Будагов Р.А. Из истории политической терминологии во Франции (Краткий обзор лексикографических источников) / Р.А. Будагов // Литературный критик, 1932, №4, С. 198–217.

11. Жокур Л. де. Революция // Избранные статьи из Энциклопедии д'Аламбера и Дидро / Л. де Жокур [Электронный ресурс] // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Encycl/enc-16.htm>

12. Декрет учредительного собрания от 11 августа 1789 г. «Об уничтожении феодальных прав и привилегий» // Французская революция в документах, 1789-1794., сот. Л.Я. Захер. – Л.: рабочее издательство «Прибой», 1926. [Электронный ресурс] // URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1780-1800/Ucred_sobr/dekr_un_feod_priv_11_08_1789.htm

13. Ленин В. И. Государство и революция / В. И. Ленин. – Петроград: Жизнь и знание, 1918. [Электронный ресурс] // URL: https://royallib.com/book/lenin_vladimir_gosudarstvo_i_revolyutsiya.html

УДК 340

К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Степанова Юлия Сергеевна
старший преподаватель кафедры теории и
истории государства и права, юридический факультет
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
julias.stepanova@yandex.ru

Аннотация: в статье представлен анализ международно-правового регулирования защиты права частной собственности и государственного вмешательства в сферу частных имущественных правоотношений с учетом особенностей национального законодательства Донецкой народной Республики.

Ключевые слова: право частной собственности, ограничения права собственности, особый правовой режим, военное положение, баланс публичных и частных интересов.

Право частной собственности, и сегодня, остается ключевым институтом гражданского права. Вместе с тем, следует отметить, что понимание того, что право на свободное владение своим имуществом, т.е. право собственности, как одного из прав человека, происходило достаточно медленно. За всю историю данного вопроса было выработано множество подходов – от избранности субъектов права частной собственности до неразрывности понятий «собственность» и «свобода». На сегодняшний день большинство исследователей согласны с тем, что право на собственность относится к категории основных субъективных прав, принадлежащих индивиду, и означает возможность совершать или не совершать какие-либо действия относительно своего имущества, то есть объекта собственности, причем, вне зависимости от наличия либо отсутствия имущества. Как известно, закреплению права на свободное владение собственностью как права человека предшествовали ожесточенные политико-идеологические дискуссии. Как отмечает А. А. Яковлев, противостояние двух мировых социально-экономических систем после Второй мировой войны объективно отразилось в общих международных договорах о правах человека. Эта ситуация в общем международном праве сохраняется и в настоящее время. Так, среди общих международных договоров о правах человека право собственности упоминается редко, из-за чего общее конвенциональное международное право нечасто содержит толкование права человека на владение своей собственностью [1].

На сегодняшний день единственным международным актом общего характера, закрепляющего право человека на свободное владение своей собственностью, является Всеобщая декларация прав человека (1948) (далее по тексту - Декларация). Так, в ст. 17 Декларации прямо провозглашает право частной собственности как основное и неотчуждаемое право человека и

отмечает, что «1. Каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими. 2. Никто не может быть произвольно лишен своего имущества». Кроме того, ст. 2 Декларации через запрет дискриминации по признаку имущественного положения также признается данное право [2].

Другие же международные документы о правах человека, которые были заключены после принятия Всеобщей декларации, опять-таки под влиянием политико-идеологических противоречий, право человека на собственность не закрепляют. Так, например, Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), являясь одним из основных документов Совета Европы, устанавливающая неотъемлемые права и свободы каждого человека, не содержит положений относительно защиты частной собственности (имущества). Лишь впоследствии они были установлены в Первом (Дополнительном) Протоколе к Конвенции о защите прав человека и основных свобод: «Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права» [3].

В абзаце 2 указанной статьи отмечается, что «...Предыдущие положения не умаляют права Государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с *общими интересами* (курсив авт.) или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов» [3]. Из толкования данной нормы, предложенного ЕСПЧ в § 61 решения по делу Спорронг (Sportrong) и Лоннрот (Lonnroth) против Швеции от 23.09.1982 г., следует, что ст. 1 образована тремя нормами: первая норма, имеет общий характер и провозглашает принцип мирного владения имуществом; вторая - касается случаев лишения имущества и подчиняет его определенным условиям (она содержится во втором предложении части первой); третья норма признает, что *Государства имеют право, в частности, контролировать использование имущества в соответствии с общими интересами, путем введения законов, которые они считают необходимыми для обеспечения такой цели* (курсив авт.) и эта норма содержится в части второй указанной статьи [4]. Таким образом, второе и третье правило закрепляют возможность вмешательства государства в частные отношения (конкретно в отношения собственности) для обеспечения достижения публичных целей, тем самым ограничивая права человека. Как отмечает И.В. Мингазова, не смотря на то, что ограничения прав и свобод устанавливаются каждым государством самостоятельно, в современных условиях международное сообщество выводит эту проблему за пределы внутренней компетенции государства [5, С. 27]. Принципы, цели введения, основания и условия введения ограничений права собственности содержатся в ряде международных документов: ст. 29 Декларации прав и свобод человека; Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах и т.д.

Как справедливо отмечает И.В. Мингазова, разрешение противоречий в сфере собственности возможно исключительно путем достижения баланса публичных и частных интересов. Автор, анализируя ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, считает, что общественные интересы являются основанием, оправдывающим меры по ограничению права собственности, которые в ином случае считались бы нарушением этого права [5, С. 29]. Принцип «баланс публичных и частных интересов» устанавливает своего рода меру вмешательства государства в частные права, причем эта мера охватывает не только цель такого вмешательства, но и средства: цель – защита общественных (т.е. публичных) интересов; при условии, что выбранные государством средства достижения данной цели будут пропорциональны ей. Следует отметить, само понятие «общественный интерес» («общественная необходимость») практикой ЕСПЧ признано прерогативной государства. В соответствии с ч. 2 ст. 48 Конституции Донецкой Народной Республики (далее по тексту - ДНР) к таким целям отнесены:

- защита основ конституционного строя;
- защита нравственности;
- защита здоровья, прав и законных интересов других лиц;
- обеспечение обороны страны и безопасности государства [6].

В юридической литературе выделяют различные **формы ограничения права частной собственности** государством: лишение права собственности, национализация, экспроприация, реквизиция, введение мер по контролю над собственностью и иные меры. Причем в настоящее время выделяют три причины, дающие государству право на такое ограничение: а)обеспечение

публичной безопасности и здоровья нации; б) забота о национальном благополучии и в) необходимость развития некоторых отраслей экономики.

Следует отметить, что термин «лишение собственности» понимается в литературе примерно одинаково у различных авторов с незначительными отличиями. Как считает швейцарский ученый Т. Хефти, лишение собственности означает акт экспроприации и национализации и других аналогичных мер, состоящий в переводе иностранной собственности в национальный публичный сектор экономики. От этих мер следует отличать акты конфискации, реквизиции и временные ограничительные меры, применяемые военными или гражданскими властями государства [5, С. 33-34].

Особое правовое регулирование право частной собственности имеет в период действия особых правовых режимов.

В соответствии со ст. 1 Закона ДНР № 23-ИНС от 24.03.2015 г. (далее по тексту - «Закон № 23») особый правовой режим это «...временно устанавливаемый в Донецкой Народной Республике в случае чрезвычайных обстоятельств особый порядок деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, допускающий отдельные ограничения прав и свобод граждан Донецкой Народной Республики, иностранных граждан и лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей» [7]. При этом, к чрезвычайным обстоятельствам указанным законом отнесены следующие: обстоятельства политического, экономического, социального, военного, природного или техногенного характера, представляющие непосредственную угрозу жизнедеятельности человека, общества, государства, устранение которых обычными методами государственного управления, базирующимися на действующем законодательстве, без применения чрезвычайных мер невозможно (п. 2 ст. 1 Закона № 23) [7]. Анализ действующего законодательства ДНР позволяет выделить три вида особых правовых режимов:

- 1) **чрезвычайное положение** – вызванный действием чрезвычайных обстоятельств политического, экономического, социального, природного или техногенного характера (ст. 8 Закона № 23);
- 2) **чрезвычайное экономическое положение** – является разновидностью чрезвычайного положения, выделено в отдельный вид ст. 23 Закона № 23. Данный вид особого правового режима вводится в условиях возникновения тяжелого общеэкономического кризиса.
- 3) **военное положение** – вводимый на территории государства в случае агрессии или непосредственной угрозы агрессии против ДНР [7].

В условиях действия указанных видов особых правовых режимов Конституцией ДНР и Законом № 23 могут быть ограничены конституционные права и свободы человека и гражданина, причем в зависимости от вида особого правового режима ограничению подлежит исчерпывающий перечень прав и свобод граждан. Что же касается защиты и охраны права частной собственности, то вне зависимости от вида особого правового режима, право частной собственности может быть ограничено государством. Следует отметить, что действующим законодательством ДНР четко не регламентированы формы ограничения права собственности. Вместе с тем, при детальном анализе положений Закона № 23 можно выделить следующие:

- Ограничение или запрещение продажи особых объектов права частной собственности⁷;
- Изъятие и временное изъятие имущества;
- Мобилизация ресурсов организаций и изменение их производственно-хозяйственной деятельности.

Что же касается правового регулирования права собственности в период действия особого правового режима (в частности, в период вооруженного конфликта), то Женевские соглашения, направленные на защиту собственности, не разграничивая отдельные категории имущества, направлены на охрану объектов собственности, необходимой как для жизнеобеспечения гражданских лиц, так и осуществления требований индивидуальной защиты.

Конфликтующие стороны обязаны проводить грань между гражданскими и военными объектами собственности. Не могут быть направлены действия противостоящих сторон на

⁷ К таковым автор относит оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, ядовитые вещества, лекарственные препараты, содержащие наркотические вещества, психотропные вещества, этиловый спирт, спиртосодержащая продукция и т.п.

гражданские объекты. Это правило признано Международным Комитетом Красного Креста (МККК) и закреплено в статьях 48 и 52 Дополнительного протокола № 1 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов [8]. Следует также подчеркнуть, что прямые нападения на военные объекты, в результате которых косвенно был причинен ущерб гражданским объектам, не является незаконным, если такой косвенный ущерб, нанесенный граждан свободным объектам, не является чрезмерным.

Понятие «военный объект» закреплено в статье 52 Дополнительного протокола № 1 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 року [8]. В соответствии с указанной нормой, военные объекты ограничиваются объектами, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования осуществляют эффективный вклад в военные действия и их полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация при существующих в данный момент обстоятельствах предоставляет явное военное преимущество. Данное определение военных объектов практикой государств признано как норма обычного международного права и применяется при международных и немеждународных вооруженных конфликтах.

Определение понятия гражданских объектов закреплено в статье 52 Дополнительного протокола № 1 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года: «гражданскими объектами являются те объекты, которые не являются военными объектами» [8]. В международной практике государств гражданскими объектами, прежде всего, считаются гражданские районы, города, деревни, жилые районы, жилье, здания, дома и школы, гражданские транспортные средства, больницы, медицинские учреждения и медицинские отделения, исторические памятники, места отправления культа и культурные ценности, а также окружающая среда при условии, что, в конечном счете, они не становятся военными объектами. При этом гражданские объекты, которые «используются в военных целях» или «используются для организации военных действий» теряют право на защиту [8].

Таким образом, нормы международного права по защите прав человека обеспечивают защиту права собственности от посягательств государств. Эти гарантии действуют всегда и при любых обстоятельствах за исключением времени действия военного или чрезвычайного положения. В чрезвычайных условиях эти соглашения допускают отступление от некоторых своих положений по соблюдению прав человека и гражданина, обеспечения неприкосновенности личности и ее прав собственности.

Список литературы:

1. Яковлев А.А. Міжнародно-правове співробітництво у захисті права власності в системі Ради Європи: дис. на соискание научной степени канд. юрид. наук: 12.00.11.- URL: <http://www.disslib.org/mizhnarodno-pravove-spivrobitnytstvo-u-zakhysti-prava-vlasnosti-v-systemi-rady.htm> (дата обращения: 30.03.2018)
2. Всеобщая декларация прав человека, принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 15.04.2018)
3. Протокол N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Париж, 20 марта 1952 г., с изменениями от 11.05.1994 г. - URL: http://www.irs.in.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=276:1&catid=43&Itemid=&lang=ru (дата обращения: 15.04.2018)
4. Спорронг (Sporrong) и Лоннрот (Lonnroth) против Швеции, судебное решение от 23 сентября 1982 г. - URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461434/2461434.htm> (дата обращения: 15.04.2018)
5. Мингазова И.В. Право собственности в международном праве: монография/И.В. Мингазова. – Москва: Волтерс Клувер, 2007. – 320 с.
6. Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 г. Постановление № 1-1 (с учетом изменений, внесенных Законами ДНР от 27.02.2015 года № 17-ИНС, от 29.06.2015 года № 63-ИНС, от 11.09.2015 года № 92-ИНС, от 29.12.2017 года № 205-ИНС) URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/> (дата обращения: 02.04.2018)
7. Закон Донецкой Народной Республики «Об особых правовых режимах» № 23 – ИНС от 24.03.2015 г. URL: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-osobyh-pravovyh-rezhimah/>(дата обращения: 02.04.2018)

8. Дополнительный Протокол № 1 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов
 URL: https://www.icrc.org/rus/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения: 02.04.2018)

УДК 340

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРАВОСОЗНАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ВОЙН И ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Ткаченко Михаил Михайлович
 Студент, 3 курс, группа «В»

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
E-mail: mike.tkachenko1.8@gmail.com

Аннотация: в статье рассматриваются особенности формирования правовой культуры и правосознания населения в период войн и вооруженных конфликтов. Рассматриваются и разграничиваются понятия «война» и вооруженный конфликт, структура понятий «правовая культура», «правосознание».

Ключевые слова: война, вооруженный конфликт, правовая культура, правосознание, правовая психология, правовая идеология, правовой нигилизм.

На протяжении многих веков право является неотъемлемой частью государства, необходимым условием для полноценного существования гражданского общества. Свое место в иерархии социальных ценностей человеческой цивилизации право заняло не в последнюю очередь благодаря двум своим свойствам: перманентности и гибкости. Право существует с момента зарождения государства и меняется по мере возникновения новых общественных отношений, подстраиваясь под них. Своего значения и общественно полезных функций право не теряет как в мирное время, так и в периоды войн и вооруженных конфликтов.

Под термином «вооруженный конфликт» следует понимать вооруженную борьбу между государствами, национально-освободительными движениями, между оккупантом и населением оккупированной территории, борьбу за отделение, а также вооруженную борьбу, в которой принимают участие силы ООН. Термин «война» означает крайнюю форму вооруженного конфликта, который происходит между государствами и союзами государств, начинается и заканчивается путем совершения определенных юридических актов и влечет за собой особые правовые последствия, в частности прекращение или приостановление международных договоров. [1, 133]

В условиях войн и вооруженных конфликтов особенно остро становится вопрос о формировании правосознания и правовой культуры населения территории, в пределах которой разворачиваются боевые действия. Это связано с изменением привычного ритма жизни населения, возросшим уровнем опасности на данной территории, нестабильной экономической ситуацией, а также с ужесточением внутрисоциальной политики и правовых норм.

Формирование правосознания, вне зависимости от мирного или военного времени неразрывно связано с правовой культурой населения. Заслуженный юрист Российской Федерации В.Д. Перевалов определяет правовую культуру посредством перечисления структурных элементов и факторов, оказывающих влияние на ее формирование: «Под правовой культурой понимается обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания и в целом в уровне правового развития субъекта (человека, различных групп, всего населения), а также степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека».

Не менее известный юрист, специалист в области философии права В.С. Нерсесянц говорит о правовой культуре следующее: «Право как культурный феномен - часть общечеловеческой культуры. Правовая культура - это весь правовой космос, охватывающий все моменты правовой формы общественной жизни людей. Культура здесь как раз и состоит в

способности и умении жить по этой форме, которой противостоит неоформленная (неопределенная, неупорядоченная, хаотичная, а потому и произвольная) фактичность.»[2,124].

Исходя из этих определений, можно сделать вывод, что понятие правовой культуры определено крайне размыто, из-за объема его содержания и неоднозначности.

Поэтому, правовую культуру следует рассматривать как:

- 1) Показатель состояния правовой жизни данного конкретного общества в данный временной промежуток.

- 2) Часть всеобщего культурного комплекса, систему ценностей в области права, выработанную в данном конкретном обществе.

Для лучшего понимания правовой культуры необходимо разобраться в ее структуре. В настоящее время данная тема является дискуссионной, следовательно, не существует единого мнения по этому вопросу. Чаще всего, в юридической литературе выделяют следующие составляющие: право и правосознание, законность, государственно-правовые институты, юридические факты, правоотношения и правомерность деятельности субъектов, юридическая наука.

Порядок элементов в данном перечне обусловлен тем, что право и правосознание являются главными элементами в правовой культуре, так как правосознание есть отражение права в сознании человека, и формируется оно путем субъективной оценки правовой науки и юридической практики. Законность, в свою очередь, устанавливает правила поведения субъекта внутри правовой системы. Государственно-правовые институты выступают площадкой для появления юридических фактов, порождающих правоотношения. Наконец, юридическая наука изучает и систематизирует знания о праве, создавая базу знаний, необходимую для полноценного формирования правосознания.

Виды правовой культуры можно определить по нескольким критериям. Это обстоятельство обусловлено отсутствием целостности правовой культуры.

По носителям правовая культура делится на: правовую культуру личности, правовую культуру социальной группы, правовую культуру общества.

Правовая культура личности - это степень и характер правового развития личности, гарантирующей ее правомерное поведение. Включает в себя: осознанное правовое мышление, правомерное поведение. Подразумевает наличие достаточного количества правовых знаний и их накопления с дальнейшей трансформацией их во внутреннее убеждение. Правовая культура личности выступает индикатором уровня правовой социализации личности в обществе.

Правовая культура социальной группы - уровень правосознания конкретной социальной группы, степень реального соблюдения ею правовых норм. В целом, не обособляется от правовой культуры общества. Целесообразно рассматривать ее при изучении данной конкретной социальной группы. Правовая культура общества - часть всего культурного комплекса общества, совокупность достижений в области права, выраженных в степени развития правосознания, судебной практики, законодательной базы. Представляет собой результат деятельности всех субъектов права, является фундаментальным началом формирования правовой культуры как отдельно взятой личности, так и социальных групп.

По уровню владения правовой культурой: обыденная правовая культура, профессиональная правовая культура, теоретическая правовая культура.

Обыденный уровень - самый распространенный уровень правовой культуры. Его носителями являются обычные люди, не связывающие свою профессиональную деятельность с правом. Сфера его применения - повседневная жизнь людей в обществе и их взаимодействие с правом. Данный уровень правовой культуры не дает возможности в полной мере осмыслить суть правовых явлений, т.к. для него свойственно большое количество обобщений и, как следствие, поверхностное понимание основных правовых понятий.

Профессиональный уровень - характеризуется высокой степенью понимания права и его явлений. Предполагает наличие глубоких знаний в конкретной области права. Это, в свою очередь, обуславливает разный уровень и специфику правовой культуры у разных представителей юридических профессий. Имеет место быть следующая закономерность: уровень профессиональной правовой культуры, как правило, выше у начальствующего состава должностных лиц.

Теоретический уровень - по своей сути является подвидом профессиональной правовой культуры. Разница заключается в том, что круг субъектов, владеющих данным уровнем правовой культуры еще меньше. Его носители зачастую это юристы-ученые, преподаватели высших

учебных заведений с юридическим профилем. Именно на этом уровне формируется научная база права, разрабатываются новые предложения по усовершенствованию и применению права.

Все виды правовой культуры постоянно взаимодействуют между собой, дополняя друг друга. Формируются они в процессе правового воспитания и обучения. Достижения, знания, опыт, накопленный в юридической сфере, передается новым поколениям, формируя их идеалы, ценности, нравственные и правовые ориентиры. Из всего этого формируется как общественное, так и индивидуальное правосознание.

Правосознание — это отражение правовой культуры, которое показывает отношение людей к праву. Правосознание субъективно и основывается на индивидуальном опыте и знаниях о праве каждого отдельного индивида или социальной группы.

Это одна из форм общественного сознания, представляющая собой систему правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к существующему и желаемому праву, к правовым явлениям, к поведению людей в сфере права. Структура правосознания состоит из: правовой психологии и правовой идеологии. Правовая психология является первым этапом правового сознания, который строится на оценке, чувствах, переживаниях, традициях, привычках, эмоциях и настроениях индивидов в отношении правовой деятельности на бессознательном уровне, эмпирическим путем. Правовая психология также имеет свою структуру и состоит из: правовых чувств и переживаний, правовых настроений, правовых представлений. Правовые чувства и переживания являются самой непостоянной частью правовой психологии, т.к. связаны они всегда с отношением людей к праву, законности, и выражаются в одобрении или негодовании, доверии или недоверии. Чаще всего правовые чувства являются реакцией на события в правовой сфере жизни общества.

Правовые настроения являются не менее важной частью правовой психологии. Правовые настроения формируются под влиянием множества факторов, однако решающую роль играют события в обществе, фактическое соблюдение в нем принципов законности и верховенства права, равенства всех перед законом и судом, состояние правопорядка, уровень преступности и т.д.. Правовые настроения способны влиять на поведения людей. От правовых чувств правовые настроения отличаются более массовым и устойчивым характером, который в конечном итоге побуждает индивидов к правовой деятельности, которая в свою очередь может быть направлена как на соблюдение законности, так и к ее нарушению. Правовые настроения могут выступать не только как отдельный элемент, но как состояние правовых чувств, связанное с определенным поведением людей. Правовые настроения бывают оптимистическими и пессимистическими.[3, 52]

Следующим, не менее важным элементом правовой психологии являются правовые представления. У людей в всегда имеются определенные представления о праве, правосудии, законности, преступлении, наказании и др. Этот элемент имеет важное значение для реализации норм права, потому как если у индивида складывается не верное представление о праве, это затрудняет правоприменительную практику, и как следствие ставит под сомнение феномен права, в качестве высшей социально ценности.

Второй элемент правосознания – правовая идеология. Она представляет собой систематизированное выражение правовой действительности, в форме идей, взглядов, принципов, понятий, суждений, на основе логических обобщений, анализа и синтеза. Правовая идеология представляет собой систематизированное ядро всего общественного правосознания, в котором закреплена ведущая роль государства, а также интересы, цели, задачи и потребности общества. Правовая идеология не является непосредственным продуктом общества как правовая психология, а представляет собой результат сознательной, волевой, когнитивной деятельности юристов, философов и политиков.

Огромное значение имеет связь между правовой психологией и правовой идеологией. Правовая идеология не имеет смысла в отрыве от правовых реалий, которые индивиды в первую очередь воспринимают эмпирическим путем. Также, правовая идеология обязана давать официальное толкование явлений, с которыми сталкивается индивид. В сущности, в основе понимания и исполнения правовых предписаний каждым конкретным лицом лежат как раз правовая психология и правовая идеология. Только в единстве эти две сферы правосознания всесторонне отражают общественное бытие и оказывают активное воздействие на всю социальную жизнь общества.[4, 57]

В виду важности правовой культуры и правосознания для нормального функционирования механизмов реализации права в обществе, государство обязано брать их формирование под свой

контроль, особенно в период войн и вооруженных конфликтов. Ведь именно в такие периоды государство и его граждане переносят наибольшее количество трудностей и проблем.

Нестабильная обстановка в государстве, связанная с ведением боевых действий, негативно сказывается на правосознании граждан, что приводит к моральному подавлению населения из-за смертей сограждан и разрушений, вызванных войной.

Сама необходимость вести боевые действия, восстанавливать разрушенные объекты автоматически создает дефицит финансовых ресурсов государства, которые требуются в том числе для работы механизмов реализации правовых норм. Ужесточение гражданского законодательства в военное время, коллизии в праве, несоблюдение правовых предписаний лицами, находящимися на государственной службе также негативно влияют на правовые настроения граждан, искажая их же правовые представления.

Огромную роль в формировании общественного правосознания в период вооруженных конфликтов играют СМИ, которые нередко выступают в качестве средств ведения информационных войн, напрямую влияющих на правовое сознание граждан.

Все эти и масса других факторов негативно сказываются на правовой культуре и правосознании граждан. Мало того, в условиях вооруженных конфликтов повсеместно нарушаются абсолютные права человека, не редко прекращается деятельность государства, по обеспечению конституционных прав граждан. В последствии, совокупность данных проблем может привести к крайней степени деформации правосознания – правовому нигилизму, выраженному в полном или частичном отрицании права как такового.

Правовой нигилизм, как негативная мировоззренческая позиция, которая базируется на отрицании, неуважении к праву и законам в последствии может привести к анархии, недопустимой ни при каких условиях, особенно в период вооруженных конфликтов и войн.

Для формирования правовой культуры и правосознания населения во время вооруженных конфликтов государству необходимо принять ряд конкретных мер.

В первую очередь, необходима единая государственная идеология, направленная на неукоснительное соблюдения права всеми его субъектами.

Во время вооруженных конфликтов государству, с целью формирования у населения правосознания следует определить наиболее значимые проблемы в сфере правовой культуры.

Далее следует озаботиться обеспечением пересечения государственных и общественных интересов, для того, чтобы убедить каждого человека в обществе, что отрицание или неуважение к праву противоречит его собственным интересам, ведь право это ничто иное как высшая социальная ценность. Государственная политика по мере возможностей должна иметь социальную направленность, нести в себе ценности гуманизма и человеколюбия, а также держать курс на развитие сельского хозяйства, и промышленности, для покрытия дефицита финансовых ресурсов.

Лишним не окажется и проведение правовоспитательных мероприятий с помощью СМИ, высших учебных заведений и представителей правоохранительных органов.

Не стоит забывать также о внешней политике и дипломатии. Грамотно примененные правовые нормы обладают большей мощностью, чем оружие на полях сражений. Государства-участники вооруженных конфликтов обязаны всеми силами способствовать скорейшему прекращению боевых действий. Ведь ничто так не вселяет веру в государство и право в сознание граждан, как само право в действии.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что во время войны и вооруженных конфликтов вопрос о формировании правовой культуры граждан и правосознания населения встает куда острее, чем в мирное время, и решение данной проблемы, как правило, дается гораздо сложнее. Однако меры, необходимые для решения данных проблем кардинально не отличаются от мер формирования правовой культуры и правосознания в условиях мира, с той лишь разницей, что во время войн и вооруженных конфликтов они должны содействовать скорейшему их прекращению, а в мирное время – недопущения новых войн и вооруженных конфликтов.

Список литературы

1. Рыжов А.И. Юридические дефиниции в международном праве (на примере понятий «война», «вооруженный конфликт международного характера», «вооруженный конфликт немеждународного характера») / А.И. Рыжов // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – с. 129-134.
2. Нерсесянц В.С. История идей правовой государственности [Текст] / В.С. Нерсесянц. – М.: Гардарики, 1993. – 124 с.
3. Вопленко, Н.Н. Правосознание и правовая культура: Учебное пособие / Н.Н. Вопленко // Волгоград: ВолГУ. – 2000. – 52 с.
4. Абрамов, А.И. Функции правосознания и их роль в реализации функций права /А. И. Абрамов. // Правоведение .– 2006. – № 5. – 57 с.

УДК 349.2(477)

О ПРАВОВЫХ ФОРМАХ ВЫРАЖЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ ТРУДОВОГО ПРАВА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Швайковская Валентина Николаевна

кандидат юридических наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

E-mail: trud-vn@mail.ru

Аннотация: в статье проанализированы научные подходы и современное положение трудового законодательства стран постсоветского пространства и ДНР, касающиеся правовых форм выражения принципов трудового права. Обоснована необходимость текстуального закрепления основных принципов трудового права ДНР.

Ключевые слова: принципы трудового права, правовые формы выражения принципов трудового права, нормы-принципы, нормы - правила поведения.

Правовое регулирование социально-трудовых отношений в Донецкой народной республике обуславливает необходимость разработки общей концепции регулирования трудовых отношений и создания на ее базе правовых стандартов в виде единого трудового законодательства, что актуализирует проблему принципов трудового права в свете подготовки Трудового кодекса ДНР. Актуальность данной статьи обусловлена также настоятельной необходимостью выбора и обоснования правой формы закрепления основных принципов трудового права, нормы которого осуществляют правовое регулирование трудовых отношений на территории ДНР.

Проблемы принципов трудового права рассматривались представителями советской науки, в частности, Н.Г. Александровым, В.С.Андреевым, Б.К.Бегичевым, Л.Ю.Бугровым, К.Н.Гусовым, И.К.Дмитриевой, А.Д. Зайкиным, А.Е.Пашерстником, А.С.Пашковым, В.И. Прокопенко, Р.З.Лившицем, В.И.Никитинским, В.Н. Скобелкиным, А.В. Смирновым, Л.А. Сыроватской и др. Исследование отдельных проблем принципов трудового права не утратило своей актуальности в последующее время в работах российских (К.М. Гусова, С.П. Маврина, В.И. Миронова, В.Н. Толкуновой) и украинских (О.Т. Барабаш, Н.Б. Болотиной, В.С. Венедиктова, Д.О. Карпенко, П.Д. Пилипенко, Н.М. Хуторян, Г.И. Чанышевой) ученых.

Повышенное внимание к этим проблемам вызвано тем, что принципы права служат базой для выработки теоретических концепций любой отрасли права, в том числе трудового права. Они являются тем правовым ориентиром, исходя из которого, законодатель формулирует отраслевые нормы, вносит изменения и дополнения в действующие нормативные акты. Принципы права помогают глубже понять значение конкретных норм, их взаимосвязь друг с другом, служат основой объединения отдельных норм в единую систему отрасли, определяют тенденции развития законодательства.

Осознавая роль принципов права в правовом регулировании, нельзя не отметить, что они:

как исходные начала и основные положения наряду с предметом и методом обеспечивают единство норм отрасли права;

позволяют уяснить смысл законодательства и его связи с экономикой, политикой и моралью;

определяют общую направленность и тенденции развития правовых систем и их частей;

помогают практическим органам в применении норм и в решении вопросов, не урегулированных нормами права.

Как известно, под принципами права понимают основные начала, фундаментальные правовые установления, на основе которых строится вся правовая материя. С.С. Алексеев принципы права определяет как «нормативные обобщения наиболее высокого уровня, сжатое, концентрированное выражение содержания права, своего рода *сгустки* [курсив С.С. Алексеева] правовой материи» [1,293].

А.В. Смирнов принципы трудового права трактует как закрепленные в действующем законодательстве основополагающие руководящие принципы (идеи), выражающие сущность норм трудового права и главные направления политики государства в области правового регулирования общественных отношений, связанных с функционированием рынка труда, применением и организацией наемного труда [2,23].

В целом соглашаясь с пониманием принципов как основных начал, идей права, юристы расходятся во мнениях относительно обязательности их фиксирования в норме права, а также в вопросе о способах их нормативного закрепления. Поэтому на протяжении длительного времени не теряет своей остроты вопрос о различных способах (формах) выражения принципов права, в частности, выражены ли принципы непосредственно в норме права, чаще всего именуемой «норма-принцип», либо имеет место способ «косвенного закрепления (фиксации)» принципов права, т.е. «в скрытом виде».

С позиции общей теории права в зависимости от функциональной роли норм права в механизме правового регулирования разграничивают отправные (исходные, первичные, учредительные) нормы, в том числе нормы-принципы, и нормы - правила поведения. По мнению Р.З. Лившица, одни правовые принципы прямо закрепляются в нормах, после чего становятся принципами-нормами. Другие принципы прямо не закреплены в конкретных нормах, формулирование правового принципа не переходит в формулировку одной конкретной нормы, но переходит в многочисленное количество норм, будто растворяется в них. В таких случаях мы имеем дело с принципами, которые выводятся из норм [3,196].

Учитывая системный подход к исследованию принципов права, выделяют два способа закрепления принципов права в законодательстве: «текстуальный» (принцип непосредственно текстуально закреплен в конкретном законе) и «смысловой» (принцип вытекает из смысла законодательства). Второй способ означает, что принципы, косвенно зафиксированные в источниках права, не просто выводятся из норм, а как бы вытекают из содержания различных норм путем теоретического анализа из положений действующего законодательства.

Мнения ученых относительно целесообразности той или иной правовой формы выражения норм права разделились: одни настаивают на непосредственном закреплении в законе формулировки того или иного принципа, полагая, что они должны выводиться из положений действующего законодательства, а другие считают необходимым текстуальное закрепление их перечня в законодательных актах.

Неоднозначное положение и в законотворческой деятельности. Обзор действующего трудового законодательства стран постсоветского пространства приводит к выводу о том, что принципы национального трудового права воплощаются в различные

юридические формы. Опыт и наработки в этом вопросе показывают, что принципы действующего трудового права в одних странах получают текстуальное выражение в кодификационных актах (Азербайджан, Россия, Казахстан, Кыргызстан), а в других странах не находят такого закрепления (Беларусь, Грузия, Туркменистан, Узбекистан, Украина).

К примеру, **Трудовой Кодекс Республики Беларусь** не содержит отдельной главы или раздела, посвященного принципам трудового права. Легальное закрепление получили единичные принципы (например, принцип запрещения всех форм принудительного или обязательного труда (ст. 13 ТК), принцип равенства возможностей при недопущении дискриминации в области труда и занятий (ст. 14 ТК) [4]. В основном же в белорусском трудовом законодательстве имеет место лишь косвенное закрепление принципов трудового права.

В Донецкой Народной Республике наблюдается значительная специфика формирования трудового законодательства: на территории ДНР действуют некоторые нормативные акты Украины и акты, принятые нормотворческими органами ДНР. В соответствии с постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.06.2014 года № 9-1 «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» (с изменениями и дополнениями), законы и другие правовые акты, действовавшие на территории Донецкой Народной Республики до вступления в силу Конституции Донецкой Народной Республики, применяются в части, не противоречащей Конституции Донецкой Народной Республики [5].

Так, до принятия соответствующего нормативного акта, на территории Донецкой Народной Республики применяются нормы украинского трудового законодательства и законов, принятых Народным Советом ДНР. КЗоТ Украины, который в силу смысла вышеуказанного постановления применяется на территории ДНР, не выделяет перечня и названия действующих принципов трудового права, что приводит к определенным проблемам [6]. Ввиду отсутствия в действующем КЗоТ отдельной статьи, устанавливающей основные принципы трудового права Украины, общие начала отрасли можно определить только путем логического следования из содержания правовых норм.

Оценивая в целом действующее законодательство, нужно заметить, что нормативные акты, издаваемые в ДНР содержат много текстуальных заимствований как из законодательства Украины, так и законодательства Российской Федерации. В связи с этим возникает проблема идентификации того или иного принципа. Собственно, проблема заключается еще в отсутствии собственной формулировки названия принципов трудового права. В науке трудового права учеными предлагаются авторские названия принципов, что создает разноречивость в их интерпретации.

Отсутствие в трудовом законодательстве легального закрепления принципов трудового права приводит к необходимости вычленения указанных принципов и, как следствие, к появлению различных трактовок принципов трудового права. Подобное положение обуславливает необходимость их конкретизации и законодательного закрепления.

Нормативному закреплению принципов большое внимание уделяли и уделяют многие известные ученые. Наиболее последовательным приверженцем положения о том, что нормативное закрепление - это обязательный признак любого принципа, следует признать Н.А. Чечину. «Правовой принцип, как руководящая идея, - утверждала она, - отличается от научных и философских принципов тем, что он всегда и непременно находит свое конкретное выражение в норме или нормах права, то есть, говоря иными словами, идея находит в нормах закрепление, правовую защиту, обеспеченную силой государственной власти. Более того, о принципе можно говорить лишь постольку, поскольку он, как руководящая идея, получил нормативное закрепление: идея, не зафиксированная нормой права, не может стать правовым принципом» [7,78]. Следует поддержать мнение Д.А. Фурсова, который отмечает, что если принцип не имеет

нормативного закрепления, то его следует отнести не к принципам права, а к принципам правосознания. Общественные отношения не могут регулироваться правовыми идеями, поэтому и принципы права не должны оставаться лишь научными декларациями [8,360].

Данный подход разделяет И.К. Дмитриева, которая отвергает мнение, согласно которому не принцип выражается в норме, а из норм он просто выводится, чем придается обратное значение принципам и нормам, когда принцип «теряет» свою первичность, превращаясь в «производное» от норм [9, 43]. При непосредственном, текстуальном закреплении принципов права в нормативном акте можно говорить о наличии в правовом массиве особых норм-принципов.

Поддерживая точку зрения указанных ученых, необходимо отметить своевременность решения вопроса о текстуальной формулировке и закреплении основных принципов трудового права в период становления трудового законодательства на территории Донецкой Народной Республики. Для эффективного функционирования всей системы норм трудового права текстуальное закрепление в проекте Трудового кодекса ДНР принципов как руководящих положений имеет чрезвычайно важное значение. С их помощью не только формируется современный государственный подход к правовому регулированию труда, но и определяется сущность будущих правовых норм. Основой, фундаментом построения единого трудового законодательства ДНР должны выступать принципы права, определяющие вектор и динамику развития всего трудового законодательства. Выстраивание законодателем наиболее полной и целостной системы основных отраслевых правовых принципов в тексте кодификационного акта, четкое выражение их названия позволит исключить проблему многообразия формулировок, предлагаемых представителями науки трудового права. Как известно, принципы права оказывают регулятивное воздействие, ориентируют на создание правил поведения, соответствующих основным началам правового регулирования, а также могут непосредственно регулировать общественные отношения при возникновении пробелов в праве.

Регулятивное значение принципов трудового права проявляется не только в их фундаментальном характере как первоосновы нормотворческого процесса, но и в правоприменительной деятельности.

Судебная практика позволяет использовать общие начала законодательства исключительно для преодоления (восполнения) пробелов в праве. Принципы права при этом служат источником права, обеспечивая правовое регулирование общественных отношений и позволяя тем самым избежать «молчания права». Пробелы выявляют несовершенство права, отсутствие в нем того, что должно было бы быть его необходимым компонентом. Обычно под пробелом в праве понимают полное или частичное отсутствие нормативных установлений, необходимость которых обусловлена развитием общественных отношений и потребностями практического решения дел, основными принципами, политикой, смыслом и содержанием действующего законодательства, а также иными проявлениями государственной воли, направленной на регулирование жизненных фактов в сфере правового воздействия [10,3]. Преодолеть пробелы возможно с помощью специально разработанных правоприменительных приемов - аналогии права и аналогии закона. Аналогия права подразумевает применение права, исходя из общего смысла и общих начал права, из того, что называется «ratio legis». В этом смысле приоритетная роль принципов права в рассмотрении и решении возникшего правового вопроса незаменима. Наличие законодательно закрепленных принципов способствует улучшению качества правоприменения при разрешении споров, нормами права которые не разрешить.

Обращение к принципам права пока не стало обычной практикой для правоприменения. Вместе с этим нужно отметить, что действующее законодательство может разрешить суду при вынесении решения руководствоваться общими принципами права. Поэтому во многих постановлениях суда в основу выводов положены правовые

принципы Законность таких решений обосновывается не «буквой», но «духом» закона, вытекающим из общих начал и смысла действующего законодательства. В этом случае видится целесообразность обращения судов к перечню принципов, сформулированных в законодательстве, т.к. толкование и анализ правовых норм будет приводить к таким затруднениям как отсутствие единообразия определения, классификации и понимания сущности принципов права.

Использование принципов создает возможность применять законодательство не только при наличии в нем пробелов, но и при коллизиях правовых норм (противоречиях, возникающих между отдельными элементами правовой системы, которые нуждаются в устранении для ее нормального функционирования (действия). Принципы права в определенной мере могут исправлять некоторые законотворческие ошибки. Значимость принципов права позволяет им корректировать нечетко изложенную позицию законодателя по тем или иным вопросам правового регулирования (нарушение стиля, неточность в оперировании понятиями и т.д.).

Достаточно сказать, что отсутствие законодательного закрепления принципов трудового права служит препятствиями на пути реализации принципов права в правоприменительной деятельности.

Резюмируя изложенное, необходимо подчеркнуть, что необходимой предпосылкой создания единой системы правового регулирования трудовых отношений в ДНР должно стать текстуальное закрепление принципов трудового права, смыслу и содержанию которых будут соответствовать все нормы трудового права.

В проекте Трудового кодекса ДНР текстуально должны быть сформулированы и включены перечень всех основных отраслевых принципов, являющихся основополагающими руководящими положениями, отображающими направленность и сущность всего трудового законодательства.

Текстуальное закрепление основных принципов трудового права в проекте Трудового кодекса ДНР является необходимым условием решения некоторых современных проблем правового регулирования социально-трудовых отношений в нашем государстве.

Список литературы

1. Алексеев, С. С. *Право: Азбука. Теория. Философия: Опыт комплексного исследования* / С. С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 712с.
2. Трудовое право: учебник /под ред. О.В. Смирнова. - М.: Статус ЛТД+, 1996. – 384с.
3. Лившиц Р.З. *Теория права: Учебник.* - М.: БЕК, 1994. – 224с.
4. Трудовой Кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 29 июля 1999г., № 296-3 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] /Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
5. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.06.2014 № 9-1 «О применении Законов на территории ДНР в переходный период». <http://fpdnr.ru/wp-content/uploads/2017/01/Postanovlenie-9-1.pdf>.
6. Кодекс законов о труде Украины: Закон Украины от 10.12.1971 г. // Відомості Верховної Ради УРСР. – 1971 р. – Додаток до N 50. — №. 375.
7. Чечина Н.А. Принципы советского гражданско-процессуального права и их нормативное закрепление. // Правоведение. - 1960. - № 3. - С.78-83.
8. Фурсов Д.А. Предмет, система и основные принципы арбитражно-процессуального права (проблемы теории и практики). - М., 1999.- 430с.;
9. Дмитриева, И.К. Принципы российского трудового права: Монография / И.К.Дмитриева. – М.: РПА МЮ РФ, изд-во ООО «Цифровичок», 2004. - 334 с.

10. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. — М.: Юрид. лит., 1974. – 184с.

УДК 343.64.3

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Якубовский Эдуард Николаевич,
Председатель Верховного Суда
Донецкой Народной Республики, г. Донецк
E-mail: ed_yakubovsky@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается правовое регулирование деятельности судебной системы Донецкой Народной Республики, её становления и развития в условиях вооружённого конфликта на Донбассе, а также существующие в настоящее время проблемные вопросы в данной области.

Ключевые слова: судебная система, судебная власть, суды, законодательство.

Актуальность темы исследования. Наличие судебной власти, наряду с законодательной и исполнительной, является обязательным признаком демократического государства. В таком государстве главное назначение судебной власти – охрана членов общества от любого произвола граждан и от неправильных действий самого государства, его органов, должностных лиц. Без осуществления подобной деятельности государство не может считаться правовым [1, с. 32].

Согласно Конституции [2] Донецкая Народная Республика является демократическим правовым социальным государством, государственная власть в котором осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы государственной власти Донецкой Народной Республики были в основном сформированы в 2014 году, в период активной фазы боевых действий. Не стала исключением и судебная система, становление которой происходило в непростых условиях военного времени, ограниченного финансирования, когда судебная система Украины на территории Донецкой Народной Республики фактически прекратила осуществление своих функций. Судебная система строилась с таким расчётом, чтобы, с одной стороны, максимально обеспечить защиту прав граждан, интересов общества и государства, а с другой – чтобы эта система не была дорогостоящей и медлительной [3].

Вопросам правового регулирования деятельности судебной системы Донецкой Народной Республики учёные-юристы до настоящего времени не уделяли достаточного внимания, что обуславливает актуальность нашего исследования, его практическое значение для деятельности судов в Донецкой Народной Республике в настоящее время и в будущем.

Целью настоящей статьи является изучение правового регулирования деятельности судебной системы в период становления и развития Донецкой Народной Республики в условиях вооружённого конфликта на Донбассе, а также выявление проблем, существующих в настоящее время в правовом регулировании деятельности судебной власти.

Изложение основного материала. Донецкая Народная Республика является молодым государством – Декларация о её суверенитете подписана 7 апреля 2014 года. После проведения 11 мая 2014 г. референдума о самоопределении была принята Конституция [2], которая заложила основы правового регулирования деятельности судебной системы в нашем государстве. Согласно ст. 80 Конституции, правосудие в

Донецкой Народной Республике осуществляется только судом, а судебная система состоит из Верховного Суда и других судов, порядок образования и деятельности которых определяются законом. Ч. 5 ст. 86 Конституции устанавливает, что суды в Донецкой Народной Республике осуществляют правосудие в соответствии с их полномочиями, установленными Конституцией и законом.

Становление независимости Донецкой Народной Республики ознаменовалось актом внешней агрессии против неё со стороны военных и военизированных формирований, подчиняющихся властям Киева. Вследствие данного обстоятельства Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 25 мая 2014 г. № 6-5 [4] на всей территории Донецкой Народной Республики введено военное положение. П. 6 указанного Постановления предоставил право уполномоченным представителям Совета Безопасности формировать на местах Военно-полевые суды в составе пяти человек, с обязательным включением двух представителей местных или центральных органов государственной власти республики из лиц старше 35 лет. Данное Постановление закрепляет права Военно-полевых судов, а также устанавливает, что рассмотрение дел в них производится в соответствии с нормами «Положения о военно-полевых судах».

В связи с отсутствием в тот момент на территории Донецкой Народной Республики соответствующей законодательной базы, а также необходимостью постоянного регулирования отношений между субъектами права, Советом Министров Донецкой Народной Республики было принято Постановление от 2 июня 2014 г. № 9-1 «О применении Законов на территории ДНР в переходный период», согласно которому все органы исполнительной власти в организации своей деятельности должны руководствоваться положениями Декларации о суверенитете и Конституции Донецкой Народной Республики, а законы и другие правовые акты, действовавшие на территории Донецкой Народной Республики до вступления в силу Конституции, применяются в части, не противоречащей ей.

Летом 2014 года в Донецкой Народной Республике сложилась ситуация «вакуума» в сфере судебной власти: функционировавшие ранее судебные органы с частью их кадрового состава были переведены на территории, подконтрольные Украине, а собственная судебная система в Донецкой Народной Республике не была создана вследствие целого ряда причин, среди которых – отсутствие соответствующей нормативной базы, финансирования, нехватка квалифицированных кадров. Однако уже 17 августа 2014 г. было принято Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики № 27-1 «Об утверждении Положения о Военных Судах Донецкой Народной Республики» [5], а 23 сентября 2014 г. Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № 35-1 назначается Председатель Верховного Суда. Фактически, данными постановлениями был дан старт формированию судебной системы нашего государства.

Утверждение Положения о Военных Судах Донецкой Народной Республики было обусловлено в первую очередь необходимостью создания и развития нормативно-правовой базы, необходимой для борьбы с преступностью в условиях военного положения и в районах боевых действий. Согласно п. 4 указанного Положения систему военно-полевых судов в военное время составляют военно-полевые суды гарнизонов, воинских частей, соединений, объединений (суды первой инстанции) и Военный Трибунал Донецкой Народной Республики (суд второй инстанции). Также Положением урегулированы вопросы создания военно-полевых судов, формирования их структуры и штатной численности, обеспечения их деятельности, подсудности дел, а также порядок расследования и рассмотрения дел.

Ввиду отсутствия на тот момент в Донецкой Народной Республике собственной устойчивой законодательной базы, протокольным решением Пленарного заседания Верховного Совета Донецкой Народной Республики от 19 августа 2014 г. Президиум

Совета Министров Донецкой Народной Республики был наделён правом издавать постановления по вопросам, не урегулированным законами Донецкой Народной Республики.

22 октября 2014 г. Советом Министров Донецкой Народной Республики были утверждены постановления № 40-1 «О создании судебной системы» [6] и № 40-2 «О судебной системе» [7]. Постановление «О создании судебной системы» устанавливает, что судебная система Донецкой Народной Республики состоит из Верховного Суда, городских и районных судов общей юрисдикции, военных судов и арбитражного суда. С момента вступления указанного Постановления в силу на территории Донецкой Народной Республики запрещена деятельность судебных органов (судов) Украины и территориального управления государственной судебной администрации Украины в Донецкой области.

Постановлением «О судебной системе» утверждено «Временное положение о судебной системе ДНР». Данное «Временное положение» разработано с учётом того, что законодательство Украины, на которое ориентируется судопроизводство и юристы республики до принятия собственных законодательных актов, не может в полной мере применяться в Донецкой Народной Республике, в частности, в плане системы судоустройства, взаимоотношений между судами первой и более высоких инстанций, в вопросах кадровой политики. По сути, в республике создаётся новая судебная система с новыми подходами и на совершенно новых принципах. Так, в Донецкой Народной Республике отказались от украинской системы судопроизводства: в нашем государстве отсутствует такой её элемент, как административные суды (выполнение их функций возложено на суды общей юрисдикции), а также в судебную систему возвращены военные суды [8]. Временным положением о судебной системе также закреплены: задачи и принципы правосудия; установлены требования к судье, народному заседателю и составу суда; предоставлено право на кассационное обжалование судебных решений и внесение кассационного протеста на решение судов; регламентирован порядок наделения полномочиями судей и срок их полномочий; определены система судов, полномочия Председателя Верховного Суда и его заместителей, судебных палат Верховного Суда, состав и полномочия Президиума Верховного Суда, Пленума Верховного Суда, компетенция Судебного Департамента при Верховном Суде.

В период с 1 декабря 2014 г. по 21 апреля 2015 г. приказами Председателя Верховного Суда Донецкой Народной Республики создано 15 судов общей юрисдикции и 2 специализированных суда.

Центральное место в судебной системе Донецкой Народной Республики занимает Верховный Суд, который на сегодняшний день является органом кассационной и надзорной инстанции, а также в случаях, установленных законом, выступает в качестве суда первой инстанции.

Пленум Верховного Суда разрабатывает рекомендации для судов и утверждает их своими постановлениями. За время существования судебной системы Донецкой Народной Республики проведено 7 заседаний Пленума Верховного Суда, утверждено 35 постановлений Пленума Верховного Суда Донецкой Народной Республики. Особо следует отметить Постановление Пленума «О некоторых вопросах применения Конституции Донецкой Народной Республики при осуществлении правосудия», поскольку закреплённое в Законе Донецкой Народной Республики от 7 августа 2015 г. № 72-ІНС «О нормативных правовых актах» положение о высшей юридической силе и прямом действии Конституции означает, что все конституционные нормы имеют верховенство над законами и подзаконными актами, в силу чего суды при рассмотрении конкретных дел обязаны руководствоваться Конституцией. Однако суд не имеет права, применив Конституцию как акт прямого действия, признать неконституционными законы или иные нормативные правовые акты, принятые Народным Советом или Советом

Министров Донецкой Народной Республики, а также указы или распоряжения Главы Донецкой Народной Республики.

Также отметим, что судебная система Донецкой Народной Республики выходит на новый уровень, о чём свидетельствует принятое Постановление Пленума «Об утверждении Положения о Научно-консультативном совете при Верховном Суде Донецкой Народной Республики и определении его персонального состава». Научно-консультативный совет при Верховном Суде, который является совещательным органом, создан с целью разработки научно обоснованных рекомендаций по проблемным вопросам, вызывающим трудности в правоприменительной практике судов, действует на основании Временного Положения о судебной системе Донецкой Народной Республики и Положения о Научно-консультативном совете при Верховном Суде Донецкой Народной Республики. В его задачи входит разработка научно обоснованных рекомендаций по принципиальным вопросам судебной практики, а также предложений по совершенствованию законодательства. Главная цель Научно-консультативного совета при Верховном Суде – содействие укреплению законности при осуществлении правосудия.

Научно-консультативный совет занимается изучением вопросов, возникающих в судебной деятельности, и разрабатывает рекомендации:

1) по проектам постановлений Пленума Верховного Суда Донецкой Народной Республики, содержащих разъяснения относительно применения законодательства, по материалам обобщений судебной практики и судебной статистики;

2) по проектам законов, которые Верховный Суд Донецкой Народной Республики разрабатывает как субъект законодательной инициативы, а также по законопроектам, к которым Верховный Суд Донецкой Народной Республики готовит предложения, замечания и поправки, оформленные в виде соответствующих заключений;

3) по проектам инструкций, регламентов, информационных и разъяснительных писем, методических рекомендаций и иных документов, разрабатываемых Верховным Судом Донецкой Народной Республики;

4) по вопросам правового характера, возникающим в судебной практике.

В Научно-консультативном совете сформированы секции по отраслям права, которые готовят научно обоснованные заключения с последующим их вынесением на заседание Научно-консультативного совета. В Научно-консультативном совете действуют конституционно-правовая, гражданско-правовая, арбитражно-правовая секции, уголовно-правовая секция, включающая уголовно-правовую и административно-правовую подсекции, а также секция по делам военнослужащих и секция судоустройства и статуса судей. Для участия в заседаниях Научно-консультативного совета и его секций, подсекций могут привлекаться специалисты различных отраслей знаний, не являющиеся его членами.

Обобщением судебной практики в структуре Верховного Суда Донецкой Народной Республики занимается его Президиум.

Управление мониторинга и правоприменительной практики Судебного Департамента при Верховном Суде Донецкой Народной Республики также занимается анализом и обобщением судебной практики, осуществляет мониторинг судебных решений и итогов заседаний межведомственных рабочих групп, на которых обсуждаются проблемные вопросы применения действующего законодательства. Так, в 2017 году данным Управлением подготовлены информационные письма для использования судами республики в своей работе:

1) «О разъяснении вопросов, возникающих при рассмотрении производств об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 4 ст. 184, ст. 185-4, ч. 2 ст. 185-6, ст. 185-8, ст. 185-11 Кодекса Украины об административных правонарушениях, возбуждённых работниками органов прокуратуры Донецкой Народной Республики» от 10 февраля 2017 г. № 07-22/1764/17г;

2) «О внесении дополнений в информационное письмо Председателя Верховного Суда Донецкой Народной Республики от 04.01.2016 № 02.1-12/8/16у «О применении судами Донецкой Народной Республики законодательства при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора» от 16 мая 2017 г. № 02-21/6459/17г;

3) «О разъяснении вопросов, связанных с поворотом исполнения решений судов по гражданским делам» от 24 мая 2017 г. № 02-21/6945/17г;

4) «Об определении подсудности дел об административных правонарушениях, предусмотренных статьёй 188-41 КУоАП» от 14 июня 2017 г. № 02-21/8168/17г;

5) «О разъяснении некоторых вопросов, возникающих при разрешении споров о возмещении морального вреда, причинённого вследствие нарушения прав потребителей» от 28 ноября 2017 г. № 02-21/17991/17г;

6) «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о взыскании суммы долга с учётом индекса инфляции» от 6 декабря 2017 г. № 02-22/4009/17а;

7) «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о взыскании суммы долга с учётом индекса инфляции» от 6 декабря 2017 г. № 02-21/18607/17г.

В целом, судьи Донецкой Народной Республики руководствуются, прежде всего, Конституцией, нормами Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики утверждённого Постановлением Президиума Совета Министров Донецкой Народной Республики от 17 августа 2014 г. № 27-2 [10], законами, указами Главы Донецкой Народной Республики, подзаконными нормативными правовыми актами. В своей процессуальной деятельности суды Донецкой Народной Республики руководствуются нормами Гражданского процессуального кодекса Украины, Уголовно-процессуального кодекса Украины от 1960 года с определёнными изменениями, Кодекса Украины об административных правонарушениях, Хозяйственного процессуального кодекса Украины. Для повышения качества работы судебной системы требуется скорейшее принятие собственных кодифицированных нормативных актов, проекты которых в настоящее время находятся на рассмотрении в Народном Совете Донецкой Народной Республики.

Также в Народном Совете Донецкой Народной Республики на рассмотрении находится законопроект «О судебной системе Донецкой Народной Республики». Основная его цель – попытка сформировать независимую судебную власть, создать законодательство, нормы которого будут отвечать основополагающим принципам Конституции и международным стандартам законности, доступности суда, верховенства права и независимости судебной ветви власти, построить институт правосудия, целью которого будет являться эффективная защита прав и свобод каждого лица. Положения законопроекта обеспечат правовое регулирование принципиальных вопросов судостроительства, судейского статуса, создадут условия полного и независимого осуществления конституционного, гражданского, арбитражного и уголовного судопроизводства действующими на территории Донецкой Народной Республики судами. В указанном законопроекте получили развитие конституционные положения о судебной власти, её самостоятельности и независимости от законодательной и исполнительной властей, нормы о самостоятельности судов и независимости судей, обязательности судебных решений, равенстве всех перед законом и судом, гласности в деятельности судов, участии граждан в осуществлении правосудия, языке судопроизводства и делопроизводства, символах государственной власти в судах, организационном обеспечении деятельности судов.

Выводы. Судебная система Донецкой Народной Республики на сегодняшний день в целом сформирована и на должном уровне выполняет возложенные на неё функции осуществления правосудия, защиты прав и свобод граждан, юридических, физических и иных лиц. Однако законодательство Донецкой Народной Республики, как материальное, так и процессуальное, призванное в полной мере обеспечить качественную работу судов, быстроту и оперативность разрешения споров, обоснованность и законность решений,

ещё до конца не сформировано. Требуют скорейшей доработки и утверждения Народным Советом Донецкой Народной Республики проекты Гражданского, Гражданского процессуального, Уголовного процессуального, Арбитражного процессуального кодексов, Кодекса об административных правонарушениях и ряда других нормативных правовых актов, центральным из которых для деятельности судов республики и урегулирования ряда важных вопросов является Закон «О судебной системе Донецкой Народной Республики». Принятие перечисленных законодательных и других нормативных правовых актов позволит судебной власти на более высоком уровне осуществлять правосудие, обеспечит дальнейшее развитие и совершенствование судебной системы Донецкой Народной Республики, что будет способствовать укреплению нашего молодого государства.

Список литературы

1. Раилян П. Сущность судебной власти в правовом государстве // Закон и жизнь. – 2010. – №9. – С. 30-33.
2. Конституция Донецкой Народной Республики: Утверждена Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 г. № 1-1 / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/>.
3. Судебная система ДНР находится на переходном этапе развития – Председатель Верховного Суда Эдуард Якубовский / Официальный сайт общественного движения «Свободный Донбасс». 18 октября 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://odsd.ru/news/sudebnaya-sistema-dnr-nakhoditsya-na-perekhodnom-etape-razvitiya-predseda-tel-verkhovnogo-suda-eduard>.
4. О введении на территории Донецкой Народной Республики военного положения: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 25 мая 2014 г. № 6-5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mid.dnr.su/DOC/20140525.htm>.
5. Об утверждении Положения о Военных Судах Донецкой Народной Республики: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 17 августа 2014 г. № 27-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://smdnr.ru/wp-content/uploads/2016/07/27-1.pdf>.
6. О создании судебной системы: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 22 октября 2014 г. № 40-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gispa-dnr.ru/npa/0003-40-1-20141022>.
7. О судебной системе: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 22 октября 2014 г. № 40-2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gispa-dnr.ru/npa/0003-40-2-20141022>.
8. Верховный Суд ДНР: не только карать, но и защищать / Сайт Интернет-издания «Деловой Донбасс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://delovoydonbass.ru/news/nashi_materialy/the_supreme_court_of_the_npt_not_only_to_punish_but_also_to_protect/.
9. Отчёт первого заместителя Председателя Верховного Суда об итогах работы судебной системы Донецкой Народной Республики по состоянию на декабрь 2017 года / Сайт Интернет-издания «Деловой Донбасс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://delovoydonbass.ru/news/the_judicial_system/the_results_of_the_work_of_the_judicial_system_dnr/.
10. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики: Утверждён Постановлением Президиума Совета Министров Донецкой Народной Республики от 17 августа 2014 г. № 27-2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnr-online.ru/download/ugolovnyj-kodeks-dnr/>.

РЕЗОЛЮЦИЯ
По итогам работы Международного круглого стола,
посвященного Дню Победы
«Право и правосознание в период вооруженных конфликтов»

Международный круглый стол, посвященный Дню Победы «Право и правосознание в период вооруженных конфликтов» состоялся 4 мая 2018 года в Донецке, ДНР.

Организаторами мероприятия выступила кафедра теории и истории государства и права юридического факультета Донецкого Национального Университета (Донецк, ДНР), при содействии Министерства образования ДНР, Министерства культуры ДНР, Донецкого республиканского краеведческого музея, Военно-исторического музея Великой Отечественной войны (г. Донецк, ДНР).

Заслушав и обсудив доклады участников международного круглого стола «Право и правосознание в период вооруженных конфликтов» участники отмечают следующее:

Признавая значимость и актуальность проблем права и правосознания в период вооруженных конфликтов участники с удовлетворением отмечают, что в канун 75 годовщины освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков сделан акцент на возрастание значения исследования уголовной политики, правовых форм выражения основных принципов трудового права и правового регулирования деятельности судебной системы Донецкой Народной Республики, правотворчества, информационной безопасности, ограничения права собственности, формирования правовой культуры, защиты прав человека в условиях вооруженных конфликтов, а также других актуальных вопросов.

Особую обеспокоенность вызывают события, влекущие массовые нарушения прав человека в условиях современных вооруженных конфликтов как международного, так и национального характера.

Сегодня в Донецкой Народной Республике происходит поступательное государственное строительство, основанное на принципах развития ведущих институтов гражданского общества, таких как свобода слова и печати, открытость деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, проведения честных выборов и др.

Исходя из итогов обсуждения участники круглого стола предлагают:

1. Считать актуальной концентрацию усилий органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных организаций, вузовских работников Донецкой Народной Республики на ключевых проблемах совершенствования деятельности данных институтов в целях эффективной реализации защиты прав человека в условиях вооруженного конфликта.

2. Констатировать, что на современном этапе государственного строительства еще не в полном объеме реализованы базовые нормы Конституции ДНР, Закона ДНР «О нормативно-правовых актах», уголовного законодательства ДНР. Указанные обстоятельства негативно сказываются на гарантировании конституционных прав и свобод граждан Республики. Причины их сохранения обосновывают необходимость разработки и принятия в ДНР концепции уголовной политики. Исправить сложившуюся ситуацию предложено путем устранения противоречий и гармонизации уголовного законодательства.

3. Акцентировать внимание на то, что необходимой предпосылкой создания единой системы правового регулирования трудовых отношений в ДНР должно стать текстуальное закрепление принципов трудового права, смыслу и содержанию которых будут соответствовать все нормы трудового права. В проекте Трудового кодекса ДНР текстуально должны быть сформулирован и включен перечень всех основных отраслевых принципов, являющихся основополагающими руководящими положениями, отображающими направленность и сущность всего трудового законодательства.

4. Резюмировать, что судебная система Донецкой Народной Республики на сегодняшний день в целом сформирована и на должном уровне выполняет возложенные на неё функции осуществления правосудия, защиты прав и свобод граждан, юридических, физических и иных лиц. Однако законодательство Донецкой Народной Республики, как материальное, так и процессуальное, призванное в полной мере обеспечить качественную работу судов, быстроту и оперативность разрешения споров, обоснованность и законность решений, ещё до конца не сформировано. Требуют скорейшей доработки и утверждения Народным Советом Донецкой Народной Республики проекты Гражданского, Гражданского процессуального, Уголовного процессуального, Арбитражного процессуального кодексов, Кодекса об административных правонарушениях и ряда других нормативных правовых актов, центральным из которых для деятельности судов республики и урегулирования ряда важных вопросов является Закон «О судебной системе Донецкой Народной Республики». Принятие перечисленных законодательных и других нормативных правовых актов позволит судебной власти на более высоком уровне осуществлять правосудие, обеспечит дальнейшее развитие и совершенствование судебной системы Донецкой Народной Республики, что будет способствовать укреплению нашего молодого государства.

5. Активизировать правовоспитательную работу повышения правосознания и правовой культуры населения путем межвузовской координации.

6. Обобщить предложения участников круглого стола и опубликовать их.